Интернет-издание
авторов рунета

Октябрь 2016, Выпуск № 1

Оглавление

Уважаемый читатель!....6

Мистика

Роман Дих....8

ЗАБИРАЙ!....8

Дмитрий Палеолог....11

МЕРТВЫЙ СЕРЖАНТ....11

Денис Голубев....20

ПОДВОРОТНЯ....20

Санди Зырянова....30

КАЗАЦКИЙ ДУБ....30

Владимир Сединкин....33

ПОСЫЛЬНЫЙ....33

Фантастика

Максим Рябов....39

РОБОТ....39

Владислав Ким....45

ПАЦИФИЗМ....45

Олег Нагорнов....55

ИЛЛЮЗИИ КРАСНОЙ ШАПОЧКИ....55

Дмитрий Фантаст....64

КОНТАКТ....64

Юрий Табашников....73

ПОБЕГ ИЗ РАЯ....73

Игорь Недвига....88

ЖИЛЬЁ НА МАРСЕ....88

Мистика

Михаил Бочкарёв....98

МЫШЕЛОВКА....98

Анна Коскова....104

ЖАР....104

Наталия Хмелева....108

СКОТСКАЯ ИСТОРИЯ....108

Фэнтези

Ольга Травушкина....117

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ....117

Ляля Владимировна Райман 119
ДАВАЙТЕ ПОЗНАКОМИМСЯ! 119
Наталья Алексеева 122
ЖЕНИХ ДЛЯ ВЕДЬМЫ 122
Мари Розмари 127
АЛМАЗНЫЙ ДРАКОН 127
Глава 1. В путь! 127
Глава 2. Лютто и Ватто 137
Глава 3. Ночной визитер 148
Глава 4. О сущности проклятий 157
Глава 5. Страшная находка 162
Глава 6. Самум 169
Глава 7. Признание чародея 177
Глава 8. Сказание о Роншейне 189
Современная проза
Виктория Ольгина 203
НЕСОВПАДЕНИЕ 203
Владимир Бриз 206
ДЕРЗКАЯ 206
Валентина Поваляева 209
ТЕЗКИ 209
МАШИНЫ СКАЗКИ 212
Серж Орех 218
ПОЗВОНИ МНЕ, ПОЗВОНИ! 218
Светлана Корзун 221
Я БУДУ ЖИТЬ ДОЛГО 221
Олег Епишин 230
КАК ЭТО БЫЛО. СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА 230
Юмор
Николай Озеров 238
ВЕЧНАЯ СЛАВА ЛУИ! 238
Алена Печерская 239
ВЗРЫВ МОЗГА (ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА) 239
Олег Епишин 241
NOSTALGIA 241
Ирена Сытник 242
ПОЧТИ АНЕКДОТ 242

Стихи

Татьяна Аверина 244
ГУСЕНИЦА И ДУХ ЛЕСА 244
СИЗАРИ 247
ПРИТЧА О ЛУНЕ 249
КРЫЛЬЯ 251
Ирина Булахова 254
ГРОЗА 254
ЛЕВКОЙ 255
ПОРА ВДОХНОВЕНИЯ 256
ПРОЩАНИЕ 256
Ирена Сытник 257
А НОЧЬ – НА ТО ОНА И НОЧЬ 257
РАЗГОВОР С ДОЖДЁМ 258
СВАДЕБНАЯ КЛЯТВА 259
Инесса Мартын 259
ДАО ПО-РУССКИ 259
ВЫСОКИЕ КАБЛУКИ 260
ВОЛШЕБНИКАМ НУЖНО ПОРОЙ ОТДЫХАТЬ 262
САД КАМНЕЙ 263
Ирина Каденская 264
ЭМИГРАНТКА 264
А ОТ МЕНЯ И ДО ТЕБЯ… 265
ПРИНЦЕССА С ГЛАЗАМИ ЛАНИ 266
ОН УХОДИЛ НА ФРОНТ 267
Тина 268
ПАРА СТРОК 268
АПРЕЛЬСКОЕ БРЕДОВОЕ 269
ПОЧТИ НЕ СТРАШНО 270
НОЧЬ 270
Сарвар Турдибоев 271
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ГРУСТЬ 271
Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ НЕ БОЯЛАСЬ 272
ОБРЕЗАЯ ЛОЗУ 273
ЖИЗНЬ КОРОТКА, ЗАЧЕМ ЖЕ В СЕРДЦЕ ЗЛОСТЬ 274
Анна Штурмина 274
Я СРЫВАЛА БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ 274

ПИСЬМО ЛЕЖИТ В ОРЕХОВОЙ ШКАТУЛКЕ 275
СМОТРИТЕ, ПЕРВЫЙ СНЕГ УКУТАЛ КРЫШИ 276
ПОМНИ ОБО МНЕ ЧЕРЕЗ ГОДА 277
Наталья Ермилова 277
НУ, ЧТО ТЫ, ОСЕНЬ, СНОВА ЗАГРУСТИЛА 277
ПОДСКАЖИ, КУДА МНЕ ИДТИ 278
НЕ ХОТЕЛ 279
ЛЕКАРСТВО 280
Олег Панов 281
ПОВОДОК 281
ДАО ДЕМОНА 282
МОРСКОЙ ВОЛК 284
ЛЮБОВЬ ГОЛОВНОГО МОЗГА 286
Игорь Кремнев 287
ТЫ УЙДЁШЬ 287
МОНОЛОГ ВРАЧА. Часть 1 287
МОНОЛОГ ВРАЧА. Часть 2 288
МОНОЛОГ ВРАЧА. Часть 3 289
Надежда Кетрарь 290
ПОД СЕНЬЮ СКАЗОЧНОГО ЛЕСА 290
КАМЛАЛ ШАМАН 291
СТАРАЯ БЕРЕЗА 292
ГАСТРОСТИХ 292
Фото Натальи Зяблицкой 295

Уважаемый читатель!

Если этот журнал попал к Вам в руки, значит, Вы стали свидетелем запуска нового проекта под названием Интернет-издание авторов рунета «Портал». Это самый первый номер электронного журнала, который мы собирали с энтузиазмом и придирчивостью людей, пытающихся заинтересовать искушенного современного читателя.

Здесь представлены работы наших коллег по перу, произведения самых разнообразных направлений и жанров. То, что читаем мы сами. Скажете, что подобное можно встретить повсеместно? И будете правы. Есть только один нюанс – мы отобрали лучшее! Насколько это правда, судить Вам.

Никакой коммерческой цели организаторы проекта не преследуют. Мы просто хотим поделиться своими фантазиями и близкими нам эмоциями. Вот поэтому приглашаем Вас попутешествовать через наш Портал.

Главный редактор: Юрий Табашников e-mail: ytabashnikov@mail.ru

Редакторы:
Тина

Дмитрий Фантаст

Мистика

Роман Дих

ЗАБИРАЙ!

«Забирай боль, забирай силу злую-неведомую, со хребта и с живота…» – так его отшёптывала бабушка, когда врачи прописывали кучи таблеток и уколов от пневмонии. В бреду ему, тогда ещё шестилетнему, мерещились какие-то лица синие, клубящиеся, претворяющиеся из одного в другое, смеющиеся; как он вспоминал позже – великолепные в своём безразличии к нему, всего лишь комку жизни. Помрёт – его просто пожрут эти синие, выживет – тоже ничего страшного не произойдёт. А бабушка не унималась никак, защищала внука любимого от безразличных тех, потому что больше некому – родители на заработках, как встарь, там, куда раньше ссылали, а позже люди сами в те места холодные и сытые ехали.

Ну и отбила внучонка наконец – отогнала от него тех-то…

И позже она его берегла, как могла, это уж он потом понял, с некоторым даже сожалением. Но молодым, когда уже лет шестнадцать-семнадцать, когда девки на уме и во снах - в этом возрасте кому бабские забобоны нужны, тем более в уже кончающийся век – у него тогда всё было, родители наконец-то накопили нужное и перевели в доллары. Папка открыл свой магазинчик, первый – тогда бабушка тоже расстаралась, видимо. Когда на отца «наехали» ребята в коже, с фиксами золотыми и амбициями непомерными – папа пришёл грустный, с синяком под глазом и пьяный немножко. В тот вечер к бабушке в комнату отец зашёл, просидел с ней допоздна.

Все следующие дни отец словно на крыльях летал – а в сводке происшествий по телевизору как по заказу показали и рассказали: «В автокатастрофе погибли главари преступной группировки, известные как…». Тогда он, пацан ещё, всерьёз задумался, что бабушка его…

Там и новый случай себя ждать не заставил – Катя Анисимова, первая красавица их первого курса, ну никак не хотела с ним… А он

изнывал, как кобель от течной сучки изнывает, молодое дело, понятно. Вот тогда он к бабушке своей заходит – а та как знала, заулыбалась аж. «Внучонок, иди, погуляй, потом позову», – он выскочил погулять, ветер на улице и в голове ветер похотливый, юношеский. Со знакомыми ребятами просто пивка во дворе попил – и домой, там уже бабушка сама к нему идёт, в руку бумажку пихает с чем-то: «Какая нравится – у той на пути рассыплешь, понял?» Понял, конечно, не маленький…

На другой день сыпанул прямо в аудитории у ножки стола Кати Анисимовой – и через два дня уже пришла она сама к нему домой, а он как зверь молодой на неё накинулся, и без остановки с ней, а она тоже, как одержимая…

Потом бросил, конечно, и Катька аборт сделала – как у молодых часто сейчас бывает.

А лет в восемнадцать… он не забыл те лица, что ему, маленькому, являлись, когда от пневмонии загибался – они, лица, перетекающие как бы одно в другое, снова начали появляться, молчали и улыбались – но он понимал их больше, чем если бы они с ним пытались заговорить… Естественно, молодому парню умения его стареющей, уже из ума выживающей бабушки, пригодятся. И синие, являющиеся в грёзах перед сном, научили, как взять…

Он просто однажды к бабушке зашёл, руку протянул только – бабушка и на колени было упала. В глазах – недоумение только… а потом его бабка просто на пол сползла молчком, когда в него перетекало то, чем бабушка «жила-была», как в сказках говорят, в ушах только гремело: «забирай, забирай!». В углу что-то тёмное закопошилось. Он брезгливо отошёл от мёртвой и, пикая кнопками мобильника, позвонил отцу – мама, всё увядающую красоту спасая, где-то на шейпинге или в парикмахерской пропадала.

Отец всхлипнул в трубку – этот всхлип словно влился в полученную бабкину силу – и он аж воспрял немного.

Когда уж схоронили и сели поминать – он, потехи ради, глянул на глиняную миску с кутьёй – та лопнула пополам. Тут некоторые всполошились – «ещё покойник будет!» – а он усмехался про себя – «будет, как скажете».

В полумраке поминальной комнаты кружились, вились лишь ему видимые лица.

Дмитрий Палеолог

МЕРТВЫЙ СЕРЖАНТ

Рассказ написан по реальным событиям.
Имена главных героев изменены.

г. Грозный, январь 1995 г.

Небо, затянутое серою мглой. Непонятно – утро сейчас или вечер. Но не мгла виновата в этом – счет времени потерялся. Казалось, этот бой тянется вечность, вместив в себя десятки смертей, неимоверное количество боли и океан ужаса, затопившего весь мир. Страх уже перестал быть инстинктом самосохранения – он перешагнул ту грань, когда может начаться и кончиться; теперь он был всегда, затопив сознание, растворив мысли и проникнув в каждую частичку тела. Он стал тобой. Навсегда.

Даже сейчас, когда выстрелы с другой стороны улицы прекратились, страх не отпускал, вызывая внутреннюю дрожь – адреналин еще клокотал в крови.

Я хрипло вздохнул несколько раз, пытаясь успокоиться, потер ладонями лицо, размазывая грязь.

Получалось плохо.

Нашарив на поясе флягу, непослушными пальцами снял крышку и сделал пару глотков – руки противно дрожали.

Вода показалась горькой на вкус.

– Герасимов! – позвал я.

Сержант в «разгрузке» поверх грязного камуфляжа обернулся. Он занимал позицию у проема выбитого окна на куче битого кирпича.

– Проверь людей. Доложи о потерях,- произнес я, глядя в серое, осунувшееся лицо.

– Есть, – ответил он, осторожно сполз с кучи камней, и исчез в полутемном коридоре.

Я осторожно выглянул в узкий пролом в стене.

Улица, заваленная трупами. Холодный ветерок пробегал среди развалин, закручивал пыль маленькими смерчами, словно приглашал мертвые тела поучаствовать в танце. Приторно-сладкий запах свежепролитой крови резал обоняние. Кровь натекла огромными лужами, разукрасила битый кирпич и серую пыль темными извилистыми полосками, пестрела алыми разводами на бледных лицах погибших солдат.

Кошмарная панорама войны, способная свести с ума любого. Хотелось отвернуться, зажмуриться, сделать что угодно, лишь бы никогда не видеть подобного.

Полчаса назад отряд получил задачу выбить «духов» из здания напротив. Командование расщедрилось – даже выделило в усиление два танка Т-80. И задача не казалась сложной – по разведданным в здании находились два пулеметных расчета и наблюдательный пункт. От силы два десятка человек.

Я лишь заскрипел зубами, вспомнив эту разведсводку...

Огонь на подступах к дому оказался настолько плотным и неожиданным, что поставил жирный крест на планах командования овладеть зданием с ходу. За первые минуты боя полегло десять человек, выкошенные пулеметным огнем. Огневые точки, расположенные на нижних этажах, вели перекрестный огонь на убийственно короткой дистанции, не давая людям ни единого шанса. В общей какофонии боя сухими, резкими хлопками звучали выстрелы снайперов – били наверняка, словно по мишеням в тире. Что такое сто метров для армейской СВД? С такого расстояния никакой бронежилет не спасал – пуля пробивала его насквозь вместе с телом, отшвыривая человека на пару шагов.

Но нужно отдать должно танкистам – успели «отработать» по огневым точкам. Разрывы снарядов обрушили часть здания, похоронив под обломками и пулеметы, и их стрелков.

На мгновение огонь прекратился. Улицу заволокло белесой пылью. Это был шанс прорваться, и мы им воспользовались.

На свою беду.

«Духи» подпустили нас почти вплотную. Пыль уже стала оседать, когда с верхних этажей полетели гранаты и ударили выстрелы.

Улица превратилась в ад, наполненный смертельной метелью осколков и пуль. Бойцы падали тряпичными куклами, истошные крики, брызги крови…

Сознание, сжавшееся в точку от ужаса, выхватывало фрагменты из общей панорамы боя.

Солдат, медленно опускающийся на колени, вместо руки – обрубок, из которого хлещет кровь… Рядом еще один – он уже мертв, лицо обезображено от прямого попадания. Кто-то пытался ползти, скорее непроизвольно, чем осознанно – но короткий прицельный выстрел ставил точку в последней надежде.

Близким разрывом меня отшвырнуло в сторону – гранатные осколки завязли в бронежилете, один полоснул по плечу – рукав тут же напитался кровью. Я выпустил длинную неприцельную очередь, опустошив весь магазин. Автомат отдачей больно ударил в плечо, веер стреляных гильз со звоном запрыгал по камням. Перекатом, не обращая внимания на боль в руке, укрылся за крупным обломком, лихорадочно меняя боекомплект. Руки тряслись, лицо покалывало от переизбытка адреналина, сердце бухало кузнечным молотом.

Басовито взревел двигателем Т-80, меняя позицию. Загудел привод, башня танка шевельнулась, разворачиваясь.

Яркий росчерк гранатометного выстрела ударил с верхних этажей. Желто-оранжевый бутон разрыва заставил вздрогнуть многотонную машину.

Через пару мгновений сдетонировала боеукладка. Взрыв был чудовищным. Ударная волна, напитанная рваными кусками брони, осколками и щебнем, прокатилась по улице, сметая все на своем пути и коверкая тела людей, словно пластиковые манекены.

Полуразрушенное здание содрогнулось, огонь на мгновение смолк. Башню танка, оторванную взрывом, швырнуло на стену, проломив ограждение и вызвав небольшой обвал.

Пыль вновь закрыла улицу.

В здании кто-то закричал, ударила одинокая очередь.

Я слышал все это, будто через слой ваты, – в сознании плавал иссушающий звон контузии. Движения давались с трудом, но все же я нашел в себе силы выглянуть из-за угловатого обломка стены.

Пыль быстро оседала, открывая страшную картину всеобщей гибели. Людские тела устилали улицу, лежа вповалку друг на друге. Кто-то громко стонал. Раздался выстрел, и стон сменился хриплым бульканьем.

Совсем рядом оглушительно грохнул выстрел – второй Т-80 вел огонь, укрывшись в проулке в двадцати метрах. Снаряд попал в угол здания, осколки кирпича брызнули фонтаном.

– Отходим! – рявкнул я.

Пока танк работал по целям, у нас оставался крохотный шанс убраться с открытого пространства.

На улице, усеянной мертвыми телами, появилось движение. Бойцы, используя малейшие укрытия, отходили к развалинам дома напротив.

Выстрел, за ним еще один. Разрывы разносили здание, заставляя содрогаться иззубренные стены.

Под прикрытием огня остатки отряда успели уйти с улицы. Как сожгли танк, я не видел – лишь слышал грохот разрыва.

Зато сейчас было видно, что от него осталось – огонь еще плясал на броне, обугленное тело танкиста свесилось из открытого люка. Ветер доносил противный запах горелого мяса.

На душе было пусто и тоскливо. Словно бы выгорел изнутри, как тот танк. Я отвернулся, поморщился от боли в руке – кровь уже

свернулась, рукав камуфляжа превратился в бурую коросту. Вспоров его ножом, я наскоро сделал перевязку.

Подошел Герасимов, уселся рядом, зажав автомат между коленей.

– Ну?

– Четырнадцать человек, товарищ капитан. Вместе со мной. Пятеро «тяжелых», их внутри здания положили. Промедол вкололи, но не вытянут они, эвакуировать надо… И, это, радиостанция разбита.

Я лишь сплюнул с досады. Ситуация хуже некуда – из тридцати человек осталось меньше половины, связи нет, боеприпасы на исходе.

– Где майор Ковалев? – спросил я. Про командира отряда я вспомнил только сейчас. – Жив?

Сержант зло усмехнулся, бросил на меня пристальный взгляд.

– Да жива эта сука…

Я только рот успел открыть, как он продолжил:

– Товарищ капитан, может быть, вы сами с ним… пообщаетесь. Он там сидит, – сержант кивнул в сторону внутренних помещений. – Обкуренный. Похоже, он оттуда и не выходил – смотрел как в кино, когда пацанов на улице клали… Иначе я его завалю, и рука не дрогнет!

– Да твою ж мать! – я поднялся, поправил «разгрузку» и, схватив автомат, вышел из комнаты.

От Ковалева я мог ожидать всего, но только не такого паскудства.

Майор сидел на опрокинутом ящике и курил. Автомат стоял у стены.

Едва я шагнул на порог, как противный кислый запах «травки» резанул обоняние.

Злость закипела в душе.

Ковалев бросил на меня взгляд и отвернулся.

Я практически не знал его. Видел пару раз в технической службе батальона, где он занимал весьма «теплое» место инженера. Но, зная

огромный некомплект офицеров, в этот рейд он попросился сам, наверняка зарабатывая на орден.

– Какие потери? – хрипло спросил он.

– Шестнадцать убитых, пятеро раненых, – процедил я сквозь зубы. Больше всего хотелось сейчас дать этому подлецу по зубам и выбить воняющий окурок. – Связи нет. Раненых нужно эвакуировать.

Майор промолчал, пыхнув «травкой». Из этого здания он точно не выходил – камуфляж чистый, магазины в «разгрузке» полные.

Я стиснул зубы, сдерживая клокотавшую внутри ярость.

Молчание затянулось.

– Что будем делать, товарищ майор? – напомнил я о себе.

– Штурмовать дом будем, капитан, – резко бросил Ковалев и поднялся. Невысокий, грузный, с солидным животом, который выпирал даже из-под бронежилета.

– Кем штурмовать? С дюжиной человек? – ответил я зло, с вызовом. – Решили «духов» посмешить?

– Не тебе решать, капитан! – рявкнул он. – Приказ никто не отменял! Говорливый ты больно!

Он шагнул ближе, дохнув мне в лицо мерзким перегаром. Взгляд безумный, зрачки расширены, на лице гримаса бессмысленной злобы.

– На вот, пыхни! – он протянул окурок. – Глядишь, и совести поубавится! И на рожон не лезь – не наше это с тобой дело – в атаку ходить.

Я невольно шагнул назад – накатившее отвращение было сильным до дрожи.

Ковалев поднес тлеющий окурок к губам, когда ударил выстрел. Майора отшвырнуло к стене, веер выбитой крови и мозгов брызнул на стену – пуля снайпера вошла в височную область.

Я вжался в простенок в коридоре, наблюдая, как бесчувственное тело подергивается на полу. Крови тут же натекла целая лужа,

приторный запах повис в воздухе, перебивая запах анаши. Агония была короткой.

Какое-то время я сидел молча, отвернувшись от обезображенного трупа. В душе – ни сожаления, ни горечи.

На звук выстрела прибежал Герасимов, с ним еще трое солдат. Я не позволил им войти в комнату, вытолкав с порога.

– Так вы его… – начал было сержант, глядя мне в лицо с искренним удивлением и даже уважением.

– Не я. Они, – я ткнул рукой в сторону улицы.

– Ну да, конечно, – Герасимов жестко усмехнулся.

Я уже собрался ввалить «волшебного пенделя» не в меру догадливому сержанту, когда стоявший рядом солдат произнес:

– Товарищ капитан, там рация заработала!

– Чего? – я нахмурился. – Как она может заработать, в нее две пули всадили?!

– Не знаю! – боец развел руками. – Кто-то пытается на нас выйти.

– Пошли!

Через минуту мы столпились рядом с радистом. На темно-зеленом блоке радиостанции зияли пулевые отверстия, но огонек питания на панели управления тлел изумрудным светом.

– Я ничего не понимаю! – пробормотал радист, прижимая гарнитуру к уху. – Кто-то пытается выйти на нас на неизвестной частоте. Эти полосы частот не используются вообще.

Он нахмурился, вслушиваясь в эфир.

– Ну?! – Герасимов едва не дышал ему в лицо.

– Сильные помехи, постараюсь настроиться, – радист принялся крутить верньеры точной настройки. Наконец голос прорвался сквозь полосы помех.

– «Тридцатка», ответьте «сотому», прием!

– Это «духи» чудят, что ли? – спросил Герасимов.

– «Тридцатка», ответьте «сотому», прием!

– Нет! – радист посмотрел сначала на меня, потом на сержанта. – Я голос узнаю. Это Пашка Ефимов, сержант, связист с КП батальона.

– Точно? – спросил я. Творилось что-то странное и попасть в еще одну смертельную передрягу по собственной глупости мне не хотелось.

– Точно, товарищ капитан! Я с ним сегодня утром общался, его смена дежурства.

– «Тридцатка», ответьте «сотому», прием! Времени очень мало, ответьте, прием!

– Чего он на эту частоту-то полез? – недоумевал Герасимов, вслушиваясь в голос.

– «Тридцатка» на связи! – я выхватил гарнитуру из рук радиста.

– «Тридцатка» времени в обрез! Отходите, «духи» подтянули подкрепление. На заднем дворе вход в канализацию. Спускайтесь, двигайтесь по тоннелю направо. В следующий люк не поверхность не суйтесь – он «духами» контролируется. Через триста метров будет еще один, через него выходите. Перед выходом сделайте три выстрела в крышку – это условный знак. Уходите! Времени уже не осталось…

Шорох помех скрыл далекий голос.

Я сидел, открыв от изумления рот. Герасимов закусил губу, с трудом веря в то, что слышит. Он посмотрел на меня с немым вопросом.

Командир отряда убит, решение принимать мне.

Не знаю, что на меня нашло. О том, что пойду под трибунал за срыв поставленной задачи, я тогда и не подумал.

– Отходим! Раненых в первую очередь. Герасимов, бери пятерых, и разведайте вход в канализацию! Живо!

В городские подземелья мы спустились благополучно. Построенный еще при царе, широкий коридор позволял довольно быстро передвигаться. Я с группой бойцов замыкал колонну. Затворив

решетку, я услышал грохот разрывов – «духи» ударили по зданию из гранатометов.

К своим мы выбрались через полчаса. Все получилось так, как и передал дежурный связист.

Сдав раненых в медроту, я тут же направился на КП батальона.

Там царила суета, виднелись свежие воронки от разрывов. С трудом отыскав замкомбата, я доложил о возвращении, внутренне уже готовясь получить разнос за срыв поставленной задачи.

Но наше появление сочли настоящим чудом.

Приказ на оставление позиций поступил через пятнадцать минут после выдвижения отряда на штурм дома. Затем минометный обстрел накрыл КП – прямое попадание превратило командно-штабную машину в груду рваного металла. Погибла вся дежурная смена, в том числе и сержант Ефимов.

Услышав это, я замер столбом. Голос связиста, доносившийся из неведомых далей радиоэфира, еще стоял в сознании.

Выяснять, как нам удалось вырваться живыми из мясорубки, никто не стал – хоть часть отряда вернулась, и то хорошо.

Прежде, чем вернуться в расположение роты, я зашел в палатку, где складывали погибших. У медика спросил, где лежит сержант Ефимов – тот молча указал на черный мешок в углу.

Я постоял у его тела и поблагодарил за спасение. В чудеса я не верю, но с нами случилось именно оно. И я уверен – связист услышал меня.

Денис Голубев

ПОДВОРОТНЯ

Ледоход на Неве – величественное зрелище.

Собственно невский лёд сходит довольно быстро, да и рановато, когда в Петербурге обыкновенно бывает ветрено и дождливо. Зато, в середине весны своенравная Ладога крушит, наконец, опостылевшие оковы, отпуская их обломки в недолгое стремительное плаванье. В эту пору уже не столь сложно выбрать погожий денёк, чтобы постоять с полчаса на Дворцовом мосту. А дольше и не получится – во что ни укутайся, сырой холод всё равно проберётся под одежду. Робкое весеннее солнце не поможет. Его сил пока едва хватает лишь обещающе улыбаться.

Без малого три сотни лет, подвластные ветру, играют в пятнашки ангел Петропавловки и кораблик Адмиралтейства, и никак одному не догнать другого. А ветру что? Ветер знай себе гонит по бирюзовому небу облака, и те, отражаясь в Неве, плывут вместе с льдинами мимо дворцов и тюрем на запад. Глядя с моста, не сразу и разберёшь – где облака, а где льдины. Завораживает.

Всё сказанное, впрочем, справедливо лишь для ясных дней. В пасмурную погоду – каковая всё же более обычна для питерского межсезонья – мне нравится бродить по набережной Мойки. Ледохода здесь не увидишь. Почерневший ноздреватый лёд тихо истаивает, оставляя на плаву набросанные за зиму окурки и жестянки из-под пива. Лишь их одних и несёт река, прозорливо названная когда-то аборигенами-чухонцами Грязной.

Отсюда, с набережной, кажется, будто стена фасадов вырастает прямо из тёмной воды. Это не так, конечно. Дома от реки отделяет проезжая часть и тесный от людей – а в большей степени из-за припаркованных как попало машин – тротуар. Слишком много стало тех и других. Тесно.

Прежде от суеты возможно было спастись, нырнув в один из дворов, но в последнее время они, в основном, стали недоступны. Недвижимость здесь престижна. Не только квартирами, но и целыми парадными её скупили вновь народившиеся буржуа. Их обаяние скромнее, чем у предшественников потому и денег больше. Теперь стальные ворота, камеры наблюдения и охранники в засаленных чёрных робах надёжно ограждают от неудачливой черни новых хозяев. Странно только, почему те, не скупясь на кованные в стиле ампир ворота, жалеют денег на приличную охрану. Старорежимные дворники с бляхами на фартуках и то смотрелись, право же, благообразней.

* * *

Остановившись у третьей по счёту запертой подворотни, я отчаялся насладиться унылой серостью и тишиной «колодца». Уже равнодушно, без прежней досады глядя на мигающий огонёк электронного замка, достал сигарету.

– Простите за беспокойство! – раздался у меня за спиною голос заядлого, судя по хрипоте, курильщика. – У вас огоньку не найдётся?

Я обернулся и щёлкнул зажигалкой. Говоривший, рукой прикрывая пламя от ветра, склонил голову, так что лица его в тот момент рассмотреть не случилось. Да я, впрочем, и не пытался. Заметил только, что прикуривал он папиросу, а на голове носил нелепую вязаную кепку, из-под которой торчали скрывавшие уши волосы. Русые, но изрядно тронутые сединой, они казались отчего-то неопрятными.

Затянувшись, незнакомец зашёлся надсадным кашлем, сквозь который едва удалось разобрать слова благодарности.

– Не за что, – бросил я в ответ и перешёл на другую сторону проезжей части, благо автомобильная пробка позволяла сделать это без труда.

Мутные неторопливые воды Мойки вполне гармонировали с овладевшей мной меланхолией. Если облокотиться на гранитный парапет, отвернувшись от городской суеты, то получится ничуть не хуже, чем приютиться в глухом дворе.

Стальная, в кожаном чехле, фляжка – подарок позабытой возлюбленной – перекочевала из внутреннего кармана ко мне в руку. Я любил эту вещицу, а вот к женщине, когда-то её подарившей, давно относился равнодушно. Привязанность к вещам переживает чувства к людям так же, как сами вещи переживают людей.

Фляжка закупоривалась винтовой пробкой, поверх которой крепился колпачок в виде тридцатиграммовой стопки. Я, однако, не стал его использовать, а глотнул немного водки прямо из горлышка.

Финская «Koskenkorva», купленная по случаю в Duty Free, горячей волной прокатилась по пищеводу. Мне подумалось, что выбирая сегодня между коньяком и водкой, не напрасно отдал предпочтение последней. Заливать тоску коньяком – всё равно, что поминать усопшего шампанским.

Пребывая в компании собственных мыслей, я в ином обществе в тот час не нуждался, и потому, боковым зрением заметив справа некое движение, ощутил неудовольствие. Лёгкое, поскольку городские улицы, всё же – не то место, где разумно искать одиночества.

Не из любопытства, но машинально посмотрев направо, я обнаружил давешнего незнакомца. Тот, должно быть, пошёл следом, и теперь, стоя метрах в трёх от меня, раскуривал новую папиросу от прежней.

Во избежание назойливых приставаний с разговорами, или того хуже – с просьбами, можно было бы отойти в сторону, однако незнакомец, казалось, никакого внимания на меня не обращал. Когда же он не выбросил окурок в реку, а упрятал в карманную пепельницу, то и вовсе вызвал к себе симпатию и некоторый интерес.

Я принялся искоса его разглядывать.

Помимо упомянутой кепки, одежда незнакомца состояла из мешковатой драповой куртки и коротковатых, но отутюженных брюк. Довершали наряд синие с красной подошвой кроссовки. Складывалось впечатление, что человек этот либо вовсе не обладает вкусом, либо совершенно безразличен к собственной внешности.

Бледное морщинистое лицо со свежими порезами от бритья не позволяло однозначно определить его возраст. Точно за сорок, а скорее даже – около пятидесяти.

Мне сразу показалось, что он принадлежит к тем ленинградцам, которые родились и прожили жизнь в старых районах города. К тем, для кого зелёные насаждения – это чахлый кустик сирени на клочке отвоёванного у асфальта газона. К тем, которые всегда называли Ленинград Питером, и которых, отчего-то, стал раздражать этот топоним после переименования города в Санкт-Петербург.

Я – дитя городских окраин, дитя тёмных парадных и узких подоконников. В юности в своих кварталах мы дрались велосипедными цепями, обрезками телефонного кабеля и кастетами из водопроводных вентилей. А мне всегда нравилось бывать в Центре. Здесь, окунувшись в мрачный лабиринт проходных дворов и коммунальных квартир, тоже можно было получить финку в печень, однако вероятнее всё же – очутиться у кого-нибудь на флэту, в незнакомой и разношёрстой компании. Хиппи и фарцовщики, музыканты из рок-клуба и люмпен-интеллигенты. Здесь, в квартирах с дореволюционной лепниной на потолках и запахом кошачьей мочи в коридорах, духовные наследники Кропоткина, Конфуция и Лао Цзы могли сойтись в яростном споре о влиянии портвейна на продолжительность полового акта. Дешёвый сладкий портвейн и случайный горьковатый секс.

Параллельный мир. Я любил бывать здесь прежде. Люблю и теперь. Но нипочём не согласился бы тут жить. Он давит и высасывает из чужаков жизненную силу. Обитать постоянно тут могут лишь аборигены. Неотличимые внешне от всех прочих, они становятся узнаваемы, если доведётся пообщаться с ними подольше.

К таким обитателям я мысленно отнёс незнакомца и понял вдруг, что был бы не прочь перекинуться с ним парой слов, хотя ещё минуту назад не нуждался в собеседниках.

– Хотите водки? – спросил я негромко, но так, чтобы меня можно было расслышать.

Незнакомец ответил не сразу. Оторвавшись от созерцания замусоренных вод, он несколько секунд как будто приходил в себя, а затем кивнул чуть улыбнувшись.

– Не откажусь.

И добавил, словно бы извиняясь:

– Прохладно.

Я наполнил стопку-колпачок на две трети и поставил на парапет. Незнакомец приблизился, остановившись в полутора шагах. Всё правильно – чтобы общаться с человеком, вовсе не обязательно теребить его за пуговицу.

Мне понравилось, как он пил. Стопку держал, не оттопыривая мизинец, не выдыхал до и не занюхивал рукавом после. Определённо, этот человек был мне симпатичен.

– Похоже, – я глянул в сторону домов, – проходные дворы остались в прошлом.

– Не думаю. Этот город многое пережил. Переживёт и нуворишей. Пережуёт и выплюнет.

– Возможно, – не стал я спорить. – Жаль, только, жить в эту пору прекрасную...

Мы помолчали и ещё раз выпили.

– Я сам с Васильевского, – сказал незнакомец, и я остался доволен собственной наблюдательностью, – но часто гуляю здесь, на Мойке.

– Я тоже.

– Тоже живёте на Васильевском?

– Нет, – покачал я головой. – Тоже люблю гулять на Мойке. Впрочем, не так уж часто. Обычно весной.

Мой собеседник, как мне показалось, взглянул на меня с интересом.

– Почему именно на Мойке? – спросил он.

Не зная как объяснить, я вместо ответа пожал плечами и предложил:

– Пройдёмся? И впрямь прохладно.

Мы не торопясь зашагали по набережной. Он немного опережал меня – узкий тротуар не позволял идти рядом. Какое-то время шли молча.

– А знаете, – начал вдруг незнакомец. – Два года назад, тоже весной, со мною случилась странная история. Где-то здесь, – он махнул рукою, – вот в этих домах я зашёл в незнакомый двор. Обыкновенный двор. И цель имел банальную – выпить, присев на скамейку, бутылку пива. Прошёл через подворотню. Помню, обратил внимание, что ворота полуоткрыты, а на створках изображены то ли собаки, то ли геральдические львы. Необычные такие барельефы. Во дворе ни одной скамейки не нашлось, однако в другом его конце оказалась ещё одна подворотня. Узкая и невысокая, тоже с открытой калиткой. Я пересёк двор и собрался пройти дальше, но... Но не пошёл. Понимаете, там, по ту сторону ярко светило солнце, а по эту было пасмурно. Как сегодня. И ещё там сидела на корточках девочка в лёгком летнем платьице. Играла с большой собакой. Девочка подняла голову, улыбнулась и поманила меня к себе. Вот тогда я убежал.

Мой собеседник вновь умолк.

– Почему же вы убежали? – не выдержал я.

– Я увидел... или мне показалось, что у девочки не было глаз. Я не имею в виду слепоту, или даже пустые глазницы. Глаз совсем не было. Понимаете, совсем. Но она меня видела! И... звала. Мне стало невыносимо жутко. Я выскочил на улицу. Удрал. Остаток дня толком так и не мог придти в себя. Чем бы ни пытался заняться, всё время вспоминал к той девочке. В конце концов, убедил себя, что мне почудилось, хотя ночью толком не спал. Как засну – снятся безглазые люди. На другой день я решил вернуться. Взглянуть, так сказать, в лицо своему страху. Так и сделал, вернулся, да только не нашёл я той подворотни.

– Как это? – не понял я.

– А, вот так. Адрес-то я, сами понимаете, в том состоянии не запоминал. Примерно только помню. Однако, разыскать нужный дом здесь нетрудно, просто идя вдоль по улице. Верно? Верно. Я исходил всю набережную туда и обратно. Истоптал. Но так и не нашёл той подворотни.

– И теперь ещё ищите?

– Нет, – незнакомец остановился и покачал головой, – теперь уже не ищу. Бесполезно. Теперь прихожу сюда в надежде, что она снова мне покажется. Каждую весну прихожу. Напрасно.

– Да зачем же она вам? Страха ведь вы больше не испытываете. Нет нужды глядеть ему в лицо. Ну, и живите себе спокойно.

– Не понимаете? А вдруг это был шанс?! Чего я, собственно, испугался? Неведомого. А кто сказал, что неведомое непременно хуже имеющегося? Мне дали шанс, меня позвали, а я струсил и убежал. Дадут ли ещё раз? Вряд ли. Но, я всё равно буду сюда приходить.

Мы снова молча выпили. Закурили.

– Я никому раньше своей истории не рассказывал, – нарушил молчание мой собеседник. – Вам первому. Но вы, думается, мне не верите?

Я вновь пожал плечами, не зная, что сказать.

– Всё верно, – кивнул в ответ незнакомец. – Я уж и сам теперь сомневаюсь. Ни до того, ни после никаких видений у меня не бывало, однако, кто знает?.. К тому же, забыл уточнить, я ведь в тот день изрядно маялся похмельем. Может, в этом дело?

Мне почудилось, что в последнем вопросе прозвучала надежда.

– Наверное, – ответил я. – Это, пожалуй, все объясняет.

– Пожалуй... Что ж, спасибо за беседу. Пойду, пока окончательно не замёрз. Прощайте.

– Всего хорошего, – сказал я вслед уже уходившему незнакомцу и сам повернул обратно.

Услышанная история всё никак не шла у меня из головы. Кого повстречал я сегодня? Сумасшедшего или просто чудака? Или всё же...

Домыслить я не успел. Бросив случайный взгляд на другую сторону проезжей части, остановился, будто налетел на стену. Там, в сером массиве дома чернел проём подворотни. Обыкновенной, ничем не примечательной, если бы не приоткрытые створки ворот, на которых даже отсюда были видны барельефы сидящих то ли собак, то ли львов. Несколько минут назад я её здесь не видел. Впрочем, увлечённый рассказом я тогда и не глядел по сторонам. Мог попросту не заметить.

Я невольно зажмурился и тряхнул головой. Подворотня, само собой, никуда не исчезла, и в тот же момент меня озарило понимание случившегося. Чудак? Сумасшедший? Как же! Мистификатор! Шутник! Да ведь какой ловкий! Предполагал, должно быть, что на обратном пути я обращу внимание на приметные ворота. И уж конечно же, зайду во двор. Интересно, он там меня дожидается, или подглядывает откуда-нибудь?

Ни злости на незнакомца, ни досады я не испытывал. Удачный розыгрыш.

В первую минуту мне захотелось пройти мимо, но любопытство победило. Я вновь пересёк проезжую часть и вошёл под арку.

Покачнулась и противно скрипнула задетая мною створка с барельефом. Нет, наверное, все-таки это львы. Звук шагов отражался от обшарпанных стен гулко и одиноко.

Не скрою, мне стало чуть-чуть не по себе, однако хорошо различимый шум оживлённой улицы у меня за спиной вселял уверенность.

Двор оказался глухим и пустым. Я остановился и огляделся. Странно. Ни одной парадной. Вообще никаких обычных для дворов дверей. Ни в подвал, ни в подсобные помещения. Стены с окнами огораживали небольшой неровный квадрат асфальта. Ни скамеек, ни машин. Граффити на стенах – и того нет. Было там ещё что-то неестественное. Я не сразу понял что именно, а когда догадался, то ощутил неприятный холодок вдоль спины.

Окна. Окна были мёртвыми. Сколько ни всматривался, не смог заметить ни в одном окне электрического света, занавесок, цветочных горшков или любых других признаков жизни.

Возможно, дом расселили, например, перед капитальным ремонтом. Вполне себе объяснение, но липкий страх уже зашевелился в груди. Заворочался и сорвался вниз, куда-то пониже поясницы, когда я заметил в одном из окон человека. Он приник лицом к мутному от грязи стеклу, и потому я не смог разглядеть его как следует. Ни одной черты. В том числе... есть ли у него глаза.

Через минуту он исчез. Должно быть, просто отошёл вглубь помещения. А я всё ещё стоял, крутя по сторонам головой, и в какой-то момент обнаружил, что ошибся. Двор не был глухим. В дальнем от меня конце виднелся узкий проход в стене. Странно, что я не увидал его сразу, тем более, незнакомец, ведь, упоминал про ещё одну подворотню.

Я сделал по направлению к ней шага три шага, не больше. Больше не смог.

Из прохода, с той стороны лился яркий солнечный свет. Мало того, я отчётливо услыхал доносившийся оттуда беззаботный детский смех. Девичий смех...

Разве мог я когда-нибудь помыслить, что детский смех способен будет испугать меня едва ли не до безумия?! А вот, испугал же.

Остановился я, должно быть, метрах в пятидесяти от страшного места и то потому лишь, наверное, что бегать по оживленной улице довольно затруднительно.

Не обращая внимания на прохожих, допил остатки водки и выкурил две сигареты подряд. Мысли в порядок приходили с трудом. В деталях вспомнился сперва весь разговор со странным незнакомцем, а потом и собственное приключение. Здесь, среди людей уже не было так страшно, и разум подкинул мне с дюжину рациональных объяснений произошедшего. Оставалось определиться с тем, что делать дальше, и я решил вернуться. Не потом, когда-нибудь, а сразу, теперь же. Так и сделал. Вернее – попытался сделать.

Загадочной подворотни я не нашёл.

Раз десять, то медленно, то едва ли не бегом, кляня себя за невнимательность, прошёл вперёд-назад. Место, где вроде бы находился тот серый дом, я узнавал, но ни самого дома, ни приметной подворотни отыскать не получилось. Этого просто не могло быть, однако ж было.

Я приехал на набережную Мойки через пару дней. Знал, что ничего не найду, но всё равно вернулся. И потом бывал там ещё не раз, надеясь если не найти странный двор, то, быть может, повстречать вновь не менее странного незнакомца. Ни того, ни другого. Как знать, быть может, он разыскал всё-таки свою подворотню? Или, отчаявшись, бросил эту затею?

Я вот тоже бросил, как мне казалось. Однако, с приближением весны, почувствовал, как меня неудержимо тянет туда, на набережную, и всё чаще не даёт покоя вопрос: что же я потерял, испугавшись детского смеха?

Санди Зырянова

КАЗАЦКИЙ ДУБ

Тихо горит звезда по-над Днепром: то ночь опустилась на казацкий стан. Государыня Катерина повелела строить крепости казачьи, чтобы закрыть Русь от татарина, и до самых поздних сумерек стучат топоры. Не бывать больше татарским набегам, не дрожать больше поселянам в своих хатах.

Тысячи старых дубов, один другого краше и могутнее, шумели в плавнях. Теперь уж не шелестеть им листвой, не родить желудя – сложены крепкие стены из их обтесанных стволов. Только один дуб остался стоять, как стоял. Очень уж нехорошо ветвится он – от самой земли. Ничего из такого дуба не построишь, но зато как же славно сидеть под ним ввечеру, покуда кашевары готовят наваристую уху или гуляш!

Спят казаки, спят солдаты, спят строители. Не спит лишь один молодой казак. Чуб его свесился на черную бровь, глаза блестят. Красивый казак, сильный да смелый, а вот поди ж ты – невесты никак не найдет. Может, какая-нибудь из хорошеньких поселянок обратит свой взор на пригожего парня?

Но, чу! Тихий, чуть слышный смешок вплетается в шелест дубовых листьев. Некому смеяться в строящейся Александровской крепости – ни баб, ни девок сюда еще не приезжало, но смех звучит и звучит, и как будто из кроны. Вздрогнул казак и поднял взгляд. Прямо на самой толстой ветке сидит девка. Незаплетенная коса лежит волной на плечах, вместо венка или платка – листья дубовые венчают девичье чело, а ножки босые, да такие, словно хозяйке их ни разу не довелось ступить по земле. И одета чудно: рубашка, не то белая, не то зеленая, до пят… И тут глаза казака и девки встретились.

– Что не спишь, человече? – весело молвит девка. – Не твое время ночь!

Казак уж хотел спросить, а чье же оно тогда, но как очи девкины увидел – так и речи лишился.

– Что молчишь? Язык проглотил? – и смеется, чертовка!

– Кто ты, хорошая? – наконец спросил казак. – Просватана ли?

– А тебе что за дело?

– А мне жена нужна. Поди за меня, я тебе мониста коралловые подарю и сапожки сафьяновые из самого Петербурга привезу!

Нахмурилась девка. Соскочила с дерева, встала прямо напротив казака, глядит ему сурово в лицо.

– Мониста, говоришь? – молвит. – А коли не послушаюсь тебя, так что – нагайкой? Ты – человек, ты не слышишь, как плачет рыба в твоей юшке, как стонет вода в котле, как жалуются ветви в твоем костре. И моего голоса ты тоже не услышишь. Станут мои руки красными от стирки твоих рубах и портянок, станут мои ноги черными и израненными от хождения по стерне, станут мои глаза слепыми от слез – вот чего ты хочешь!

Ничего не понял казак из ее слов. Только и уразумел, что боится его красавица.

– Не бойся, серденько, – начал он, – я тебя и пальцем не трону, на руках носить…

– Не будешь, – оборвала его девка. – Не смертное то дело, на мне жениться!

Повернулась она к дубу, обратно на него полезла. Ан смотрит казак – спины-то у девки и нет! Одна черная пустота вокруг хребта, и только сердце бьется среди голых ребер. Охнул казак. Смекнул, кто она такая. Поднял руку перекреститься – не сумел. Рот раскрыл, чтобы сказать «чур меня!» – язык на то не повернулся. Отвернулся – а перед глазами лицо ее стоит. Понял бедняга, что пропал: жизни ему больше не будет, что с ней, что без нее.

– Ясная королевна, – снова начал казак, – коли за меня не пойдешь, так дозволь служить тебе. Какую хочешь службу вели, все исполню, живота не пожалею, – только не вели побратимов своих бить.

– Службу?

Задумалась девка. А потом рассмеялась – ровнехонько стеклянные шарики по ветвям дубовым рассыпались.

– Завтра повеление придет, – сказала, – в поход вам выступать. Коли сдюжишь в походе, так возвращайся, приму я твою службу. Ждать буду.

Низко поклонился ей казак. А когда выпрямился – на дубе никого не было.

Молод был казак, горяч, отважен, и верилось ему крепко в удачу. Жил – и мысли о гибели не допускал. Ан судьба по-своему обернулась: сложил казак голову в боевом походе. Нашли его побратимы после боя: лежал он весь изрубленный, синий жупан покраснел от крови, чело вражеской пулей пробито – а на губах улыбка. Виделись казаку перед смертью ясные очи и дубовые листья в незаплетенных волосах…

Говорят, что в новолуние те, кто оказывался под казацким дубом, иногда видели в ветвях белую рубашку и слышали смех – перезвон стеклянных шариков. Ждала древесная красавица того, кто поклялся ей служить, ждала, да так и не дождалась.

Выросла крепость, при ней – посад, потом и крепости не стало. Стал на ее месте небольшой уездный городок, а через двести лет в одночастье вырос в огромный город. Люди в тот город нарочно приезжали, чтобы посмотреть на последний казацкий дуб, даже после того, как дуб тот засох.

А в лихую годину засохший дуб рассыпался в труху. Но та, что когда-то смеялась в его ветвях, все еще ждет молодого казака – и иногда выходит и всматривается в горизонт: не идет ли казак к ней на службу?

Владимир Сединкин

ПОСЫЛЬНЫЙ

У меня несложная работа. Синяя униформа, кепка, сумка на плече.

Я работаю посыльным в организации, предоставляющей гражданам долгосрочный кредит на десять, двадцать и, в очень редких случаях, тридцать лет. Контора наша в этом бизнесе дольше всех, конкурентов не имеет, авторитет её огромен, а возможности беспрецедентны. Получаешь на руки список клиентов, и здравствуй, свежий воздух, знакомство с новыми местами и людьми и безразличие со стороны начальства.

Специфика нашей организации такова, что кредит всегда возвращается на все сто процентов, и никакие меры судебного, морального, физического или какого-либо другого воздействия на клиентов не применяются уже очень давно.

День сегодня был загруженный, пришлось помотаться по городу, изнывающему от жары и жажды. Двери лифта мягко закрылись, и кабина поползла наверх, купая меня в потоках приятной лирической музыки. Поправив сумку на плече, я погрузился в воспоминания о событиях подходящего к концу дня.

Сегодня моими клиентами стали популярный артист, не менее известный нейрохирург, звезда спорта на пенсии, пара банкиров и владелец крупного промышленного концерна. Всё это были люди более чем успешные, состоятельные, и обязательство перед нашей организацией они выполнили полностью. Благодарности, конечно, от них ожидать было глупо, никто не хотел расставаться со своим, даже если сохранил и приумножил его за счёт своевременного кредита. Однако они были практичными людьми и понимали, что по счетам надо платить.

Последний сегодняшний клиент – дело другое. Я бы даже сказал – исключение из правил.

Лифт звякнул, музыка прекратилась, и двери выпустили меня на двадцатом этаже многоквартирного социального дома, впрочем, находившегося в приличном районе. Налево по коридору в поисках апартаментов с номером 2079 я шагал не менее трёх минут.

Простая деревянная дверь с медными цифрами на уровне глаз и резиновым ковриком «Добро пожаловать» под ногами.

Собравшись постучать, я услышал шаги за дверью. Меня явно ждали. Всего через пару секунд дверь отворилась, и на пороге возник крепкий круглолицый пожилой мужчина в белой майке, трико и тапочках на босу ногу.

– Вы ко мне?

Вместо ответа я протянул ему старый белый конверт из плотной бумаги, который старик не стал даже вскрывать. Пригласив меня жестом внутрь квартиры, он закрыл входную дверь и, пройдя по коридору до ближайшей комнаты, уселся за стол с розовой ажурной скатертью.

– Проходите, садитесь.

Такое предложение меня не удивило, и мысленно я подготовился к слезливым речам и бесконечным просьбам об отсрочке. Однако всё-таки сел рядом с хозяином квартиры и, опустив сумку на пол, огляделся вокруг.

А комната то была чудо как хороша. Картины и фотографии на стенах, великолепная классическая мебель из дерева и кожи, изящная хрустальная люстра под потолком и тяжёлые узорчатые шторы на окнах. Всё было подобрано со вкусом, без излишеств, повсюду царила безукоризненная чистота, и каждая вещь занимала своё место. Здесь было уютно и приятно находиться.

На фотографиях, был запечатлён старик, сидящий напротив меня, в разные периоды его жизни. Вот он, молодой ещё парень, в обнимку с симпатичной брюнеткой, а здесь – уже с первой сединой в окружении детей. Везде улыбка до ушей. Настоящее счастье, а не гримаса для хорошего кадра. Но чаще всего на фото встречались двое хорошеньких разнополых близнецов, нежно обнимающих и целующих деда.

– Не нажил я себе ни богатства, ни славы. Наверное, не смог правильно воспользоваться вашим кредитом. Были возможности вложиться в прибыльное дело, но я всё откладывал на потом. Ну, знаете, семья, дети, внуки.

Руки мужчины дрожали. Он взял со стола конверт, но открывать его снова не стал.

– Как-то всё бестолково вышло. Сначала детей поднимали. После смерти жены помогал им устроиться в жизни, потом внуки пошли. У меня их семеро. Ирина с близняшками со мной живут. После гибели мужа пытался её поддержать, успокоить. Вроде бы получилось.

Положив конверт на скатерть, старик улыбнулся и указал мне рукой на комод за своей спиной.

– А это мои дети. Двое девчонок и четверо парней. Врачи, учитель, полицейский, военный и скульптор. Статуи его я, правда, не очень понимаю, но ему нравятся, другим вроде тоже.

Движимый любопытством, я встал со стула и подошёл к комоду, на котором в затейливой деревянной рамочке располагалось групповое фото хозяина квартиры в окружении взрослых мужчин и женщин. Здоровенный парень в военной форме, полицейский в фуражке с блестящим козырьком, брюнет в стильном костюме и очках, небритый скульптор с волосами, забранными в конский хвост, две женщины в белых врачебных халатах – все они прильнули к креслу, занимаемому их отцом. Настоящее семейное фото.

– Вы не думайте, я не собираюсь вас упрашивать. Я благодарен за всё, что вы сделали для меня.

Старик говорил быстро, сбивчиво, а по щекам его текли слёзы.

Тогда, тридцать лет назад, я умирал, и никто на всём белом свете не мог мне помочь. Кроме вас. Это бесценный дар – просыпаться и засыпать рядом с любимой женщиной, вдыхая аромат её волос. Проводить её в последний путь, храня память о ней. Воспитывать детей, гордиться их успехами и нянчить внуков. Спасибо вам.

Я положил руку мужчине на плечо, пытаясь успокоить его, но это не понадобилось. Он быстро взял себя в руки, вытер слёзы и твёрдо произнёс:

– Да, я не стал миллиардером и не приобрёл популярность. Но я не жалею. Нет, не жалею.

Схватив конверт со стола, он изорвал его на мелкие кусочки, которые затем бросил в пепельницу и поджёг.

– Я готов. Нам нужно куда-то идти?

– Нет. Сядьте на стул. Успокойтесь. Я обещаю, больно не будет.

Старик сделал всё, как я сказал. Опустившись на своё место, он закрыл глаза и принялся ждать.

Стянув перчатку с кисти, я протянул к нему руку, намереваясь коснуться указательным пальцем лба, однако в десяти сантиметрах от головы замер и, поддавшись нахлынувшим чувствам, произнёс:

– Вы сделали всё абсолютно правильно. Использовали данное вам время так, как надо. Сегодня вы единственный из посещённых мной, кому не о чем жалеть.

Мужчина, не открывая глаз, улыбнулся одними губами, и я коснулся пальцем его лба. Яркая вспышка. Тело обмякло, и голова опустилась на поверхность стола.

Захлопнув дверь квартиры, я прошёл к лифту, и в его ожидании размышлял о старике, который три десятилетия назад, находясь на больничной койке и, чувствуя, как жизнь покидает его тело, обменял свою душу на здоровье и благополучие. Это была сделка, но честная ли?

Двери кабины открылись, и мимо меня прошли пятилетние близнецы с фотографии и симпатичная брюнетка, которую я видел во врачебном халате на групповом снимке.

– Мама, а мы пойдём с дедой в парк?

– Ну, если деда не устал, то конечно. Только не прыгайте на него, как в прошлый раз. Деда уже старый, и у него больная спина.

С криками и смехом близнецы понеслись по коридору к квартире номер 2079, а я, испытывая отвращение к музыке, игравшей внутри лифта, поехал вниз.

У меня несложная работа. Но я ненавижу её.

Фантастика

Максим Рябов

РОБОТ

Сижу как-то у себя на даче, никого не трогаю. Пиво пью. С воблой. Сосед пришёл. «Там, – говорит, – хрень какая-то». А мне-то что? А он говорит, что мальчик там. На заборе слово неприличное пишет и тут же стирает. Пишет и стирает. «Вот делов, – говорю, – надери ему уши и дай пендаля. Чтобы заборы не портил».

«Пробовал, – отвечает, – не получается». «В смысле?» «Уши у него холодные. И глаза неживые. И сам он очень твёрдый. Наверно он того, не человек вовсе. Инопланетянин, наверно».

«Э, – говорю, – если слово из трёх букв на заборе пишет, то точно наш, земной». Но всё же заинтересовался. «Ладно, – говорю, – педофил-недоучка, пошли, посмотрим на твоего пацана. Я только пиво допью». Дохлебал банку, и мы пошли.

На соседней линии, в натуре, забор такой у одного куркуля, метра два высотой, с колючей проволокой поверху, досочка к досочке, и всё это безобразие окрашено розовой краской. Гламур, блин! Высморкался я на этот забор, смотрю, не соврал сосед. Стоит эдакое дитя природы, с виду лет десяти-одиннадцати или около того. Не помню. Мой-то спиногрыз уже давно из такого возраста вышел, скоро сам отцом станет. А этот в шортиках, в маечке. Хорошенький такой. Точно мечта педофила! И пишет. Пишет и стирает. Да быстро так. Не успею я «...уй» прочитать, он уже стёр. И пишет, стервец, ровненько, как по линеечке. Давно пишет, уже краску с забора стёр, да и доскам досталось. А в лапке у него уголёк. Длинный такой, типа карандаша толстого. Я почти такой же как-то в городе у одного художника стащил. Хорошая штука, если разметить что-то надо. Доски там для гроба или для конуры собачьей. По плотницкому делу, в общем.

Эй, – говорю я этому тимуровцу, – ты чего творишь, гад? Куркуль приедет, тебя вообще уроет за свой забор!» Не реагирует пацан. Зато сосед свои пять копеек вставил. Типа, я же вам говорил, это, типа,

робот инопланетный и вообще спасайте мальчика, ему ведь ещё домой лететь надо!

Ага, я ему, типа, ремонт с профилактикой делать буду. За свой счёт. Щас! Раскатали губу, блин.

Напротив куркуля – участок старушки-божьего одуванчика. Тыном из кольев огорожен. Чисто как у дома Бабы-Яги. Выдернул я из этого так называемого забора дрын. Ничего, старушка не обеднеет.

«Эй, – говорю пацану, – братэло, сейчас огребёшь по кумполу, если не перестанешь хулиганить». Не реагирует, пишет и пишет. Я бы так писал, уже десять книжек бы моих издали. И все из одного этого слова нехорошего.

Замахнулся я дрыном, а сосед под руку канючит: «Это же ребёнок, как можно, вы же, Александр Степанович, его убьёте».

Испортил удар, паразит.

Кол вдоль головы пацана по касательной прошёл. Я его едва из рук не выронил. «Чего ты, – говорю, – Палыч, под руку вякаешь? Сам же говорил, что он твёрдый. Не кулаки же отбивать. Дай-ка я ему ещё раза врежу!»

И врезал.

Кол сломал, ввёл бабку в ущерб. А этот мелкий всё пишет и пишет. Я немного призадумался.

Тут, значит, пыль столбом – едет куркуль на своём танке. Это я так его джип называю, кто не понял. Затормозил возле нас, из дверей выставился, идёт к нам, брылями трясёт, типа, что за люди возле его частной собственности ошиваются и имущество портят?

«Ты, – говорю, – не гундось, буржуй недорезанный, а лучше поясни, что у тебя тут за чудо японское стоит и людей в заблуждение вводит?»

Он посмотрел, репу почесал. «Не, – говорит, – это не мой пацан. Мой размером покрупнее, одет приличнее и так мелочиться не будет, если уж напишет «…уй», так чёрной краской и во весь забор».

Сосед-то у меня интеллигент, язык подвешен. Он мигом куркулю ситуацию подробно обрисовал. Но, тот хоть и куркуль, а русский человек, и звать его наверно, Фома. Я не спрашивал. В общем, этот Фома сначала соседа выслушал, потом подивился, потом попробовал с мальчиком поговорить. Ага, он с тем же эффектом мог бы со своим забором поговорить. Потом раз ему сразу в челюсть хук с правой. Пацан даже не шелохнулся.

Хорошо, что у куркуля в его танке аптечка была. Палыч ручонку ему быстро перебинтовал.

Я покурил, пока они возились, на пацана повнимательнее посмотрел. В натуре, глазёнки у него неживые. Будто лампочки в них светятся. И никакого проблеска мысли. Чисто механизм какой-то. А так ничего, с двух шагов от настоящего не отличишь. И сандальки на ногах.

Куркуль говорит: «Щас он у меня сандальки-то откинет!» Опять в машину залез и вытащил ствол. Мы с соседом аж попятились.

«Оружие, – говорит, – самообороны». Ага, я у нашего участкового такой видел. Системы Макарова.

В общем, шмальнул куркуль пацану в голову пару раз. С близкого расстояния. Я ему, куркулю в смысле, кричу: «Ты чего, ирод, делаешь! Чуть нас с Палычем рикошетами не угробил». А в этом мелком ни одной дырки! Точно бронированный. С виду и не скажешь. Пацан как пацан, если не приглядываться. Пишет и стирает. Пишет и стирает. И всё одно это слово.

Тут на шум бабуля-божий одуванчик и внучок ейный из соседнего курятника выползли. Бабуля запричитала: «Что же это делается, в детей стреляють!»

«Иди, – говорю, – посмотри, что этот дитёнок пишет». Подошла. Посмотрела. Подумала. «Это, – говорит, – бесы в ём сидят». И ушла за святой водой.

А я ейного внучека, охламона-переростка за ухо цап! «Наверно, – говорю, – это ты, паршивец, научил мелкого заборы портить?» После второго поворота он и раскололся. «Я, – говорит, – научил. Хотел бабкиному соседу напакостить. Научил слово писать. А потом объяснил,

что оно нехорошее и даже рассказал, что это слово означает. Мальчик сразу раскаялся, достал тряпочку из кармана и стал слово стирать. Но тут что-то в нём переклинило, он опять слово написал. Потом стёр. Так и стоит, пишет и стирает, пишет и стирает. Мне надоело на него смотреть, и я к себе на участок ушёл».

Я охламону бабкиному ещё ухо довернул и говорю: «Где ж ты его взял, приятеля этого своего?» «Нигде, – говорит. И не приятель он мне. Я с утра к бабке приехал, а он тут уже стоял. Ничего не делал, на забор смотрел. Мне интересно стало, подошел, научил. Пусти ухо, дяденька, больно!»

Да, этого хулигана надо слушать. Он хорошему не научит.

Отпустил я его ухо. Потому что бабка прибежала. Стала на пишущего пацана святую воду из пузырька лить. В принципе, мысль дельная. Был такой старый фильм с этим, как его, комиком французским, забыл, как его звали. Говорят, он помер уже. Так вот там инопланетяне от морской воды ржавели и рассыпались в прах, а ведь тоже были как люди с виду.

Но наш, видать, не из тех. Бабка на него весь пузырёк извела, а он всё пишет и стирает, пишет и стирает. «Сильны бесы!» – сказала бабка и убежала со своим внучеком и его красным ухом. Наверно, молиться пошла.

Стоим. Куркуль свою отбитую руку баюкает, я курю, а Палыч всё причитает: «Спасайте мальчика, спасайте мальчика!» Дался ему этот мальчик. Как куркулю его забор. Тоже, даром что рука в бинтах, причитает, что забор испорчен.

Вот, думаю, собрались, интеллигент, буржуй и святоша с оболтусом. Ничего сделать не могут! Опять мне, рабочему человеку, всё расхлёбывать.

Кинул я бычок в траву, подошёл к пацану сзади, да как оторву его от земли. Тяжёлый, гад! Я с ним пару шагов назад шагнул и поставил обратно. Он, пока я его тащил, всё в воздухе ручонками сучил. А как твёрдую почву под ногами почуял, сразу опять к забору шагнул и давай снова писать и стирать, писать и стирать. Всё то же слово из трёх букв.

Тут меня и осенило! «Тащи, – говорю, – Палыч, тачку и доску, какую пошире. А с тебя, – говорю, – куркуль, поллитра. Потому что твой забор сейчас будет от этой напасти избавлен. А коли ни, то ни, сам понимаешь. Без пузыря пусть он его хоть до дыр протрёт, моё дело сторона».

В общем, минут через десять пузырь у меня в кармане уже булькал. А тут и Палыч подоспел. Велел я ему доску держать. А сам хвать пацана и поставил его на тачку. Сосед ему тут же доску сунул под руки. Тот подмены не заметил. Сразу пошёл на моей доске писать-стирать. Так и покатил я его в тачке к себе на участок.

Качу, а Палыч задом пятится, доску держит. Куркуль аж прослезился на радостях, что мы его так дёшево от этой напасти избавили.

Закатили мы тачку ко мне на участок, сгрузили пацана возле сарая. Он сразу как врос в землю, пишет и стирает, пишет и стирает на стене. Ну да от моего сарая не убудет, это не розовый забор. Пусть старается на горбылях.

Раздавили мы на радостях с Палычем честно заработанный пузырь, поговорили за жизнь душевно, только под конец сосед окосел маленько, опять начал мальчика жалеть. «Какой он, – говорю, – тебе мальчик? Это секретный робот. Наш или инопланетный, не суть важно. И лететь ему никуда не надо. Его тут оставили, наверняка, как испорченное имущество. Так что и болтать о нём никому не надо. А то, как в кино, придут люди в чёрном. Будут дурные вопросы задавать. Оно тебе надо?» «Не надо». «Понял?» «Понял».

Налил я Палычу на посошок, и пошёл он, на ветру качаясь. Слаба всё же интеллигенция на выпивку.

С утречка я попил пивка, огурцы полил. То сё по хозяйству. Пацан весь в росе, но стоит у стеночки, пишет. Доски как наждачкой за ночь отполировал. Гм, на хрена мне самому рубанком возюкать? Буду ему на ночь горбыль да доску неструганую подсовывать, пусть полирует. Только тряпочку надо будет наждачкой заменить. Для повышения производительности труда.

Посидел я, покурил. Надо было передохнуть и подумать. И придумал ведь! Подошёл к пацану, схватил его за ноги, дёрнул с поворотом и опрокинул лицом вниз на грядку, где раньше редиска росла.

Он свалился и ручонками в земле засучил. Типа, пишет и стирает. Я его опять за ноги ухватил. Приподнял, и повёл вперёд. Куда там культиватор! Так он лихо в моей грядке писал и стирал, что перекопал всю её за милую душу. Мне бы лопатой на час работы, а тут за десять минут всё взрыхлили. Плохо только, что тяжёлый он. Я вспотел его таскать туда-сюда. Хорошо хоть, что грядка маленькая.

Закончили мы перекопку, бросил я пацана, а он вскочил на ноги, и опять к стеночке. Пишет и стирает, пишет и стирает.

Ладно, думаю, приспособлю я к тебе колёсики, чтобы легче пахать, не надо будет на мотоплуг тратиться. Теперь сижу, думаю, как к нему какую ремённую передачу приспособить, чтобы он у меня динамо-машину крутил, ток вырабатывал.

А эти не знают, что делать со сломанным мальчиком-роботом. Тоже мне, электроники, блин! Была бы шея, хомут найдётся. Я ему кучу применений в хозяйстве найду.

Одно меня интересует – что будет раньше: батареи у этого роботёнка кончатся, или люди в чёрном за ним придут?

Но это перспектива отдалённая, а вот что я вечером жене врать буду, когда она на дачу приедет? Унюхает ведь! Придётся, наверно, правду рассказать. Насчёт того пузыря, который мы с соседом вчера раздавили.

Владислав Ким

ПАЦИФИЗМ

– Тишина в зале суда!

Все сразу заткнулись.

– Адвокат подсудимого, ваше слово.

Адвокат встал и поверх очков внимательно оглядел сторону обвинителя.

– Спасибо, ваша смелость. Знаете, во-первых, военные юристы утрировали обвинение против моего клиента. Во-вторых, сам импровизированный судебный процесс я бы назвал фикцией, поскольку на моего клиента напали без доказательств и внятного состава преступления. Следует принять во внимание хотя бы то, что совершённое моим клиентом действие является нарушением военно-полевых правил, а не преступлением. Спасибо.

Адвокат замолчал и перевёл взгляд с обвинителей на судью.

– Благодарю, мистер Бэнт. Сержант Форген, – судья повернулся к человеку, сидящему на месте обвиняемого, – не потрудитесь ли встать?

Напуганный солдат начал медленно, неуверенно подниматься и резко вскочил, как только капрал, стоявший слева от трибуны, гаркнул: «Форген, встать!». Адвокат тут же подался к своему клиенту и зашипел:

– Ты что встаёшь без приказа?! Не позорься!

– Адвокат обвинителя, у вас есть вопросы к обвиняемому?

– Да, ваша смелость, – он встал из-за стола и пошёл в центр зала. – В отличие от моего учёного коллеги, – указал на Бэнта, – я военный юрист, соответственно, большинство вопросов у меня будет на военную тему. Ну, что ж, не все мы смелые, но не всем и запрещается бояться, – бросил дерзкий взгляд на своего коллегу. – А мистер Бэнт, видимо, не

улавливает разницы между военно-полевым кодексом и сводом военно-полевых правил. Для начала, скажите, какой приказ вы выполняли?

– Очистка, – проговорил сержант.

– Пожалуйста, погромче и поотчётливей.

– Я выполнял очистку жилых помещений.

– Сколько же вы убили людей во время очистки?

– Пятьдесят четыре.

– Вы ведёте счёт? – съязвил адвокат.

– Нет. После боя я недосчитался пятидесяти четырёх патронов. Все мои цели были гражданскими, а я их поражал с одного выстрела. Всех, – теперь он перестал нервничать и посмотрел в глаза оппоненту.

– А сколько находилось целей в том доме? – юрист сделал ударение на слове «том».

Форген немного замялся.

– Я нашёл лишь троих. Женщина тридцати лет, подросток и трехлетняя девочка.

– Я не спросил вас, сколько вы нашли, – повысил голос адвокат обвинения, – я спросил, сколько находилось гражданских в здании. Я не люблю расплывчатости и неясности в объяснениях, как мой коллега.

– Мистер Гарпет! – прервал его судья. – Не засоряйте вашу речь неуместными провокациями в сторону мистера Бэнта. Вы разговариваете с его клиентом, не переходите на личности.

– Прошу прощения, ваша смелость. Больше не повторится. А я повторю свой вопрос сержанту Форгену.

– Ч-четверо… Там было четыре человека.

– Кто же ещё находился в здании?

– Мальчик лет пяти. Я его не заметил…

– По какой причине?

– Скорей всего, он спрятался.

– Вы хорошо осмотрели здание?

– Да. Согласно приказу, – ответил солдат и осёкся, посмотрев на Бэнта. Тот, закрыв глаза, поднял руку к лицу и помотал головой. Гарпет улыбнулся.

– Ещё раз, повторите ваш приказ, – произнёс он с иронией.

– Очистка домов от гражданских… – обречённо ответил сержант.

– То есть, нужно было прочесать эти достаточно небольшие по размеру девятнадцать домов? И в одном вы допустили ошибку?

– Так и есть.

– Вы оставили нашего врага в живых?

– Да.

– У меня всё, – и, довольный, захлопнул папку.

Судья повернулся к Бэнту.

– Будем делать паузу?

– Нет, – встал и вышел из-за стола адвокат Форгена. – Вначале я хочу указать, что мой клиент обвиняется по статье «Пацифизм» по причине невнимательности и халатности, а также неподобающего исполнения приказа. За это не карают смертной казнью, в отличие, – сделал паузу, посмотрев на Гарпета, – от, собственно, пацифизма. Но я начну с вопросов. Сколько людей вошло с вами в дом? – и тут же, не дожидаясь ответа, повернулся к оппоненту. Тот понял свою ошибку, но не подавал виду.

– Трое рядовых и сержант Карос.

– И ни один не заметил мальчика?

– Никто.

– Это ведь была группа вашего отряда очистки.

– Да.

– Я осмелюсь прервать сей диалог, чтоб узнать, что здесь происходит, – вмешался судья.

– Я объясню, – Бэнт почувствовал уверенность, – но позже. Могу ли я поинтересоваться о состоянии военного положения на тот момент?

– Можете, – неуверенно начал Форген, не совсем понимая, к чему клонит его адвокат, – ну…

– Если можно – вкратце, – повернул судья к нему голову.

– Ну, если вкратце: когда мы входили в деревню, она еще нам не принадлежала. После ввода наших отрядов очистки она полностью перешла под наше владение. – Он протараторил это с такой искренней непосредственностью, как ребёнок, у которого спросили, что важнее: любовь или дружба, а он ответил – мороженое. В зале воцарилась гробовая тишина, каковой не было даже после слов «заткнитесь все к чёртовой бабушке!» в самом начале судебного процесса. Адвокат дал всем время и возможность переварить полученную информацию и продолжил:

– Иными словами, ваш так называемый отряд очистки, по сути, исполнял работу разведотряда, так как не было известно о наличии вражеских сил в населённом пункте. – Юрист говорил чётко и громко каждое слово. – А если б вражеские единицы всё же присутствовали на этой территории, отряд, в котором вы пришли, исполнял бы обязанности штурмового.

– Получается, да.

– Протестую, ваша смелость! – внезапно подал голос Гарпет. – Это уже апелляция к министру обороны со стороны мистера Бэнта и обсуждение приказа со стороны сержанта Форгена, что в свою очередь, – он глянул на солдата, – может являться отягчающим обстоятельством.

– Отнюдь. Во-первых, если бы мне не нравилась работа нашего минобороны, я бы убил его, однако я не знаю, как управлять министерством, ведь я не смыслю в политике и, как вы правильно заметили, в военном деле. Во-вторых, мы обсуждаем моего клиента, а, следовательно, и действия, связанные с его делом, включая и приказ, который он выполнял.

– Протест отклонён. Мистер Гарпет, можете сесть.

– Спасибо, ваша смелость. С вашего позволения я продолжу. Дабы не обсуждать приказ спрошу: сколько было всего человек в отряде?

– Пятнадцать. Двенадцать рядовых и три сержанта, включая меня.

– Сколько гражданских целей вы уничтожили?

– По моим подсчётам, сто двадцать две.

– И почти половину замочили вы? – спросил адвокат с наигранным удивлением. – Я попрошу отметить это в протоколе.

Стенографистка посмотрела на судью. Тот неуверенно кивнул.

– Спасибо. Итак, как вы вошли в дом?

– Вначале я, затем трое рядовых и Карос. Простите, сержант Карос.

– Не слишком ли много сержантов на троих рядовых?

– Ну, – глаза Форгена забегали, – это не совсем простые рядовые…

– А какие, золотые? – улыбнулся Бэнт.

– Новички, – уклончиво ответил сержант.

– Откуда? – не унимался юрист.

– Из тюрьмы…

– Как интересно. Стало быть, вам известно, по каким статьям они сидели?

– Трусость, – вздохнул солдат.

– Все трое?

– Нет, двое. Ещё один был обвинён в пацифизме с облегчающими.

– Интересно. И им предложили служить вместо пожизненного?

– Да, чтоб они типа исправлялись.

– И как, они исправлялись?

– Протестую, ваша смелость! Это не имеет отношения к делу!

– Я снимаю этот вопрос.

Судья зевнул.

– Вы зашли в дом и сразу обнаружили цели? – продолжил адвокат.

– Да. Они находились на кухне.

– На чердаке вы проверяли?

– Да, там никого не было.

– Где же был мальчик?

– Я не знаю. Я же уже предположил, что он прятался.

– Он был вооружён?

– Нет. Когда Карос устранил его, я пришёл на звук и увидел мальчика посреди кухни. Скорей всего, он вышел, когда я уже уходил.

– Да, мы уже слышали Кароса. А как вы думаете, – Бэнт присел на свой стол, – он мог иметь при себе оружие? Скрытое. Или взрывное устройство?

– Насчёт взрывного не скажу. Я в этом не разбираюсь. А оружие… Гипотетически мог.

– Замечательно. То есть к вам мог сзади подойти пятилетний мальчик и зарезать. Или застрелить. Ваша смелость, разрешите задать вопрос капралу Дассениту?

Судья задумчиво посмотрел на обвиняемого, потом перевёл взгляд на офицера.

– Разрешаю.

– Ваша смелость! – воскликнул Гарпет.

– Я разрешил! – повысил голос судья.

– Спасибо, ваша смелость. Капрал Дассенит, кроме отряда очистки, – он указал рукой на Форгена, – под вашим командованием есть ещё сапёрный и минёрный отряды. Это так?

– Так и есть.

– Значит, вы разбираетесь во взрывных устройствах?

– Да.

– Скажите, мог ли – гипотетически! – мальчик иметь на себе взрывное устройство?

Капрал почесал шею.

– В принципе, мог.

– Спасибо. То есть, кроме единичного убийства у мальчика была возможность уничтожить треть отряда. Ваша смелость, вы не считаете слишком рисковой данную работу для отряда очистки?

Судья неопределённо кивнул головой и уклончиво ответил:

– Риск есть всегда. Это ведь… война.

– Ну да… – грустно усмехнулся адвокат и вышел в центр зала. Несколько секунд он смотрел в пол, потом поднял взгляд и посмотрел прямо в глаза судье.

– Ваша смелость, я говорю это вам, чтобы моего клиента не обвинили в обсуждении приказа. Ваша смелость! Господа присяжные! – он повернулся на пару секунд к присяжным. – Я хотел бы заострить ваше внимание на некорректности приказа об очистке на территории, ещё не захваченной нашими войсками. Отряд моего клиента был послан в район с неизвестным уровнем опасности, в район предполагаемого расположения сил противника, в десять раз преобладающих по количеству. Мой клиент при этом выполнял не свою работу и подвергался неоправданному риску. Спасибо.

– У вас всё? – поинтересовался судья.

– Последний вопрос.

– Я вас слушаю.

– К, – Бэнт кашлянул, – подсудимому.

– Он тоже вас слушает.

– Сержант, вы знаете язык противника?

– Ну… я учил, как и все.

– Сержант Форген! Мистер Гарпет не любит невнятных и расплывчатых ответов! Говорите по существу.

– Мне он плохо даётся. Да и не люблю я это. Не знаю, в общем, я языка. Капрал может это подтвердить.

– У меня всё.

– Я даю сторонам паузу в полчаса для подготовки к выступлению в прениях, – и стукнул молотком. – Антракт, господа!

***

– Кто начнёт? – пообедав, судья стал ещё улыбчивее.

– Я пропущу вперёд сторону обвиняемого, – ухмыльнулся Гарпет.

– Мистер Бэнт, к барьеру!

– Ваша смелость. Господа присяжные. Я постараюсь вам описать события, произошедшие четыре дня назад. Наша армия, если вы следите за новостями, немного ретировалась в это время. Деревня, в которую послали отряд моего клиента, ни разу за все время конфликта не была захвачена нами полностью. Так называемый отряд очистки являлся первой нашей силой в этой локации. По сути, ими воспользовались, как пушечным мясом, как приманкой, как индикатором. Это как кинуть пятнадцать дезинсекторов в клетку динозавров и сказать: «Убейте всех тараканов!». Тараканов они убили, но им повезло, что в этот момент в клетке не было динозавров. Я ни в коем случае не хочу указать на эти ошибки высшим военным чинам. Однако хочу заострить внимание на прилежности сержанта Форгена и качестве выполнения им поставленной задачи. Теперь конкретно по дому номер тринадцать. Он сравнительно небольшой, одноэтажный, с чердаком. Обыскать его не так уж и сложно. По словам свидетеля, сержанта Кароса, они обыскали весь дом. И чердак, и подвал. Следовательно, если мальчик прятался так, что его не нашли военные, – он прятался целенаправленно. А если бы это прятался не пятилетний ребёнок? А высокоспециализированный боец? Далее интересная

картина: полуглухой Карос без шлема услыхал, как мальчик что-то произнёс, но не смог нам сказать, ведь не расслышал его; а Форген, экипированный в шлем, улучшающий слух втрое, почему-то вообще не слышал мальчика. Это при том, что, как говорилось ранее, Форген не знает языка нашего противника. Исходя из всего этого, подводя итог, хочу заявить суду, что мой клиент виновен в понижении внимания к гражданским лицам противника во время запланированной очистки местности с вытекающим из этого подверганием риску (хотя там риска не было) одного или нескольких членов команды. Пацифизмом тут и не пахнет, соответственно, в пацифизме мой клиент не виновен. Спасибо за внимание, у меня всё.

– Хм… Есть вопросы у стороны обвинителя?

Гарпет, хитро улыбаясь, почесал подбородок.

– Сыграем в покер на выходных?

– Почему бы и нет?

– Ребят, может, вы в другое время об этом поговорите?

– Больше вопросов нет.

– Тогда ваше слово.

– Ваша смелость. Я извиняюсь заранее. Я не буду переходить на личности, лишь укажу некоторые недостатки в речи моего оппонента. Во–первых, он упомянул про абстрактные новости, согласно которым мы куда–то отступаем. Хочу заметить, он сказал слово «конфликт», видимо, подразумевая войну. Наш президент и лично я не видим в том, что происходит, войны. Это боевые действия, не более того. Это боевые действия с подвластными нашей державе. Следовательно, вся территория боевых действий принадлежит нам, что ставит утверждение о принадлежности деревни под сомнение. Деревня наша, а гражданские – не наши, они против, следовательно, их нужно устранить. А то, что некоторые могут быть с оружием – абсолютно логично. Тем более, по словам нашего бравого сержанта, он убивает гражданского с одного выстрела. Чем же человек с оружием отличается от человека без оружия? Или от вида вооружённой цели у Форгена начинают от страха трястись руки и улетать в пятки душа? А от этого мысли о мире во всём

мире? Также смею заострить внимание, что мой оппонент признал своё плохое знание военного дела, но при этом активно вставляет в свою речь научные слова типа «локация», «ретироваться». Их он хоть употребил правильно. А вот слово «высокоспециализированный» я бы ему посоветовал посмотреть в словаре. По-моему, он его даже неправильно произнёс. В конце концов, мистер Бэнт привёл цитату из свода военно-полевых правил, видимо, пропустив моё замечание насчёт кодекса. Я не хочу оскорбить своего оппонента или обвинить его в невнимательности, но я упомянул в разговоре с ним во время перерыва, что на выходных меня не будет в стране, и что я – один из тех, кто подписался за закон, запрещающий азартные игры. Спасибо за внимание, у меня всё.

– Я вопросов не имею. Сторона обвиняемого, у вас есть вопросы?

– Вы… так и не сказали, почему считаете его виновным, – пробормотал Бэнт.

– Он оставил врага и свидетеля в живых, по моим данным, глядя прямо на него. Если бы не Карос, мальчик мог бы выжить.

– У вас ошибочные данные.

– Это не вопрос.

– Тогда всё.

Адвокаты уселись за свои столы.

– Суд присяжных готов вынести вердикт?

– У нас шесть на шесть, – нерешительно проговорил молодой человек в первом ряду.

– Значит, всё зависит от меня… – десять секунд он задумчиво смотрел в потолок, после чего вынес приговор и ударил молотком.

Олег Нагорнов

ИЛЛЮЗИИ КРАСНОЙ ШАПОЧКИ

– Мама, я никуда не пойду!

Маленькая полная блондинка, чью красоту не унесли с собой прожитые годы, обернулась к дочери и растерянно заморгала огромными синими глазами.

– Ну, почему? Почему визиты к бабушке всегда превращаются у нас в трагедию? – тихо спросила она. – Почему ты не можешь просто взять корзинку с пирожком и отнести ее бедной одинокой старушке?

– Я говорила тебе об этом тысячу раз! – резко ответила дочь. – Если бы ты меня слушала, то никогда бы не посылала в этот страшный лес!

– Страшный лес?! – мать устало опустилась на стул, поставив рядом приготовленную корзинку. – Красная Шапочка, вся деревня ходит туда за грибами и ягодами, там не боятся играть даже маленькие дети!

Девушка подошла к женщине, села рядом. Красной Шапочке недавно исполнилось восемнадцать. Она была красива, но совсем не похожа на мать: жгучая брюнетка с карими глазами и резкими чертами лица.

– Мама, мы и об этом говорили. Для меня это действительно Страшный лес!

– Дочь, я вчера сама ходила туда за дровами. И ничего плохого не случилось!

– Это потому что ты второстепенный персонаж!

– Не говори так с матерью!

– Но это правда! Почему ты мне не веришь?

– Нет, это какой-то кошмар, – женщина встала и зашагала по чистенькой белой комнате. – Во что я должна верить?! В то, что тебя и бабушку съел волк? А потом добрые дровосеки вспороли ему живот и выпустили вас?! Я должна поверить вот в это?! Ну, а остальные твои истории вообще в голове не укладываются. Ладно, бабушка – старый человек, но откуда у тебя такие фантазии?!

– Но это правда, – кротко отозвалась девушка, – и, к сожалению, далеко не самая страшная.

– Дочь, прости, но ты никогда не видела волков. Что совсем неудивительно, их вообще никто не встречал в наших краях уже добрую сотню лет. Волк – это всего лишь большая собака. Если бы он вас съел, даже тщательно прожевав, его бы разорвало.

– Дело не в размере, – вздохнула Красная Шапочка. – Он и сам не ожидал, что сможет нас проглотить.

– Я не понимаю. Я знаю, ты любишь бабушку! Вы всегда хорошо ладили. Что случилось? Почему ты стала придумывать эти дикие, ужасные истории? Да я бы сама сходила, но плохо себя чувствую! Тебе меня не жалко?

– Мама, тебе не кажутся странными эти совпадения? Как только надо идти к бабушке, ты заболеваешь, или подворачиваешь ногу, или к нам неожиданно приезжают гости…

– Дочь, я не вела статистику. Но ты сама ответила на свой вопрос. Это – совпадения!

Красная Шапочка подошла к открытому настежь резному окошку. Летний ветерок играл с белоснежной занавеской, шептался с листьями старого леса и тихо звал ее за собой…

– Мама, давай попробуем еще раз. Начнем сначала.

– Хорошо, – женщина покорно присела за низенький столик, – давай попробуем.

– Давай представим, – осторожно начала девушка, изучая книжную полку, – что наш мир кто-то придумал. Создал.

– Это как раз нетрудно, – устало ответила мать. – Я даже знаю, что он сделал это всего за три дня.

– Оставим религию в покое. Поговорим о чем-то более реальном.

Красная Шапочка положила на стол стопку взятых с полки книг.

– Давай на минутку представим, что ты, я, этот лес, бабушка, волк, деревня, вообще все вокруг – всего лишь плод чьей-то фантазии. Допустим, что нас придумали. Написали про нас сказку. Подожди, не перебивай! И вот в этой сказке я иду к бабушке и в лесу встречаю волка.

– Умоляю, дальше не надо! Я же сказала, что плохо себя чувствую!

– Хорошо, не буду. Это была, так сказать, оригинальная версия. Казалось бы, все хорошо, история закончилась, и все мы можем жить дальше своей жизнью. Но, к сожалению, сказка стала очень популярной.

– Воды! – чуть слышно попросила женщина.

Когда розовый оттенок вернулся на круглые щеки матери, девушка, спросив разрешения, продолжила:

– Так вот. И почему то многие другие… авторы, стали писать свою версию нашей жизни, особенно тщательно обыгрывая момент моей встречи с волком. И вот теперь каждый раз, когда я иду в лес, со мной случаются порой удивительные, а порой просто страшные вещи! Конечно, это всего лишь моя гипотеза. Но, мама, с меня хватит! Я так больше не могу!

– С меня тоже – хватит! – прошептала женщина.

– Да ты хоть представляешь, через что мне пришлось пройти?! – взорвалась дочь. – Я не знаю, что это за мания, но мне кажется, что любой, хоть раз державший в руке перо, обязательно писал свою версию моих приключений! А это, знаешь ли, были разные люди! Далеко не всегда талантливые, далеко не всегда умные, и далеко не всегда джентльмены! Ты знаешь, что мне пришлось вынести, когда за сказку взялся вот этот вот… создатель?!

Красная Шапочка сунула под нос матери «Черный обелиск».

– А еще вот этот, и этот, и этот!!! Так, это у нас что? «Война и мир»? В топку! «Декамерон»? Боже, я была так невинна! Пелевин! Ненавижу! А еще были сотни, тысячи любителей, возомнивших себя творцами!

Девушка заплакала, по-детски уткнувшись лицом в раскрытые ладони.

– Ты меня понимаешь, мама? – спросила она свозь слезы. – Теперь ты меня понимаешь?

– Я понимаю, – спокойно ответила женщина, – теперь понимаю.

Она встала, взяла тряпку, и принялась вытирать с мебели несуществующую пыль.

– Я понимаю, что моя дочь неисправимая фантазерка. И что она просто не хочет идти к бедной старушке.

Это был удар ниже пояса. Хлопнула дверь. Мать обернулась и увидела, что Красная Шапочка исчезла, прихватив корзинку с пирожком, накидку и свою любимую красную шапочку.

– Ну, что мне с ней делать? – вздохнула женщина. – Она так и замуж никогда не выйдет!

Тропинка убегала в лес, петляла между деревьями, манила за собой. Девушка шла быстро, не оглядываясь.

– Не верит! – шептала она. – Никто мне не верит! И пусть! Я сама положу этому конец.

Серый Волк дремал, развалившись на зеленой травке. Увидев Красную Шапочку, он вскочил на ноги. Шерсть его вздыбилась, глаза злобно заблестели.

– Ты? – зарычал он. – Ты зачем пришла?! Мы же договаривались!

– Отвали, – бросила ему девушка, ошпарив взглядом, – я иду к бабушке!

Волк сразу потух и затрусил следом.

– Но как же так? Мы же договорились, что ты больше не придешь, а?

– Мать выставила меня из дома! Что я могла сделать?

– Слушай, – хищник завилял хвостом, обогнал девушку и, пятясь задом, позорно поскакал впереди, – а пойдем тогда вместе?

– Нет! – отрезала Красная Шапочка. – Лучше держись от меня подальше!

– Это бесполезно, – вздохнул волк. – Все равно сюжетные линии уже пересеклись. Пойдем вместе! Вдвоем не так страшно.

– Ладно, идем. Только не доставай меня, понял? Я не в настроении.

Но Серого Волка ненадолго хватило.

– Шапочка, – начал он примерно шагов через сто, – ты ведь не сердишься на меня? Ну, за прошлую историю?

– Волк! – девушка остановилась, повернулась к мохнатому спутнику и отчеканила: – Все, что тогда произошло, случилось помимо нашей воли. Мы договорились никогда не вспоминать об этом. И если ты еще раз упомянешь об этом неприятном эпизоде, твоя шкура будет висеть на двери моего домика, а черепом будут играть соседские детишки. Понятно?

– Абсолютно! – убежденно прорычал тот.

Как ни странно, после этого диалога они немного оттаяли, а волк даже нарвал на поляне желтеньких цветочков для девушки.

– Мерси, – поблагодарила слегка порозовевшая Красная Шапочка, осторожно вынимая тонкие стебельки из огромной пасти, – мне очень приятно.

До бабушкиного домика оставалось совсем немного, когда хищник замер, навострив уши.

– Ты слышишь?

– Что? – спросила девушка, нахмурившись.

– В том-то и дело, что ничего! Птицы не поют. Ветер стих. Что–то не так.

– Лучше идем, – занервничала Красная Шапочка. – Всегда лучше идти вперед.

Но далеко им уйти не удалось.

Тропинка вильнула еще раз, а за поворотом ее бег обрывал огромный стальной диск, стоявший на пути на трех тонких ножках. Диск напоминал перевернутую тарелку со стеклянным куполом и множеством маленьких рожек.

– Азимов? – предположил волк.

– Скорее, Уэллс, – поправила Красная Шапочка.

Тем временем, из тарелки вышли три зеленых существа в прозрачных сферах на омерзительных головах, их щуплые тела невыгодно обтягивали блестящие скафандры, а в руках уродцев были железные трубки, которые они тут же направили на путешественников.

– Точно – Уэллс! – согласился Серый.

– Приветствую вас, земляне! – заскрипел рослый пришелец, стоявший посередине. – Мы, жители Марса, пришли с миром!

– Начинается, – простонал волк, сел, поджав хвост, и, мелко дрожа, прижался к ноге девушки.

– Земляне, – продолжал вещать марсианин, – мы просим вас пройти на наш корабль.

– Зачем? – в упор спросила Красная Шапочка.

– Мы должны провести несколько опытов, – пояснил урод, плотоядно вращая стрекозьими глазами.

– Нет, – спокойно ответила девушка, поставила корзинку и скрестила руки на груди, – мы никуда не пойдем.

Марсианин явно не ожидал такого ответа. Он обернулся за поддержкой к остальным, но те лишь растеряно пожали худыми плечами.

– Как это – нет? Но вы должны!

– Мы должны лишь отнести пирожок моей бабушке, – парировала Красная Шапочка, – этим и займемся. Мне жаль, если это противоречит вашим планам, но я ничем не могу вам помочь, господа!

Пришельцы, опустив трубки, тихонько совещались.

– Что с тобой? – прошипел волк. – Ты же нарушаешь замысел автора!

Но девушка не удостоила его ответом.

– В таком случае, – грозно сказал марсианин через несколько секунд, – мы вынуждены заставить вас силой. Нельзя сказать, что мы не разделяем вашу позицию, сами натерпелись, но все же вы полетите с нами!

Серый встал и послушно поплелся к тарелке.

– Сидеть! – рявкнула Шапочка так, что волк упал навзничь, а самый пугливый из марсиан юркнул за спину главного. – Мы. Никуда. Не пойдем!

– Как хотите, – вздохнул пришелец, поднимая конечность с оружием. – Мы вас предупреждали!

– Бежим! – крикнула девушка, дав волку по уху.

Тот, мигом выйдя из оцепенения, бросился за ней в чащу.

– В погоню! – завизжал марсианин. – Взять живыми!

Красная Шапочка и Серый Волк бежали, цеплялись за коряги, падали, вставали и снова бежали.

– Куда это мы? – спросил волк, задыхаясь.

– Тут недалеко!

Через минуту они выбрались на большую, ярко освещенную солнцем опушку. Там стоял маленький белый самолетик, скрытый от посторонних глаз маскировочной сеткой.

– Что это?! – воскликнул волк, тормозя всеми лапами. – Что это за чудовище?!

– Помоги! – ответила девушка, срывая сетку. – Потом объясню!

Быстро управившись с маскировкой, Красная Шапочка распахнула дверь, затащила внутрь кабины упиравшегося волка, а сама плюхнулась на место пилота, не забыв перед этим подобрать с земли тяжелый камень. Заурчал моторчик и самолет начал разбег как раз в тот момент, когда на опушку выбежали марсиане.

– Уходят! – завопил главный. – Назад, к кораблю!

Самолет взлетел, но девушка пока не набирала высоту. Найдя тропинку, она спикировала к инопланетной тарелке и бросила вниз припасенный булыжник. Тот вдребезги расколотил стеклянный купол, заставив опоздавший экипаж завыть от злости и бессилия…

Под крылом с размахом 10,17 м «Сессны–152», с горизонтальным четырехцилиндровым двигателем Lycoming O–235–L2C, объёмом 3,8 л, мощностью 1110 л.с. при 2 550 об/мин, проносились зеленые верхушки деревьев. Самолет делал круг почета над лесом. Серый Волк, оправившись от шока, резвился на пассажирском сиденье.

– Я чайка! – орал он, – Я лечу! Как мы их уделали! Какая же ты молодец, Шапочка! Как ты грозно сказала: «Мы идем к бабушке! Ничем не могу помочь!» Круг разорван! Отныне и впредь мы более не рабы глупых авторов, мы сами хозяева своей судьбы!

От избытка чувств он даже лизнул девушку в щеку. Но та, занятая пилотированием, не обратила на это должного внимания.

«Сессна» аккуратно приземлилась на лужайке возле бабушкиного домика. Пока самолетик бежал по траве, замедляя ход, из дома вышла аккуратная старушка в синем чепчике и приветливо помахала летчикам рукой.

– Бабушка! – закричал волк, суча передними лапами по стеклу. – Привет, бабушка! Мы прилетели! Свободные, как птицы!

– Какой же ты все-таки глупый, Серый Волк, – грустно сказала Красная Шапочка, заглушив двигатель. – Никакие мы не птицы!

– Как не птицы?! – запротестовал тот. – Мы же сбежали от марсиан, наплевав на планы Создателя! Мы сели в эту штуковину, которая принесла нас к твоей веселой бабульке! Кстати, а откуда штуковина взялась на опушке?

– В том то и дело, – улыбнулась девушка, похлопав по штурвалу, – я точно знала, что самолет будет стоять именно там. И что я смогу им управлять. Весь фокус в том, что мы ошиблись. Сегодняшнюю историю написал не Уэллс.

– Кто же? – спросил погрустневший волк.

– Самолет, это раз. Твои вопли про чаек – это два. Конечно, мой хищный друг, это был Ричард Бах. И наша с тобой свобода – лишь иллюзия…

Дмитрий Фантаст

КОНТАКТ

Знакомство наших цивилизаций состоялось очень давно. Вначале были робкие радиосигналы, которые ползли долго и приходили, когда ожидающее ответа поколение уже состарилось, успев позабыть о событиях минувших дней. Наука, конечно, не стояла на месте. Со временем люди освоили методы искривления пространства и стали посылать сообщения «коротким путем».

Засекреченные лаборатории вовсю эксплуатировали это удивительное явление. Упрощенная суть применяемых технологий была такова: если на листе бумаги соединить две точки, то получится отрезок определенной длины. Однако, сложив лист пополам и совместив точки, можно сократить длину отрезка во много раз. Воспользовавшись аналогией, некая военная лаборатория земной супердержавы получила постоянную связь с инопланетной цивилизацией.

Почему секретно? Да все просто. Супердержава лелеяла надежду первой овладеть благами развитой цивилизации и закрепить на них монополию, а то и получить в пользование сверхмощное оружие, чтобы поставить остальной мир на колени без особых затрат и длительных исследований.

Прикрываясь обещаниями установления мирового порядка, магнаты супердержавы старательно вкладывали средства в появившийся контакт, сохраняя его секретность любыми средствами. Банки заготавливали новые контракты на еще более крупные депозиты таких магнатов.

Однако жители планеты Котэ были либо по-детски просты, либо чересчур сложны для человеческого разума. Планы супердержавы по овладению миром и мечты о сказочном богатстве внезапно развалились. Тщательно построенная пирамида рухнула, погребая под собой чаяния мировых лидеров, а заодно и саму супердержаву.

Котэане неожиданно открылись для широкого общения, наплевав на предупреждения и запреты монополистов. Теперь любой человек мог пообщаться с инопланетянином так же запросто, как с соплеменниками в многочисленных соцсетях.

Купленные с потрохами мировые средства информации сигнализировали об опасности подобных контактов, увещевали публику, что котэане коварны и хитры, но люди с распростертыми объятиями кинулись в общение. Напрасно власти блокировали сети, изымали сервера – они появлялись как грибы после дождя. Даже полицейские меры по предупреждению всяческих контактов оказались недейственными.

Людям непременно хотелось увидеть своих новых таинственных и опасных друзей. Подпольные станции для связи ломились от потока желающих получить доступ в межпланетную сеть.

Борьба за утерянный над ситуацией контроль продолжалась. В средствах массовой информации появились многочисленные репортажи об «ужасающих последствиях» контактов с котэанами. Люди с уродливыми психическими расстройствами, суицидальными наклонностями долго и вдохновенно рассказывали о том, как приобрели жуткие заболевания, мании, фобии после такого рода общения. Но подобные сообщения если и вызывали интерес, то еще более привлекая публику, нежели отпугивая.

Созданные в спешном порядке комиссии по контролю за межпланетными связями метались в тщетной попытке закрыть, запретить, предупредить, ликвидировать сервера, на которых пропагандировали любые контакты и общение.

Мировые политические лидеры, каменея лицами, хоть сейчас готовые на пьедестал в бронзе, эксплуатировали красноречие и умелый пиар, щедро подогреваемые стремительно нищающими магнатами.

Определенная часть населения поверила в эти увещевания, шепотом обвиняя во всех неурядицах пресловутое общение с инопланетянами.

Экономика содрогнулась вместе с казной магнатов. Крупные предприятия снизили темпы производства; банки, утратив депозиты, перестали щедро раздавать кредиты; появились тысячи рыщущих в поисках работы. Мир постепенно сползал в пропасть, лишаясь старательно вылепленных авторитетов.

Страны, которые отреклись от политики ограниченного контакта, становились зонами повышенного риска колонизации. Вскоре в них стали появляться войска, облаченные в благородные одежды миротворцев. На тяжелой военной технике, проезжающей по территории инакомыслящих, реяли воспетые умелой агитацией флаги борьбы за справедливость и порядок. Прикрытые лозунгами человеколюбия снаряды и боеприпасы вовсе не выглядели смертоносными. В глазах обывателей преступники – невооруженные владельцы серверов – выглядели более угрожающе, чем автоматы в руках их конвоиров.

«Сервер недоступен», – прочитала она и с досадой отбросила в сторону гаджет. Этот ресурс продержался дольше всех остальных. Он был настолько стабилен, что, казалось, будет работать вечно.

Она откинула светлый локон со лба и решительно поднялась с дивана. Пора пить утренний кофе и отправляться по своим делам без привычной милой беседы с запрещенным и опасным собеседником.

Сошла ли она с ума? Вероятно, да, потому что с некоторых пор не могла обходиться без этого общения. Просто отложить гаджет, не предупредив своего собеседника, что пропадет из сети, она уже не имела никакого морального права.

Начиналось все довольно невинно. Запретное всегда притягивает больше, чем рекламируемое и доступное. Однажды, просиживая за компьютером в ночном серфинге по страницам, она попала на один из серверов. От увиденного вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок.

Котэане немного жутковаты на первый взгляд. Цвет кожи – бархатисто-темный, черты лица правильные, человеческие. Кажется, что они все выглядят одинаково. Наиболее зловещими в их облике были янтарно-желтые глаза с вертикальными зрачками. Благодаря умелым

действиям телевизионщиков, они действительно казались воплощением зла.

Уже после стало понятно, что это лишь выхваченные из действительности картинки. Опытные пиарщики знали, какой кадр стоит вырвать из контекста для той или иной цели.

Выбрать собеседника не составляло никакого труда. Стоило кликнуть на изображение любого контактера, и разговор был обеспечен.

Она не смогла покинуть запретное пространство. Такие сайты было сложно найти, существовали они недолго, потому ее случайный доступ казался настоящим чудом. Немного почитав отзывы пользователей, она заметила появившуюся в списке контактов иконку и вдруг решила испытать свою психику на прочность, затеяв разговор. Под аватаркой располагалось красноречивое: «Снейк». «Ну, что ж, Змей, – подумала она. – Сейчас начнем вторжение в твой неземной разум».

Слегка помедлив, она кликнула аватарку, подождала несколько секунд, и на экране появилось изображение.

Он сидел в уютном ложе из темно-зеленой массы, охватывающей его тело. За его спиной, поражая земное воображение, расслабленно расположились два крыла. Непринужденная поза указывала на то, что он привык к подобному невероятному явлению в своей жизни, но девушка просто не могла оторвать взгляда от этой потрясающей детали его внешности.

– Привет, землянка, – проговорил контактер бархатным мужским голосом, разглядывая свою потенциальную собеседницу. – Ты хочешь общаться анонимно или скажешь мне свое имя?

Она судорожно сглотнула, пытаясь погасить внезапно охватившую ее панику. Выдавить из себя хоть слово не получалось. Она попыталась отвести взгляд, чтобы овладеть голосом.

– Я Кэрри, – наконец сдавленно произнесла девушка.

– Очень приятно, Кэрри, – обрадовался собеседник. – Знаешь, ты первая, кто назвал мне свое имя. Я постоянно терпел неудачи при знакомстве с твоими соплеменниками. Дело в том, что по крови я не обычный котэанин. Ну… это как у вас принцы крови, что ли… У меня есть крылья, и, по земным меркам, я – воплощение дьявола. Особо опасен. Ты боишься меня?

Кэрри отрицательно махнула головой, но опасаясь, что он не поймет ее жеста, выдавила из себя одно слово: «Нет». И соврала: у нее замирало все внутри от одного взгляда на собеседника.

– Хорошо, – удовлетворенно заявил Снейк. – Чтобы ты привыкла ко мне, я поговорю немного. У меня нет голосовых связок, поэтому голос, который ты слышишь, мне не принадлежит. Тебе приятен его тембр?

Кэрри согласно мотнула головой, добавив к жесту короткое сдавленное: «Да».

Теперь их первый разговор они вспоминают со смехом. Смехом? Снейк не умеет смеяться. И голос у него такой же, как у сотен других котэан, вступивших в контакт. Просто кто-то из первых контактеров догадался уточнить, что именно будет приятно в общении его земному собеседнику. Котэанам это не нужно, как и все жесты, которые привыкли использовать земляне. Общение посредством мысли исключило эти варианты выражения чувств.

Ее собеседник общался просто, непринужденно, совершенно не скрывая своих соображений. Окруженный таким открытым общением, когда его мысли и желания читаются собеседниками, он не считал нужным соблюдать какие-то ограничения, чем неоднократно шокировал землянку.

– Ты некрасива, – как-то заметил он, – но твоя необычность, все, что ты рассказываешь мне, заставляют меня желать тебя. Интересно…

Он осекся, заметив, как щеки Кэрри моментально порозовели.

– А каким я кажусь тебе? Жутким? Уродом? – поинтересовался он, слегка смягчая тематику.

Кэрри вздохнула, подбирая слова для ответа.

– Внешне? Ты мне не нравишься, что-то в твоем облике настораживает меня, вызывает опасения, – призналась она. – Общение же с тобой – нечто иное… Оно настолько удивительно, будто я попала под чары, околдована. Я уже не могу обходиться без него.

Так было на самом деле. Кэрри и не заметила, как тоже стала откровенна во всем. Это было похоже на вирус, который проник в ее жизнь, ломая прежние привычки. Она не могла удержаться от желания говорить все, что приходило на ум даже в окружающей повседневности, где обычно была более сдержанна и скрытна. Таких же нарушающих запреты людей она узнавала повсюду именно по этой манере. Как-то на работе она не сдержалась и высказала начальнице все, что о ней думала. Начальница молча смотрела на нее несколько секунд, а потом совершенно спокойно спросила:

– Котэанин?

Тайное стихийное сообщество распространялось повсюду, безнадежно пытаясь скрыть свою принадлежность к нарушению человеческих канонов об опасности и предусмотрительности. Происходящее напоминало эпидемию.

С тех пор Кэрри просиживала ночи напролет в мучительных поисках подпольных серверов, появлявшихся на смену удаленным. Самым приятным событием для нее стал момент, когда она видела аватарку Снейка на найденном сервере. Это превратилось в настоящую манию.

Иногда их общение прерывалось на довольно длительные промежутки времени. Когда они находили друг друга на очередной временной точке доступа, то, казалось, не смогут наговориться. С каждым днем серверов становилось все меньше: мировое сообщество обозлилось и поднаторело в собственной борьбе. Сеансы связи стали короткими и пронзительными до слез. Кэрри плакала, а он, хотя и не умел этого делать, но никогда не казался равнодушным.

– Знаешь, я бы хотел коснуться тебя… – говорил он, пока Кэрри утирала салфеткой льющиеся слезы, пытаясь успокоиться. – У нас есть

технологии, чтобы добраться до вашей планеты. Но правительства и спецслужбы… Они одержимы манией преследования. Я не могу нарушить правила.

Кэрри попыталась укрыть отчаяние, ухватившись за чашку с остывшим кофе.

– Представляешь, ведь мы не сможем выпить, к примеру, один и тот же напиток. Твой кофе для меня ядовит. А для тебя смертельно то, что предпочитаю я... – Снейк кивнул на жидкость в своем бокале. – А сегодня пытался научиться улыбаться, посмотри!

Кэрри не удержалась от смеха, наблюдая, как котэанин оскалил острые клыки в нелепой попытке сымитировать человеческую улыбку. Увидев, что девушка рассмеялась, Снейк, словно смутившись, завернулся в крыло.

– Я хочу ощутить на ощупь твою кожу… – сказал он, выглядывая из-за крыла.

Глаза его приобрели изумрудно-зеленый оттенок, став похожими на кошачьи.

– А я – твою, – пошептала Кэрри.

– Ты не понимаешь. Я привык не только не скрывать собственные желания, но и исполнять их. Что бы ни было, я скоро найду тебя…

«Сервер недоступен» – это было последним, что она прочла на мониторе гаджета. Даже кофе допить не успела, потому что «борьба с незаконными контактерами» вступила в новую фазу. В квартиру Кэрри ворвались два дюжих санитара и вкололи ей что-то седативное. С этого момента ее жизнь поменялась кардинально.

Во время работы на фабрике среди страдающих «синдромом зависимости от незаконного контакта» она встретила бывшую начальницу и еще многих своих знакомых. Организаторов этих фабрик установить было несложно, как и догадаться, чьи карманы они пополняли при помощи своего нового сверхприбыльного бизнеса.

Гаджеты, незаконные сервера и межпланетные контакты для находящихся на принудительном «лечении» остались в прошлом. В

настоящем были серые бетонные корпуса, дюжие охранники, санитары, камеры наблюдения и работа, которая и считалась основной терапией. Разговоры между пациентами были строго регламентированы и прослушивались. Все их истории были чем-то похожи, но каждая оставалась тайной для окружающих.

Через пару месяцев были зафиксированы первые случаи суицида. Впрочем, статистику жертв никто не вел. Просто на месте исчезающих пациентов появлялись новые, в отношении которых применялась «интенсивная терапия» карцеров и «одиночек», чередуемых с применением седативных препаратов и электрошока.

В условиях тотального контроля найти способ прервать ставшую никчемной собственную жизнь – задача не из простых. Пациенты вешались на сплетенных из разрезанных простыней веревках, вскрывали вены заточенными столовыми приборами, глотали все, что могло вызвать смертельный исход…

Кэрри заподозрили в подготовке побега. Ей пришлось выдержать воздействие электрошока и пару суток в карцере. Однако побег для нее был бы бессмысленным: даже в случае удачного исхода, она окажется в мире, лишенном самого необходимого для нее. Она продумала иной способ.

Однажды ночью Кэрри поняла, что полностью готова. От электрошока перестала кружиться голова. Осталось только в точности выполнить запланированное.

Тщательно избегая камер и охраны, она проскользнула на крышу здания жилого корпуса. Лишь на мгновение замерла в перекрестном свете прожекторов под звуки тревожной сирены и шагнула вниз…

Кэрри думала, что за время стремительного полета ничего не успеет вспомнить, но ошиблась. В ее взбудораженный происходящим разум ворвался настоящий шквал воспоминаний.

Сквозь пелену сознания она почувствовала, что падение прекратилось, ее подхватили чьи-то сильные руки, усиливая водоворот мыслей. Кэрри понимала, что электрошок рано или поздно должен был

изменить ее психическое состояние. Она ждала отрезвляющего удара о твердую бетонную площадку под зданием.

Удара не последовало.

– Жаль, телепатией ты сразу не овладеешь… А кожа приятная, Кэрри…

В темноте ночного леса он двигался почти бесшумно. Она видела только два горящих адским пламенем глаза и слышала искусственный голос, так сроднившийся с ним.

– С… Снейк?

Юрий Табашников

ПОБЕГ ИЗ РАЯ

Жизнь у Ирины Петровны промелькнула мимо как-то незаметно. Вроде бы вчера ещё бегала с девчонками в школу, а сегодня проснулась, посмотрела, а уже и дети выросли. «Тик-так, тик-так», – отмеряли её время внутренние часы, раскрашивая с каждым прожитым днём ранее свежее лицо морщинами, а волосы – появившейся сединой.

Всё отмеренное ей время Ирина постаралась прожить правильно. Не греша и не переступая Божьи законы, о которых в далёком детстве поведала Ирине её добрая бабушка. Затаив дыхание, маленькая Ира слушала долгими часами подвижную и работящую старушку. Бабушка умело перемешивала рассказы о чудесах святых с поучительными историями из Нового Завета, полными сплошных откровений в отношении норм морали и правил поведения. Ещё с тех пор Ирина решила для себя, что будет жить согласно освящённым светом правилам, так, как учила её благонравная старушка.

Всю последующую жизнь Ирина подавляла в себе любые проявления гнева, вела себя скромно и достойно, попеременно подставляя под удары судьбы одну щеку взамен другой. Будучи совсем ещё юной, она без памяти влюбилась в Ваню, местную грозу ночного города, недавно вышедшего на свободу после очередной отсидки. Внешность её Ваня имел, прямо скажем, довольно неприятную и угрожающую. Все подруги Ирины, а вместе с ними и бабушка, которая в одиночку вырастила внучку, немедленно озвучили своё мнение. Они в один голос говорили, что для такой красавицы, умницы и трудяги нужна иная половина пары, ни в чём не напоминающая её нынешнего избранника. «Сердцу не прикажешь», – уверенно отвечала всем невеста и готовилась к свадьбе. В первые годы супружества, которые, возможно, были самым светлым временем её жизни, супруг поспешил одарить жену двумя сыновьями.

Для Ивана, мужа Ирины, жена оказалась настоящим подарком от всей христианской культуры. Он, ни на день не останавливаясь,

продолжал пить «горькую» в то время как супруга, молча и безропотно, поднимала на ноги его сыновей. Иван постоянно пропадал из дома и, притом, на весьма продолжительные сроки. Куда? Ирина дважды торжественно, пряча в глазах слёзы, объявляла детям, что отец вынужден выехать в длительную командировку на Север. Когда дети подросли и начали немного больше смыслить в окружавшем их мире, правда сама нашла к ним путь. Но они, нисколько не стесняясь, и с детской гордостью отвечали тем, кто задавал неудобные вопросы: «Папка в тюрьме, скоро выйдет, тогда и заживём».

Ваня и в самом деле иногда на короткое время покидал стены исправительных учреждений. Оказавшись на воле, он в первый же вечер неизменно избивал свою супругу. После нескольких стопок мужа начинали одолевать муки ревности. Плача и пытаясь спрятаться от любимого, Ирина со всей искренностью, на которую была способна, божилась и клялась, что ей каяться не в чем. Что она ждала супруга верно, но Ванечка всё равно не слушал женщину, пытаясь догнать её со всем тем, что попадало под руку, не исключая подвернувшихся не к месту ножа или топора.

«Это мой крест», – тяжело вздыхала Ирина и продолжала ещё упорней трудиться. Днём она не разгибала больной спины на железной дороге, а вечером, найдя очередное интересное предложение в местной газете, делала мелкий ремонт в одной из квартир своего района. Помочь ей было некому, но женщина старалась не впадать в грех и не жаловалась на судьбу. Как христианка и хорошая мать она видела впереди свою главную цель – поставить на ноги, пусть и в одиночку, детей. Дети скоро выросли. С самых малых лет Ирина пыталась обучить детей тому, чему учила её в далёком детстве добрая бабушка. Но они плохо слушали мать, видно, время пришло другое. Старший, Коленька, пошёл весь в отца. С раннего детства, впитав в себя гены старшего Петрова, он не покидал бесконечных разборок. Вскоре, обладая напористостью и храбростью, Коля Петров стал местным молодёжным бандитским авторитетом. С младшим, Лёшей, дело обстояло ещё печальней, чем с его старшим братом. Не успев окончить школу, он плотно сел на иглу, к старшим классам превратившись в законченного наркомана.

Ирина привыкла к подобной жизни. Несмотря на жизненную жестокость, женщина продолжала твёрдо верить, что если работать ещё больше, а молиться почаще, то всё её существование рано или поздно изменится в лучшую сторону.

Двадцать шестого сентября … года Ирина Петровна Петрова вместе с такими же работницами из своей смены принимала несвежие кучи белья, которыми снабдил женщин вернувшейся из Москвы местный пассажирский экспресс.

– Ир, иди, тебя к телефону, – громко позвала из маленькой каморки Ирину начальник смены, полная и немолодая Галя.

– Сейчас, иду, – Ирина с трудом распрямила давно болевшую натруженную спину с не раз подлеченной позвоночной грыжей и направилась в комнатушку. Едва оказавшись внутри помещения, Петрова взяла в руки телефонную трубку:

– Алло?

–Тётя Ира? – женщина узнала голос Андрея, одного из друзей её старшего сына. Что-то в интонации парня пробудило в её душе быстро растущий ком почти животной тревоги. – Тёть Ир… Тут такое дело… Не знаю, как и сказать… Кольку вашего час назад заречные застрелили… Насмерть…

Часы на стене мгновенно остановились, вместе с изменившим природе временем. Воздух, набрав где–то дополнительной плотности, со страшной силой сдавил Иринину голову со всех сторон.

– Ой, девоньки, – едва слышно прошептала женщина, – что–то мне плохо …

Она выронила из ослабевших рук телефонную трубку и тяжело повалилась на пол.

А секундой позже умерла.

Ещё несколькими мгновениями позже, как и было в своё время обещано доброй бабушкой, её душа отправилась в рай.

На потолке образовалась одной Ириной увиденная светящаяся воронка. Бросив последний взгляд на распростёртое тело, дух умершей с огромной скоростью был втянут в коридор, полный света. Одновременно кто-то невидимый включил короткометражный фильм с эпизодами из её прожитой жизни. Зачем? Наверное, для того, чтобы лететь к Раю было не скучно. Но Ирина, удивлённая и растерянная, пропустила большую часть фильма. Хотя бы потому, что предложенный кинофильм уже смотрела.

Яркий коридор, по которому несло куда-то дух женщины, внезапно закончился, и Ирину выбросило в полное света бесконечное пространство. Ирина повисла в воздухе, по-прежнему ничего не понимая. Немного позже, приглядевшись, она заметила свои руки и ноги, к которым так привыкла на Земле. А ещё через некоторое время поняла, что она не одна. Тысячи подобных прозрачных фигур людей всех возрастов зависли вокруг женщины, удивлённо озираясь.

Между вновь прибывшими душами деловито сновали большие светящиеся шары. Один из них подлетел к Ирине.

– Так, сразу видно, новенькая… Вы кто? – строго спросил шар. Ирина повернула голову. Вроде, рядом нет никого.

– Вы это мне?– робко спросила она.

– Голубушка, а кому же ещё? – ответил приятным мужским баритоном светящийся шар. – Вы какой веры, спрашиваю, будете? Какую религию на Земле исповедовали?

– Да христианка я, – растерянно прошептала Ирина, – вроде как православная.

– Ах, православная, тогда всё понятно, – шар на самом деле обрадовался. – Опять сбои в системе. Должны были проявиться в другом месте. Давайте-ка, я перемещу вас к вашему порталу.

Шар тяжёлой, хотя и невидимой рукой подтолкнул дух Ирины в спину, и она прыгнула через темноту снова к свету. Теперь женщина оказалась в самом конце бесконечно длинной очереди похожих на неё прозрачных пришельцев с Земли.

– Вот вы и на месте. Вставайте сюда, в очередь в Рай. Поздравляю с прибытием, – сказал шар с теплотой в голосе и исчез.

Впереди Ирины, намного сотен километров, растянулась огромная очередь одинаковых, одетых во всё белое духов умерших людей. Мысленным взором она увидела конец колоны призраков, который упирался в огромные, ярко раскрашенные ворота. Над воротами висела красивая разноцветная надпись на русском языке: «Христианство. Православие».

Оглянувшись, Ирина обнаружила, что рядом с православными к другим воротам выстроились последователи иных религий. На одних дверях в Рай было написано на нескольких языках: «Католики». Другие большие ворота оказались украшены вязью из арабских букв. На следующих горели буддистские символы. Существовало множество самых разных пропускных пунктов, ведущих на небеса, которые уменьшались по мере удаления от основных проходов в Рай. Некоторые представляли собой пещеры размером не больше лисьей норы, к которым, тем не менее, стояли свои очереди.

Ирина и не заметила, как пока она осматривалась, за её спиной выстроилась длинная шеренга вновь прибывших душ. Смерть не имела привычки отдыхать и с методичностью хорошо отлаженного механизма отправляла свои жертвы в далёкое путешествие.

Тем временем по земным меркам прошёл год. Очередь медленно двигалась к заветной цели. Ирина успела за подобный долгий промежуток времени познакомиться со всеми соседями и рассказала им свою историю. Однако в обратном порядке ей пришлось выслушать множество рассказов оказавшихся рядом душ.

Прошёл ещё один земной год. Время в небесных сферах течёт намного быстрее, чем на Земле, но, тем не менее, ждущие райской регистрации заскучали и начали вспоминать анекдоты, иногда не совсем приличного содержания. Слушая очередную смешную историю, Ирина получила первую небесную эсэмэску. Светящаяся надпись, состоящая из весёлых разноцветных букв, внезапно возникла из пустоты и повисла перед её лицом:

«Ваш муж, Иван Иванович Петров, сегодня, по земным меркам, был выпущен из мест заключения. Несколькими часами позже он был убит в пьяной драке. С уважением».

Надпись немного повисела в воздухе, а затем, видимо, устав, несколько раз мигнула и рассыпалась золотым дождём.

– Ваня, – простонала Ирина, развернулась и собралась возвратиться на Землю. Но, к удивлению, не смогла сдвинуться с места. До наступившего момента дух Ирины Петровой не обращал внимания на имитацию своего тела, ведь его по земным меркам и не было. А здесь оказалось, что ноги всё-таки существуют и каким-то образом зажаты и закреплены на едва заметной движущейся ленте.

– Я уже пробовала несколько раз сойти, – обернулась к Ирине, вывернув колени, впереди стоящая Марина из Красноярска, – и так же не смогла. Приглядись, видишь ленту, на которой мы стоим? Мы словно мухи к ней приклеены, и лента движет нас вперёд. Наверное, чтобы очередь все честно соблюдали. Чтобы толкучку не создавали и не мешали работать. С неё сойти невозможно, коли уж сюда попал…

Ирине ничего другого не оставалось, как тяжело вздохнуть и продолжить свой путь среди вспышек яркого света.

Ещё через полгода по земному летоисчислению она получила новую эсэмэску, отправленную сердобольными служащими Рая:

«К сожалению сегодня … июня … года ваш сын Алексей скончался в результате передозировки наркотиков».

Убитая горем Ирина и не заметила, как спустя ещё год земного времени оказалась возле ворот Рая. Ворота, радостно чавкнув, втянули внутрь себя вновь прибывшую душу. Ирина в один миг оказалась в большой светлой комнате. За белым матовым столом сидел молодой, весь светящийся мужчина с приятным и одухотворённым лицом. Над головой Продвинутого существа без всякой видимой поддержки висела в воздухе надпись с горящими буквами:

«Ангел третьего разряда Михаил».

– Добро пожаловать, – широко улыбнувшись и показав на удивление белые зубы, приветствовал Ирину ангел.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась женщина.

– Прошу прощения за маленькую задержку, – не переставая улыбаться, извинился ангел Михаил. – Очень много прибывающих. Не успеваем всех встречать. Штат, понимаете, у нас маленький…

– Да ничего, ничего, понимаю, – сочувственно кивнула головой в ответ женщина-дух.

Ангел внимательно посмотрел на Ирину, и она почувствовала, что пронзающий взгляд просветил её душу, узнал её жизнь и оценил поступки.

– Ирина Петровна Петрова, – уверенно заговорил ангел Михаил, после короткого молчания, – вы на самом деле достойны Рая. Бывают, знаете, ошибки, да и хитрецы встречаются разные… По вам же сразу видно, что свою жизнь прожили так, как следовало бы и другим. Для вас ворота Рая открыты. Дежурный!

Внутри комнаты, прямо возле Ирины, из ниоткуда возник ангелочек. Голенький, маленький, розовенький, с крылышками за спиной. Пытаясь не упасть, он усиленно махал крылышками, то чуть поднимаясь, то немного опускаясь.

– Ангелочек Илья, – распорядился ангел Михаил, – проведи богоугодную и любезную Ирину в её покои.

– Как прикажете, – звонко ответил ангелочек и, как принято в высших сферах, вновь переместил Ирину в новое помещение. Большая комната была обставлена красивой и даже по небесным меркам дорогой мебелью. По углам помещения для красоты и поднятия духа росли из пола красивые цветы. Вдоль стен, одна напротив другой, расположились две сказочные кровати. С одной из них навстречу гостям поднялся высокий, сурового вида старик с впечатляющей белой бородой.

– Я же просил вас, отроки, не надо мне никого… – недовольно заворчал он приятным басом.

– Вот и прибыли, – заторопился ангелочек, явно стараясь поскорее выполнить порученное ему задание, торопясь неизвестно куда. – Знакомьтесь со своим соседом. Ближайшую пару тысяч лет, до ближайшей запланированной реконструкции, вы поживёте вместе. Рай ведь он тоже не резиновый. Временно поживёте на подселении, а там всё уладится.

Неотложные дела так подгоняли ангелочка, что он, забыв попрощаться и не дав возможности задать лишние вопросы, исчез, оставив после себя приятный запах роз.

– Ладно, не серчай, горемычная, – виноватым голосом извинился старец, – коль нам вместе жить, давай-ка будем мы дружить. Надолго к нам пожаловали?

– Не знаю… – растерянно прошептала Ирина.

– Это я так… Шутить изволю-с… Я вот здесь, чай, сотню лет обитаю. Зовут меня Архип. Отец Архип, – поправил себя старец. – Ну, давай, присядем, расскажем друг другу о себе.

Они присели друг напротив друга, и Ирина, непонятно почему, доверилась грозному с виду старику. Она рассказала всё о себе, описывая всю свою трудную жизнь в мельчайших деталях, а Архип внимательно слушал Ирину. Когда женщина-дух закончила свой рассказ, то немедленно почувствовала странное облегчение.

– Полечил я тебе душу, послушал, – покачал головой Архип и принялся рассказывать о себе.

Старцу повезло умереть вовремя, попал он на небеса ещё до революции, до злосчастного семнадцатого года, приняв венец мученичества во время распространения веры среди северных народов России. А до того, как стать монахом, чем только не занимался Архип! И воровал, и грабил, а потом раскаялся в своей грешной жизни и подался в монастырь за искуплением.

– Пойдём, сестра, на воздух, на природу, – предложил, в свою очередь выговорившись, Архип и легко взлетел с кровати под потолок. Ирина тяжело слезла с кровати.

– А ты, дочь моя, на ноги можешь не опираться, – посоветовал старец, – стоит тебе только пожелать, и ты тоже полетишь над землицей. Ты ведь всё-таки в Раю, а не где-нибудь. Так же и любой предмет, какой пожелаешь, немедленно явится к тебе по твоему зову.

Ирина попробовала сделать всё так, как подсказал ей монах, и у неё немедленно всё получилось. Не касаясь земли, две фигуры в ниспадающих белых одеяниях полетели на улицу, оставив за спиной мгновенно исчезнувшую, как только они вылетели за дверь, комнату. В этом не было ничего страшного, ведь стоило только пожелать, и комната снова бы объявилась, впустив внутрь своих жильцов.

Архип со своей спутницей оказались среди прекраснейшего сада. Невесомые ноги ласкала мягкая и шёлковая травка. Солнышко на небе не пекло, а материнski мягко согревало. Всюду, куда не посмотришь, небольшими подлесками собрались вместе берёзки и пушистые ели. Рай, одним словом.

В одиночку и группами, беседуя или пребывая в задумчивости, между деревьями стояли или медленно передвигались одетые во всё белое духи праведников. Над ними, весело воркуя и чирикая, летали воробушки и голуби. И ни одной вороны, как заметила сразу Ирина.

– Мне здесь очень нравится, – ахнула Ирина. От запаха цветов и свежей травы у неё закружилась голова, которой, научно говоря, у неё давно уже не было.

– Да это что! – радостно сообщил старец. – Ты ещё на речках и озёрах не была, в горах не летала. Вот где красота-то настоящая!

– Есть пожелания, просьбы? – прозвучал сверху мелодичный голос. Ирина подняла голову и увидела проплывающего мимо на небольшой высоте привычно светящегося молодого человека, одетого в неизменное белое одеяние.

– Дежурный ангел, – прояснил ситуацию Архип. – Обращайся к ним, если что нужно будет. Ох, а теперь давай походим, цветочки понюхаем.

После довольно длительной прогулки, они вернулись в свою комнату, которая возникла согласно желанию там, где Ирина с Архипом

в тот момент находились. Едва они вошли в комнату, как в двери влетел голубь:

– Ирина Петровна, – проворковал он хорошо поставленным голосом, – пора душеньку полечить. Следуйте за мной.

– Ступай, сестра, полечись, – напутствовал Ирину добрый старик.

Ирина полетела вслед за голубем над ярко-зелёной травой. Через несколько мгновений они достигли огромного здания, напоминающего одновременно античный храм с мраморными колоннами и красивую православную церковь.

– Божественная амбулатория, – торжественно объявил вслух название заведения голубь и увлёк за собой Ирину вглубь здания. Среди сверкающего золота и мрамора Ирина не успела заметить, как и когда к ним подлетел обнажённый и упитанный ангелочек:

– Ирина Петровна, заждались, заждались… Летите, пожалуйста, за мной.

Ангелочек остановился через какое-то время у нужной двери и здесь передал дух женщины бригаде дежурных херувимов.

– Ложитесь на воздух. Да не бойтесь, привыкайте, он вас выдержит, – распорядился главный в смене. Ирина исполнила просьбу небесных жителей, и херувимы закружились над ней. Они запели в один голос сказочно красивую песню, слов которой Ирина так и не смогла разобрать. К концу сеанса душе женщины стало действительно намного легче.

Полечившись, Ирина вернулась в свою комнату, где разговаривала с Архипом, пока не наступил новый день, который прошёл так же, как первый. А потом наступил третий день, один в один похожий на предыдущий. Его сменили четвёртый, пятый, шестой, и так дни текли до тех пор, пока Ирина не потеряла им счёт.

Однажды, набравшись смелости, Ирина робко подозвала пролетавшего мимо дежурного ангела, чтобы получить ответы на некоторые мучившие её вопросы:

– Можно вас на минуточку?

Ангел одарил просительницу сверкающей улыбкой и стремительно спустился к позвавшей его Ирине. Из пустоты он создал удобное кресло для духа женщины, не забыв соорудить для себя сверкающий стандартный ангельский стол.

– Ангел двенадцатого разряда Илья, – представился небесный служитель, – я внимательно вас слушаю.

– У меня просьба… Насчёт мужа и сыновей…

– Ирина Петровна Петрова, – уточнил личность просительницы ангел двенадцатого разряда, – я прекрасно понимаю, о чём вы спрашиваете. Но ничем помочь не смогу. Вашего мужа и сыновей вы в Раю не встретите. На данный момент они находятся там, где заслужили право пребывать.

– Я уже всё поняла, – тяжело вздохнула Ирина, – а разве нельзя хоть свидание устроить или, на крайний случай, одним глазком посмотреть на них?

– Да вы что? – искренне удивился ангел Илья. – Ад и Рай никогда не пересекаются, ни при каких условиях. Иначе обе структуры могут слиться, и сложная система мироздания потеряет свою устойчивость.

– Я же просила о них на Земле, – с горечью и с укором в голосе сказала Ирина.

– Значит, – улыбаясь обезоруживающей улыбкой, ответил ангел, – неправильно оформили просьбу, если в вашей жизни ничего не поменялось. Поймите, мы не в силах принять и при этом не потерять всех просьб, приходящих с Земли. Для исключения подобных недоразумений и существуют наши конторы на Земле – церкви, синагоги, храмы, мечети… Хотели получить результат – нужно было всё сделать в соответствии и по предписанию.

– Прошу, хотя бы одним глазком …

– Исключено! Да и что вас, собственно, не устраивает? Ведь вы получили всё, как было обещано. Вот вам и солнышко, и травка зелёная, и вечная жизнь… – давая понять, что разговор окончен, ангел рукой

свернул блестящий матовый стол, а собранную форму засунул в складки своей одежды.

– Постойте, секунду! Ещё я хотела бы увидеть свою бабушку и узнать о родителях.

– Ваши родители, огорчу немного, там же, где муж и сыновья. А бабушка проходит курсы обучения на ангела первого разряда и закончит перестройку своей структуры лет этак через сто. Всего хорошего! – пожелал удачи ангел Илья и, оттолкнувшись от земли, взлетел. Оказавшись в воздухе, он снова принялся доброжелательно выкрикивать стандартную фразу:

– Есть пожелания, просьбы?

– Не люблю я их,– горячо зашептал отец Архип, подлетев к Ирине. – Душу потеряли при Переделке, не иначе. Попался бы такой в своё время мне ночью, задавил бы и улыбнулся. И не победишь ведь небесную бюрократию никак! Тьфу! Ох, нельзя так говорить… Не горюй, сестра, не горюй! Пойдём, цветочки понюхаем, к херувимам сходим, пусть душу полечат и память притупят.

Прошло ещё несколько земных месяцев, и Ирину всерьёз начали мучить непонятные душевные терзания. Лишённая тревог и забот, избавленная от мужа-алкоголика и уголовников-детей, она почему-то лишилась и покоя. Тоска по своим родственникам и прежней жизни превратилась скоро в одну навязчивую идею.

Она долго размышляла по поводу образовавшейся проблемы и приняла в итоге решение. В один из чудных райских вечеров, улучив момент и пожелав остаться одна, Ирина захотела увидеть в своей комнате верёвку с петлёй, и та немедленно появилась. Продолжая думать о своих сыновьях, она материализовала из пустоты стул и встала на него. Петля совсем близко от лица раскачивалась в воздухе, призывая совершить хоть какие-либо действия. Ирина решительно засунула голову в петлю, а ногой оттолкнула стул. Она просела на веревке, как будто имела вес, и принялась раскачиваться из стороны в сторону. Никакого удушения не последовало. Её шейные позвонки тоже не сломались, а общее самочувствие не изменилось. Ирина продолжала

висеть в петле, с надеждой прислушиваясь к своим внутренним ощущениям.

В такой пикантный момент, очень некстати, в комнату влетел голубь, а за ним следом – отец Архип.

– Мы заявляем о недопустимости подобных действий, – сухим казённым голосом заявил голубь, – смотрите почаще Божественное ТВ. Можно записаться в кружок пения или танца. Обратитесь, и мы организуем вам путёвку в любой соседний экзотический Рай. Но нельзя же так…

– Кыш, пернатый, – замахав руками, выгнал птицу из комнаты Архип, а потом вернулся и сел на свою кровать. – Что, горемычная, надоело всё? Тоска заела? Не ты первая, не ты последняя. Вот я тоже пару раз пытался, грешным делом. Да не получилось ничего.

Архип тяжело вздохнул и продолжил:

– Ночью из старожилов, почитай, каждый второй пытается сделать то же самое, да ни у кого ничего не получается. Вроде бы всё, как обещано – и солнышко, и травка, и вечная жизнь. А всё равно чего-то не хватает. Бывал я и у мусульман, и у буддистов, и у людоедов. Везде одинаково, везде все недовольны. Уж так мы устроены, дочь моя.

– Помоги мне, – жалобно попросила продолжавшая висеть в петле Ирина.

– О, а ты ещё висишь? Это запросто. Втяни в себя побольше воздуха, у тебя голова-то уменьшится, и сразу из петли выскользнешь.

Ирина сделала так, как посоветовал старец, и петля тотчас отпустила её. Она медленно опустилась на пол.

– Помоги мне, отец Архип, ведь ты же человек хороший, – застонала Ирина.

– Умереть? – глаза старого разбойника, вовремя искупившего свои грехи, радостно блеснули. – Да с удовольствием! Может, и меня за такую помощь отсюда попросят!

С тех пор неразлучная пара днём нюхала цветочки и лечила в небесных амбулаториях души, а по ночам придумывала различные способы покинуть Рай. Они испробовали всё. И нож, и пистолет, и ядовитый газ, и кислоту, и многое другое. Ничего не получалось.

Но вот однажды, прогуливаясь под ярким солнышком, Ирина опять вспомнила о сыновьях и муже. Горький шар внутри её души принялся угрожающе расти, уничтожая все остальные мысли и чувства. Она остановилась, полная тягостного предчувствия. И вдруг светящаяся фигурка… лопнула, рассыпавшись в траву чёрным пеплом.

Не веря своим глазам, обитатели Рая собрались, образовав большой круг, удивлённо перешёптываясь. А в центре импровизированной арены громко засмеялся и пустился в пляс сурового вида старец с красивой седой бородой:

– Получилось, получилось, у тебя всё получилась! – задыхаясь от переполнявшей радости, кричал Архип. – Душенька моя, голубушка! Значит, и я смогу! Ура! Ты оказалась сильнее всех, сильнее всех правил! Надо только захотеть! Очень-очень сильно пожелать!

Пролетавшие в тот момент над местом происшествия два ангела зависли над выделывающим невероятные движения старцем.

– Ещё одна, – с горечью в голосе сказал ангел двенадцатого разряда Илья.

– Ага, – отозвалась ангел того же разряда Антонина, – не понимаю, как у них такое получается.

– И всё чаще и чаще.

– И что их вниз-то тянет?

– Там очереди, – сообщил ангел Илья, – по сотне лет ждут места в котле или на костре. Уж очень много грешников стало.

– А здесь всё, как надо, – пожала плечами ангел Антонина, – всё, как обещано. И солнышко, и цветочки, и птички, и вечная жизнь. Ничего не понимаю.

– И я не могу понять этих людей, – согласился ангел Илья. – Вздрагиваю, когда вспоминаю, что до Переделки был одним из них.

– Это точно, – согласилась ангел Антонина, и два ангела разлетелись в разные стороны, привычно опрашивая с небес мириады праведников:

– Есть пожелания, просьбы?

Игорь Недвига

ЖИЛЬЁ НА МАРСЕ

– Уважаемый Прохор Антонович, я вас с полной ответственностью заверяю, – агент многозначительно поднял указательный палец вверх, – всемирно известная корпорация «Мечта» – довольно солидная организация, которая специализируется исключительно на межвременных эмиграциях. Она со стопроцентной гарантией и с завидной точностью выполняет все заказы многочисленных клиентов.

Прохор Пиявкин с нескрываемым недоверием поморщился.

– Вы напрасно… – елейным голоском терпеливо продолжил Никита разъяснять своему клиенту преимущества предстоящей сделки.

На этот раз агенту достался по-настоящему крепкий орешек. Как любят говорить в подобных ситуациях его сослуживцы – «тяжёлый случай». С этаким дотошным и весьма занудным клиентом молодому человеку ещё ни разу не доводилось иметь дело. Прохор Антонович Пиявкин был абсолютно невыносим. Почти каждое слово Никиты он подвергал сомнению и скрупулезному разбирательству. Запланированная сорокаминутная беседа растянулась на несколько долгих часов. Рабочий день уже подходил к концу, а Пиявкин всё ещё не созрел до подписания контракта. Раздосадованный агент молча злился. Парню чудом удавалось сохранять на своём лице безмятежную рабочую улыбку. Хорошо усвоив золотое правило корпорации, гласившее: «клиент всегда прав», он, собрав оставшуюся волю в кулак, не прекращал заискивать перед посетителем. Ох, как же хотелось Никите в эти мучительные часы общения взять да и придушить этого ненавистного Прохора Антоновича.

Ещё через час агенту неимоверными усилиями всё-таки удалось убедить упёртого клиента:

– Хорошо, я согласен, – недовольно буркнул тот.

Никита, внутренне возликовав и обрадовавшись скорому избавлению от назойливого посетителя, быстро принялся заполнять бланк контракта:

– Прохор Антонович, в каком будущем вы хотите оказаться? – начал агент стандартную процедуру опроса. – Вас забросить на сто, двести, тысячу лет вперёд, или вы будете выбирать по местности? Выбор огромен! Луна, Венера, астероиды, другие звёздные системы! Может, вы предпочитаете остаться на Земле?

– Далёкое или близкое будущее – мне без разницы. Я просто хочу жить на Марсе.

– Хороший выбор, – одобрил Никита. – Личные пожелания?

– И вы готовы удовлетворить все мои требования? Я вас правильно понял? Любой каприз? – настойчиво, пожалуй, уже в двадцатый раз за день переспросил Никиту Прохор Антонович.

– Почти любой. Главное, чтобы желания клиента не превышали его финансовых возможностей, – уточнил агент. – Итак, дворец, замок, может, вилла?

– Я не собираюсь жить во дворце, – Прохор Антонович задумался. – Вполне устроит скромная… десятикомнатная квартира. И…

Спустя пару часов контракт удалось составить. Уставший агент вздохнул с облегчением.

Ещё раз пробежавшись по длинному списку требований своего клиента, Никита задумчиво сказал:

– Пожалуй, поставлю вам, Прохор Антонович, гарантийный термин в четыреста лет. Если в течение этого срока корпорация в силу технических причин не сможет удовлетворить ваших требований, – он мельком взглянул на Пиявкина и быстро продолжил: – к примеру, на Марсе ещё не будет городов, тогда ровно через четыреста лет вас выведут из криогенного сна. Затем вы по своему усмотрению сможете изменить или продлить условия контракта.

Пиявкин, насупившись и нервно покусывая губу, промолчал.

– Позвольте поздравить вас, уважаемый Пиявкин Прохор Анатольевич! С этого момента вы стали официальным жителем Марса, – агент крепко стиснул руку клиента.

***

Забравшись в «морозильную» камеру, Прохор Антонович вдруг почувствовал себя нехорошо. Серьёзные сомнения, как гром среди ясного неба, неожиданно устремились в его голову. От страха он вздрогнул и, обращаясь к технику, неуверенно прошептал:

– Скажите, а как вы считаете, через четыреста лет корпорация ещё будет существовать?

– А кто его знает, – сухим, бесстрастным голосом ответил работник, наглухо закрывая крышку криогенной камеры.

Пиявкина расконсервировали через триста двадцать три года. Разморозку провели прямо на Марсе, в одном из филиалов корпорации. После необходимых медицинских процедур Прохора Антоновича без лишних промедлений доставили к новому жилищу. У подъезда огромного небоскрёба Пиявкина поджидал представитель корпорации «Мечта» Андрон Буйков. При виде клиента, вышедшего из катера, агент расплылся в дружеской улыбке:

– Очень рад нашей встрече, Прохор Антонович! Мне поручено показать вам квартиру. Корпорация «Мечта»…

Пиявкин не дослушал:

– Как звать тебя? – грубым, до боли неприятным голосом прервал он приветственную речь агента.

– Бу…йков Пё…тр Андреевич, – смущённый резкостью клиента, запинаясь, представился агент.

– Петя, значит… Ну, давай, Петя, показывай, какие там хоромы приготовила «Мечта», – тяжело вздохнул Прохор Антонович.

За триста лет технический прогресс ушёл далеко вперёд. Для Буйкова вынырнувший из прошлого Прохор Антонович был кем-то вроде пещерного человека. Предвкушая наповал поразить прибывшего

«дикаря» чудесами могучей цивилизации, Петя уверенно повёл Пиявкина в дом. Войдя в квартиру, Буйков приступил к демонстрации жилья, время от времени украдкой бросая снисходительные взгляды на клиента. Просторные комнаты изобиловали роскошью и были щедро нашпигованы различными техническими наворотами. Любого нормального человека, даже из нынешнего времени, такая квартира привела бы в трепетный восторг. Любого, только не Пиявкина. К большому изумлению Пети Буйкова, Прохора Антоновича мало волновала фантастическая экипировка жилища. Его в основном интересовали ошибки и неточности, которые позволила себе допустить корпорация при выполнении условий контракта.

– Я заказывал жильё в центре города! – недовольно басил Пиявкин, глядя на голографическую карту марсианского мегаполиса. – Дом, как я вижу, стоит совсем не там! А этаж, между прочим, сто второй!... Вместо сотого!

Агент, не находя нужных ответов, только пожимал плечами.

– Комнат, вы только посчитайте, – бегал по квартире, негодуя, Пиявкин, – их двенадцать! Заказывал только десять. Зачем мне лишние?!

– Двери зелёного цвета, я же ясно говорил – хочу белого! И…

Бедный Петя молча, в полной растерянности следовал по пятам за скандальным клиентом.

– Я знал, я так и знал!.. Ваша корпорация «Мечта» – сборище мошенников! Аферисты криогенные! Я вас всех выведу на чистую воду, – бесновато вопил Прохор Антонович, грозно размахивая контрактом.

– Хорошо, хорошо,– испугавшись скандальной нештатной ситуации, ретировался агент. – Корпорация всё исправит, мы быстро устраним все неточности.

– Да нет уж, спасибо,– успокаиваясь, сердито процедил Пиявкин, – я настаиваю на пересмотре контракта.

Корпорация, не желая портить свою незыблемую репутацию, пошла на уступки.

Контракт был пересмотрен, и с учётом моральной компенсации изменён, в лучшую для клиента сторону.

Через сто лет Пиявкина разморозили, и опять Прохор Антонович оказался недоволен. Отстаивая свои права, он устроил грандиозный скандал, и его вновь погрузили в криогенную камеру. Затем последовал ряд спячек с интервалами в триста, пятьсот, восемьсот и четыреста пятьдесят лет. Каждый раз дотошного Пиявкина обязательно что-то не устраивало. Он, как обычно, требовал компенсацию в виде смены условий контракта и, получив желаемое, вновь возвращался в криогенную камеру.

В последнее своё пробуждение Прохор Антонович потребовал шикарную виллу, оснащенную гравитационными технологиями будущего и обязательно расположенную на пустынном участке Марса. На этот раз корпорации пришлось заморозить Пиявкина на несколько тысяч лет.

Проснувшись, Прохор Антонович нехотя вылез из криогенной камеры. У раскрытых створок «морозильника» его встретил агент по имени Устин. Очередной представитель корпорации, в отличие от предыдущих, был роботом. После короткого официального приветствия Устин, неуклюже ковыляя, повёл клиента оценивать заказ.

Ознакомительный осмотр занял несколько часов. Огромная вилла походила на великолепный сказочный дворец. В её многочисленных бассейнах весело резвились рыбки и грациозно плавали светящиеся медузы. Фонтаны причудливой формы обильно испускали потоки разноцветной жидкости. А над всей этой красотой в воздухе величественно парили удерживаемые гравитационными установками изумительные прозрачные, как стекло, жилые здания. Там было ещё много чудес, достойных восхищения.

Молча обойдя свои владения, Прохор Антонович изъявил желание осмотреть всё повторно. И теперь, игнорируя «чудеса», стал всё рассматривать своим строгим, придирчивым взглядом.

– Мне совсем не нравится цвет вот той стены, – обратился он дежурной фразой к агенту.

Металлические пальцы Устина быстро пробежались по кнопкам ручного пульта. Неугодный клиенту цвет плавно сменился на другой. Пиявкин недовольно насупился, но ничего не сказал.

Спустя минуту, Прохор Антонович вновь противно заворчал:

– Это здание лишено всякой эстетики и портит окружающий пейзаж!

Робот опять поковырялся в пульте. Двухэтажное строение моментально исчезло, а на его месте возник изумительного вида фонтан.

– Нанотехнологии, – поймав вопросительный взгляд Пиявкина, пояснил агент.

Они ещё долго бродили по обширной территории виллы, устраняя всевозможные погрешности.

Пиявкин обладал прескверне́йшим характером. Он привык изводить окружающих своей дотошностью и обожал устраивать скандалы. Теперь Прохор Антонович явно оказался не в своей тарелке. Как он ни старался, всё было напрасно. Стоило только Пиявкину найти маломальский повод поскандалить, как противный робот всё с лёгкостью исправлял. К концу повторного осмотра Прохор Антонович был угрюмей тучи. Ему страсть как хотелось побурчать, возмутиться, а затем устроить грандиозный скандал. Его так и подмывало это сделать. Только, к сожалению, зацепиться было не за что. Повод отсутствовал. Да и над бездушным механизмом сильно не поиздеваешься.

– У вас есть ещё какие-нибудь претензии? – спросил Устин, удовлетворив очередной каприз привередливого клиента.

Пиявкин, тяжело сопя, замотал головой.

– Значит, корпорация «Мечта» выполнила все ваши требования? – уточнил агент.

– Похоже, что так, – после продолжительного молчания неуверенно прохрипел Прохор Антонович.

– Тогда будьте так добры, распишитесь, – Устин подал Пиявкину стандартный бланк, удостоверяющий завершение контракта.

Прохор Антонович судорожно сжал ручку. Его рука застыла над листом. Пиявкин, недоверчивый по натуре, всё ещё колебался. Он не очень-то желал подписывать документ.

Заметив полное замешательство своего клиента, агент сделал шаг вперёд:

– Позвольте, Прохор Антонович, от корпорации «Мечта» преподнести вам небольшой подарок, – робот протянул Пиявкину пластиковую коробочку.

– Что это? – недоверчиво покосился на полученный презент Пиявкин.

–Таблетки Молодилки! – с гордостью протараторил робот. – Одна таблетка омолаживает организм сразу на десять лет!

Прохор Антонович, не говоря ничего, отсчитал несколько таблеток и отправил их в рот. Через пару минут его начало трясти. Затем закружилась голова. Пиявкин упал, потеряв сознание.

Очнулся Прохор Антонович уже молодым. Он долго рассматривал в зеркальном корпусе стоящего рядом гравикатера своё отражение. Наконец, окончательно убедившись в омоложении, Пиявкин повернулся к Устину:

– Этот катер хорош в космосе? – строго спросил он у агента.

– Данная машина для космических полётов не предназначена, – честно признался робот.

– Что?! Так ты мне отстой какой-то подсовываешь! – по привычке взревел помолодевший Прохор Антонович. – Да из-за этой рухляди ни одна приличная девушка не посмотрит в мою сторону.

– Обижаете, – Устин ткнул пальцем в катер, – последняя модель, из серии «Прыгунов». Оснащён телепортационной системой. Вмиг перенесёт вас в любую точку Марса. Скажу по секрету, – добавил робот, – обладатели таких моделей очень привлекают женщин!

– Ну, не знаю, не знаю, – начал успокаиваться Пиявкин. – Слушай, – в голову Прохора Антоновича пришла гениальная мысль: – Может, ещё дашь мне такую штуку, чтоб женщины сами на шею вешались и влюблялись в меня до беспамятства?

– Вообще-то, такие технологии запрещены.

Пиявкин, надувшись, сдвинул брови.

– Но для вас, Прохор Антонович, я сделаю исключение. Вот возьмите. – Устин протянул Пиявкину миниатюрный приборчик. – Секретная разработка, действует безотказно!

Прохор Петрович покрутил в руках чудо-прибор:

– И ни одна не сможет устоять? – с сомнением в голосе спросил он.

– Ни одна! Прибор не даёт осечек! – твёрдо заверил агент клиента.

«Эге, да я теперь могу стать Марсианским Казановой», – промелькнула в мозгах Пиявкина до боли приятная мысль.

При мыслях о прекрасном поле в жилах Прохора Антоновича забурлила, закипела молодая кровь. Пиявкина неудержимо потянуло на любовные подвиги. Сердце бешено заколотилось, вырываясь из могучей груди:

– Срочно в город! Там снять красотку и…

Его трепетные чувственные мысли прервал Устин:

– Прохор Антонович…

Пиявкин гневно бросил взгляд на робота. Этот железный тип мешал, задерживал скорую встречу с «прекрасным»

«Он не отстанет, – раздосадованно решил Прохор Антонович. – Надо побыстрей от него избавиться».

Он взял контракт. Старческий разум всё ещё упирался, но вновь обретенные страстные желания взяли верх. Он подписал.

– Какой нынче год? – направляясь к гравилёту, чисто машинально поинтересовался Прохор Антонович.

– Точно не известно.

– Это как? – остановился изумлённый Пиявкин.

– На Марсе больше нет пустынных участков, – извиняющимся голосом начал объяснять агент, – а вам, Прохор Антонович, непременно хотелось иметь несколько акров диких земель. Где, по-вашему, было взять столько? Вот корпорации и пришлось дождаться изобретения машины времени и переместить вас в глубокое прошлое. Предполагаю, сейчас на Земле началось время динозавров. Ну, всё, мне пора…

– Постой! – истерично закричал Пиявкин. – Я… что… останусь один? Совсем один?

– Да, – печально ответил робот. – Вы единственный представитель человечества в этой древнейшей эпохе.

По-приятельски помахав напоследок рукой, робот исчез, растворившись в воздухе.

ХОРРОР

Михаил Бочкарёв

МЫШЕЛОВКА

Вернувшись с кухни, Ян Бублонский понял, что его опять обокрали. Кусок сыра с бутерброда исчез. Он даже успел заметить мерзкое серое тельце, уползающее в щель, и, конечно, кинул в него тапком, и, конечно, не попал. Дом кишел ненавистными тварями. Ах, если б Ян знал об этом, снимая у набожной старушки дачу на все лето, да еще за такие деньги! Разве согласился бы он? А теперь пойди её сыщи. Сказала, что объявится только осенью, и оплату всю вперед взяла. Он вздохнул и решил вести войну против мышей самостоятельно.

В поселковом магазине Бублонский купил тридцать мышеловок и полкило дешевого сыра. Весь день он посвятил расстановке убийственных механизмов по дому и наконец добрался до подвала, в который еще не успел ни разу заглянуть. Осветив фонариком крохотное помещение, пропахшее отсыревшим деревом и плесенью, Ян увидел разбегающихся по щелям грызунов. Твари проворно прятались по углам, и Бублонский с хищной ухмылкой на лице торжествовал, поняв, что нашел главное логово паразитов. Завтра его ждал сбор трупов и победное их сожжение во дворе.

Расставляя мышеловки, он наткнулся на запыленный сундук, стоящий в углу подвала. Было видно, что сундук очень древний и, возможно, весьма ценный. Бублонский осторожно стер с крышки пыль и увидел на ней инкрустированные камнями и позолотой кресты в великом множестве. Были тут и христианский, и иудейский, и православный, кельтский и тамплиерский, и даже свастика и древнеегипетский Анх. И стало ему понятно, что сундук этот – наверняка, редкий потерянный религиозный артефакт. Он осторожно открыл крышку, которая оказалась тяжелой, словно гранитная плита, и посветил внутрь сундука. Луч фонаря рассеялся в темной воде, которой сундук был залит до краев. Бублонский всмотрелся в глубину, и показалось ему, будто смотрит он в трюм громадного корабля,

затонувшего в океане. Дно его было усеяно монетами и сокровищами, и даже диковинных рыб, проплывающих стаями, разглядел он в полумраке.

– Во дела! – воскликнул он, не понимая, как такое может быть. Полагая, что это всего лишь визуальный обман, Бублонский закатал рукав и опустил руку в прохладную воду, пытаясь коснуться дна. Тут неведомая сила ухватила его за конечность и утянула в сундук. Только брызги разлетелись во все стороны.

Неведомая сила тащила его в глубину, будто гирю привязали к голове. Он понял, что погиб. Спасения не было. Тут увидел он, что монеты и сокровища, рассыпанные на дне, лишь казались ему таковыми, а на деле это старый ненужный хлам и мусор, подсвеченный таинственным светом. Весь мираж был ловушкой, и, уже почти теряя сознание, Бублонский понял, что попался, как глупый карась попадается на блесну. Но тут что-то случилось. На самом дне увидел он вихрь взметнувшихся песчинок и пузырьков. В эту воронку и потащило его с новой силой, всосало и выплюнуло, мокрого и жалкого, на деревянный, крашенный желтой краской, пол. Пол слегка покачивался. Ян, отплевываясь, принялся тереть глаза и увидел, что находится он в небольшом вагончике без потолка, с деревянными сиденьями и мутными стеклами, за которыми мелькает серая размытая каша. Тусклые бра освещали вагон, и он увидел, что не один. Тут было несколько неизвестных ему людей: старушка в черном платке и траурном платье, мужчина в белом халате, молодая девица распутного вида, нищий в рванине и с косматой рыжей бородой и священник в помятой и пыльной рясе. Все смотрели на Бублонского с любопытством.

– Где я? – спросил он дрожащим голосом.

– А как вы сюда попали? – ответил ему вопросом тот, что был в халате.

И Бублонский, заикаясь, рассказал, как.

– По правде, мы и сами не знаем. Получается, что все мы попали сюда совершенно разным образом. Например, я прямиком из больничной палаты, женщина, – он кивнул на старуху, – из церкви, девушка Юля снимала деньги в банкомате с чужой карточки – он её и

проглотил. А святой наш молчит, – ехидно улыбнувшись, он подмигнул священнослужителю, – зато, когда его сюда вышвырнуло, вместе с ним посыпалось и это, – и попавший из больницы, указал пальцем за спину Яна. Бублонский оглянулся и увидел на полу россыпь порножурналов, презервативов и несколько совсем уже непристойных муляжей известных органов.

– А этот? – Ян указал на бродягу, одиноко грызущего в углу семечки.

– Он глухонемой. Но я думаю, он кого-то ограбил, и его за это сюда. В общем, все мы попали за свои страсти или грехи. Как мыши в мышеловку.

При этих словах Бублонского передернуло.

– Что же это за место и куда мы едем?

– На суд божий, – сказала страшным голосом старуха. Священник при этих словах вздрогнул и с ужасом взглянул на кучу журналов.

– Да бросьте вы чушь пороть, – сказал девица, – это какой-то эксперимент правительственный.

– Или нас похитили инопланетяне, – рассмеялся тот, что был в халате.

– А что это вы такой веселый? – изумился Ян. Он встал и посмотрел вверх. Ничего не было видно. Непроглядная тьма высилась над вагоном, словно он смотрел в небо без звезд. Вагон шел медленно, так казалось, хотя определить это было сложно.

– Меня Денис зовут, – представился мужчина.

– Может быть, вам что-то известно? – проницательным взглядом впился в него Бублонский.

– Нет, к сожалению, но я уверен, что ничего хорошего нас не ждет.

– Так вам что же, все равно?

– Понимаете, у меня последняя стадия рака. Мне недолго осталось. А, может быть, я уже того. Как и все вы, – он осмотрел компанию. – Поэтому да, мне нечего бояться.

– То есть вы хотите сказать, что все мы умерли? – оживился вдруг священник.

– А почему нет? Это многое объясняет. Хотя у меня есть версия, что все мы, перед тем как попали сюда, совершили нечто по-своему кощунственное. Ну, с вами святой отец все понятно – эротомания при таком сане – грех. С девушкой Юлей тоже – воровство, я во все клятые поливал грязью все силы небесные и богов за свою болезнь – богохульство, бомж преступник – это очевидно, он сюда с ножом и дамской сумочкой свалился, а вы, – обратился он к Яну, – соблазнились чужим добром. А вот престарелая дама?

Все обратили взгляды на старуху. Та, ощутив внимание, сжалась и уставилась в мутное стекло вагона.

– Я ничем перед богом не грешна, – заявила она.

– И все же расскажите свою историю.

– Нет у меня истории. Я мужа похоронила три дня назад.

– А как он умер? – Ян всмотрелся в лицо старухи, и ему оно показалось смутно знакомым.

Старуха сделалась бледной, и губы её задрожали.

– Это не ваше дело. У него было больное сердце.

– Постойте, постойте, – вскрикнул Ян, – да ведь вы та самая «черная вдова», жена режиссёра Жминского! Я читал о вас в газете! Предполагается, что вы же его и отравили.

– Это ложь! – закричала старуха.

– Ну, вот все и сложилось, – обрадовался Денис, – убийство! Итак, господа все мы тут грешники.

– Но, погодите, – запротестовал Бублонский, – одно дело убийство, другое – грабёж, и совсем третье – любопытство. Я вовсе не собирался ничего красть! Я просто открыл этот чертов сундук.

– А вы думаете, им это важно? – усмехнулся Денис, кивнув куда–то наверх. – Да им все равно. Мы для них, может быть, лишь расходный материал, тараканы, грызуны, которые мешают.

При этих словах Бублонского снова передернуло. Он вспомнил, как расставлял свои ловушки и что собирался сделать с проклятыми паразитами. Теперь он сам чувствовал себя попавшимся в мышеловку.

– Да есть тысячи людей на свете, которые ежедневно грешат и совершают ужасные вещи, – душегубы, насильники, миллиардеры, по вине которых страдают народы! Наши грехи в сравнении с их деяниями – детская проказа, – воскликнул Ян.

– Согласен. Но, видимо, именно мы каким-то образом наткнулись на те самые нити и… – но договорить он не успел. Ян увидел, как в вагон из бездны непроглядного неба втекла похожая на черную ртуть субстанция. Она схватила Дениса и в секунду всосала в себя, стремительно вернувшись ввысь. Все в панике рассыпались по углам. В вышине послышался нечеловеческий крик и хруст ломающихся костей. Бублонского обдало ледяным ужасом. Он задрожал и увидел, что субстанция возвращается. Теперь она тянулась к бродяге, который жалостливо замычал и схватился за спинку сиденья. Черная ртуть трансформировалась, став похожей на гигантскую голову питона, раскрыла пасть и проглотила несчастного. Девушка Юля завизжала и упала на пол, а Ян подумал, что от страха сейчас сойдет с ума. Он кинулся к сиденьям, вспрыгнул на спинку и, ухватившись за край вагона, подтянулся. Его ударил поток ветра. Он понял, что скорость движения колоссальная, а еще увидел, что состав поезда в обе стороны тянется бесконечно. Тысячи таких же вагончиков неслись навстречу яростному пламени, похожему на кровавое солнце. От этого «солнца» отрастали сотни щупалец, которыми оно беспрерывно вытаскивало из вагончиков корчащиеся в панике человеческие фигурки и затягивало в себя.

Бублонский прыгнул за борт, понимая, что спасения ждать неоткуда. Но и ждать участи, как другие, он не в состоянии. С силой его ударило и понесло по гладкой скользкой поверхности. Резкая боль пронзила плечо, и он понял, что сломал руку. Он поднялся и побежал прочь от поезда в неизвестность, поскальзываясь и падая. Он бежал, ничего не видя перед собой, и ему казалось, что какие-то тени тянутся следом.

Вдруг он увидел впереди слабый свет, выбивающийся из-под земли. Подбежав, увидел неровную, в форме лужи, поверхность, будто затянутую льдом. И сквозь этот лед было видно небо. Голубое и безмятежное. Прижавшись к ледяной мутно-прозрачной поверхности, он разглядел улицу и идущих по ней людей. Ракурс был странным. Ему казалось, что люди идут по потолку, что весь мир перевернут вверх тормашками. И тогда он начал изо всех сил колотить руками лед. Но тот был слишком прочен.

Ян услышал, как из тьмы за его спиной с мерзким свистом и хлюпаньем приближается черное щупальце. Он перевернулся на спину и увидел освещенное светом ледяной лужи черное жало, готовое вот-вот проткнуть его. В последний миг он успел рывком отпрянуть, и черное жало пробило лед. В темный и сырой мир полился жгучий свет. Осколки льда, нарушая все законы, полетели ввысь. И тут же лужа принялась затягиваться. Но Бублонский успел подползти и влезть в неё.

***

Он лежал посреди улицы, мокрый и грязный. Люди испуганно обходили его, жалкого и дрожащего, свернувшегося, как пес. Его трясло. Он не знал, куда его вынесло, что это были за город и место, но понимал, что невероятным образом ему удалось выбраться из самой жуткой человеческой мышеловки.

Анна Коскова

ЖАР

Тарас проснулся посреди ночи от страшной духоты. С трудом сев на постели, он обхватил руками готовую лопнуть от боли голову. Подушка и простыня насквозь пропитались потом. Попытался встать, но ноги тут же подкосились. Похоже, у него был нешуточный жар. Тело пылало, несмотря на царившую в комнате прохладу. Струйки пота стекали по лбу и вискам, противно щекоча кожу. Странно, раньше различные инфекции, включая недавно прокатившуюся по городу волну гриппа, успешно обходили его стороной. «Видимо, старею!» – усмехнулся про себя Тарас. Все-таки сорок девять лет – это тебе не двадцать, когда уже через день-другой напрочь забываешь о приключившейся болячке!

Дождавшись, пока тошнотворная пульсация в висках немного утихнет, мужчина с трудом поднялся с постели и медленно побрел на кухню. Наполнил водой старенький электрический чайник. Ожидая, пока вода закипит, вытащил из висевшей на стене аптечки градусник. Головная боль все не проходила, мышцы ломило, точно он весь предыдущий день таскал ящики, а не сидел у себя в кабинете за рабочим столом. Вдобавок сильно хотелось пить, но, осушив полную бутылку минеральной воды, Тарас почувствовал, что жажда не только не прошла, а наоборот, усилилась. Во рту, судя по ощущениям, образовалась настоящая пустыня. Вспомнив про градусник, Тарас вытащил его из подмышки и посмотрел на столбик ртути. От сильной головной боли перед глазами все расплывалось, поэтому мужчина не сразу понял, что показывает градусник. Когда зрение немного прояснилось, до Тараса дошло, что серебристый столбик уперся в самый верх. Но ведь такого просто не могло быть!

«Что за черт? – вихрем пронеслось у Тараса в голове. – Неужели градусник сломался? Или у меня уже от жара начались галлюцинации? С такой температурой люди вообще-то не живут!»

В этот момент щелкнул, выключаясь, электрочайник. Плохо соображая, что делает, мужчина поднялся и, с трудом переставляя ноги, подошел к столу. Предметы перед глазами отплясывали какую-то бешеную круговерть. В глубине затуманенного жаром и болью сознания мелькнула мысль, что, похоже, нужно вызвать скорую помощь. Вот только телефон был где-то далеко...

Придя в себя, Тарас обнаружил, что стоит возле стола, сжимая в руке остатки того, что еще недавно было электрическим чайником. Каким-то образом, тот превратился в обугленный, источающий зловоние кусок пластика. Тарас поднес его к глазам, пытаясь понять, что могло вызвать такие изменения, но голова отказывалась соображать. Отбросив в сторону расплавленный комок, Тарас подошел к раковине и, включив напор холодной воды на полную мощь, сунул под нее пылающую голову. Но ничего не почувствовал. Постояв так минуту, он выпрямился и пощупал макушку. Волосы остались абсолютно сухими. Водяная струя продолжала с шумом бить из-под крана. Тарас подставил под нее руку. От ладони тут же пошел пар, но прикосновения воды мужчина так и не ощутил. Неожиданно до него дошло, что происходит. Из пересохшего горла вырвался хриплый каркающий смешок. Вода попросту испарялась, не успевая коснуться кожи! И чайник расплавился тоже из-за этого! Тарас облизнул растрескавшиеся губы, ощутив на языке привкус крови.

Пить хотелось невыносимо. Мужчина наклонился над раковиной и начал ловить губами струю воды. Но, коснувшись губ, влага тут же испарялась, так что напиться не удалось. Тарас зарычал от бессильной ярости и ударил кулаком по крану, свернув его набок. Вода брызнула во все стороны, но ни одна капля так и не коснулась кожи страдальца.

Тарас бросился к холодильнику и, рванув дверцу, сунул руки в желанный холод. Ничего. Жар не уменьшился. Не помогла и морозильная камера. Стоило запустить туда руки, как намерзший на стенках лед моментально растекся водой, в свою очередь, тут же превратившейся в пар. Потом холодильник странно загудел, и из его нутра повалил густой, черный дым. Тарас отскочил в сторону, задыхаясь, и кашляя.

Легкие горели огнем. Проклиная все на свете, Тарас хотел выдернуть провод холодильника из розетки, но передумал. Кто знает, вдруг провод расплавится! Нужно звонить в службу спасения, но как, если у него все горит в руках?!

Внезапно Тараса осенило. Сдернув с крючка висевшее возле раковины полотенце, он сунул его под струю воды. Когда ткань намокла, он прихватил ее за самый край, и бросился в коридор. Тарас набросил полотенце на телефонную трубку и поднес ее к уху, стараясь не прижимать к коже. Потом, обернув палец краешком мокрой ткани, умудрился набрать нужный номер, хотя цифры так и прыгали перед глазами. Гудки в трубке сменились спокойным женским голосом, сообщившим, что он позвонил в Единую службу спасения. Тарас открыл было рот, но тут же зашелся судорожным кашлем, буквально согнувшим его пополам. Одновременно что-то липкое потекло по руке. Не переставая кашлять, Тарас скосил глаза, и к своему ужасу обнаружил, что полотенце прогорело насквозь, а расплавленная трубка превратилась в кашу. Тарас отбросил прочь отвратительно воняющее паленой тканью полотенце и, отдирая от руки остатки трубки вместе с клочьями обожженной кожи, бросился на кухню.

Внутренности горели огнем. Не добежав до раковины, Тарас снова закашлялся, чувствуя на языке вкус горелого мяса и крови. Упав на колени, он продолжал давиться кашлем, чувствуя нестерпимую боль в груди. Наконец его стошнило сгустком дымящейся черной крови, и кашель стих. С трудом поднявшись на ноги, Тарас сделал два шага вперед, и тут же снова рухнул на пол. На какое-то время сознание померкло.

Тарас пришел в себя, лежа на полу. Вся кухня была заполнена едким дымом. Вскочив на ноги, мужчина выбежал в коридор, не переставая надрывно кашлять. Миновав остатки расплавленного телефона на полу, он бросился к входной двери, но едва коснулся ручки, как металл тут же потек по пальцам, разъедая кожу. Тарас завопил от боли и, пытаясь стряхнуть с руки жгучую массу, развернулся и кинулся к себе в комнату.

«Окно! – билась в голове единственная мысль. – Надо попробовать через окно!»

Квартира находилась на третьем этаже, так что возможность спастись таким образом оставалась, пусть и за счет сломанных костей. Пробегая мимо большого зеркала в коридоре, Тарас к своему ужасу заметил, что из уголков рта у него выбиваются черные струйки дыма. В глубине души по-прежнему оставалась слабая надежда, что все происходящее – не больше, чем кошмарный сон, вызванный высокой температурой. Но боль в обожженной руке и пылающих огнем внутренностях была слишком реальной. Запнувшись о порог комнаты, Тарас рухнул на пол и, захлебываясь кашлем, пополз к окну.

Сил подняться уже не оставалось. Ковер под его телом дымился, заставляя задыхаться еще сильнее. До окна оставалось совсем чуть-чуть, когда Тарас понял, что все кончено. Продолжая надсадно хрипеть, и сплевывая кровь, он приподнял голову, чтобы в последний раз взглянуть в окно. И судорожно всхлипнул, поняв, что не получит даже этого.

Окно было покрыто густым слоем черной копоти.

* * *

В сотне километров от злополучной квартиры худенькая черноглазая женщина осторожно поднесла к окну глубокую чашку с пеплом.

– Ты обещал гореть от любви вечно! – прошептала она, склонившись над остатками истлевшей фотографии. – Ты обещал, и ты сгорел! Прощай, любовь моя!

Поднеся чашку к губам, женщина с силой дунула. Невесомый пепел, подхваченный ветром, разлетелся в разные стороны.

Наталия Хмелева

СКОТСКАЯ ИСТОРИЯ

1

У него чесался лоб. Легкое покалывание к вечеру превратилось в сводящий с ума зуд. Михаил стоял в ванной и хмуро рассматривал в зеркало покрасневшую кожу. На аллергию не похоже. Да и не было у него никогда аллергии.

Мужчина ощупал пальцами горевший лоб. «Черт, опухло», – подумал он. Красные пятна напоминали крапивный ожог. Последний раз он видел их на своем лице лет тридцать назад, когда рухнул с велосипеда в деревенскую канаву.

Мужчина ополоснул лицо холодной водой. «Если к утру не пройдет, пойду к врачу», – решил он, прикрывая челкой красноту. Маргарита слишком серьезно относилась к недугам мужа, а он не собирался менять воскресную рыбалку на больничный покой.

Ложась спать, Михаил, как обычно, поцеловал жену. За четыре года их брак не утратил свежести. Это было удивительно, но приятно. Глядя в зеркало, мужчина порой начинал волноваться, наблюдая, как округлости съедают пресс и выпирают вторым подбородком. Но объятия Марго оставались такими же крепкими, как в день свадьбы, так что Михаил успокаивался.

Он обнял спящую жену, почесывая припухший лоб.

2

Утро облегчения не принесло. Лоб распух и налился кровью, кожа слазила лохмотьями, прилипая к потным пальцам. Михаил с ужасом разглядывал себя в зеркало: две опухоли над бровями уродовали голову. Они были твердыми, точно набитые шишки. Мужчина судорожно вздохнул: спрятать от жены такое не удастся. Впрочем, может она уже ушла?

Он выглянул из ванной и прислушался. Небольшой пригородный дом молчал. Тишину нарушало лишь блеяние вечно голодных коз Марго. Похоже, он дома один.

Короткая записка возле тарелки с подостывшим завтраком подтвердила догадку. «Прости, что не разбудила: мой котик слишком сладко спал. Буду к обеду. Целую». В груди мягко толкнуло, по телу растеклось тепло. Нежно погладив записку, Михаил сел завтракать. Яичница и тосты оказались так же хороши, как и всегда. Особенно мужчине понравилась зелень в тостах. Михаил с удовольствием жевал ее, стараясь не обращать внимания на головную боль.

Конечно, он пошел к врачу, но толку от этого не было. Аллерголог долго осматривал раздраженный лоб, утомляя пациента вопросами о перенесенных им заболеваниях. Затем выписал направление на анализы и выставил вон.

Шагая по нагретой солнцем парковке, Михаил прикидывал, не подцепил ли он заразу от коллег по работе. Кажется, Юрий ездил в Индию две недели назад. Михаил открыл машину и замер на водительском сиденье, сжимая в руке телефон. «Я буду выглядеть идиотом». Но пальцы уже набрали номер.

– Юрий? Это Алексеев.

Разговор оказался коротким, но Михаил успел понять, что серьезно подставился. Теперь подчиненным темы для сплетен хватит надолго. Хорошо, что впереди отпуск. Юрий, кстати, не чесался.

Мужчина завел машину и выехал с парковки, почти не видя дороги: глаза не отрывались от изуродованного лба в зеркале заднего вида. Вроде бы шишки увеличились. Михаил взглянул на наручные часы. Маленькая стрелка еще не доползла до полудня. Похоже, он успеет сдать анализы и вернуться домой к обеду.

3

– Ты куда-то ездил? – Маргарита жарила отбивные. Длинные темные волосы, собранные в высокий хвост, ритмично раскачивались в такт движениям. Светлый фартук завязан на талии кокетливым

бантиком. Женщина перевернула ломти мяса и повернулась к мужу. – Господи, что с тобой?!

Михаил поморщился, расчесывая кожу над бровями. Он чувствовал вину.

– Кажется, аллергия.

Марго отложила блестящую от жира лопатку, вытерла ладони о фартук. Она несколько минут рассматривала мужа, затем тронула измученный лоб. Нежное прикосновение обожгло кожу, но Михаил сдержался.

– Ужас какой… Ты был у врача? – женщина обхватила голову мужа тонкими пальцами и повернула ее к свету. Отбивные начинали подгорать, пачкая плиту брызгами жира.

– Только что от него, – мужчина покосился на сковородку. Вид жареного мяса вызвал у него тошноту. – Отправил меня на анализы, результаты будут завтра. Марго, горит! Что ты там жаришь?

Маргарита повернулась к плите и начала перекладывать спасенное мясо на противень.

– Козлятину. Ты же любишь отбивные, правда, милый? – она отправила мясо в духовку и снова посмотрела на измученное лицо мужа. – Бедный мой, ты выглядишь просто ужасно! Это раздражение, отек, да еще и щетина! Тебя, кстати, осы не кусали?

Михаил не расслышал вопроса. Щетина? Быть не может, он брился сегодня утром! Решив, что жена шутит, Михаил схватился за подбородок и уколол пальцы. В подмышках стало мокро.

4

К вечеру стало хуже. Несмотря на холодные компрессы и мазь от аллергии зуд и краснота остались. Народное средство, сделанное Маргаритой из какой-то травы, сильно воняло, но эффекта не дало. Словно издеваясь, голова распухла еще больше.

Михаил полулежал на диване и стонал, растирая виски. Головная боль выжигала мозг, пульсировала в жилах. Мужчине казалось, что на

череп натянули нестерпимо горячую грелку, обжигавшую переносицу и шею.

Есть не хотелось. Отбивные стыли в холодильнике, к рису Михаил тоже не притронулся. Единственное, что жене удалось силком впихнуть в стонущего супруга – капустный салат с морковью. Впрочем, вкуса еды он не ощутил.

Промаявшись почти до полуночи, Михаил решился принять душ. Он не смотрел в зеркало, не желая видеть распухшую физиономию, но, выйдя из душа, решил побриться. Отражение в запотевшем стекле приморозило мужчину к полу.

Распаренное лицо скрыло раздражение, но шишки не исчезли. Они стали намного больше, чем утром, и теперь в каждой торчала темная заноза. Михаил помедлил, прежде чем ощупать новую деталь своего образа. Сморщенные от воды пальцы дрожали. Он ошибся: это не занозы. Что-то прорвало кожу на лбу и выпирало наружу.

В наполненной паром ванной Михаила бил озноб. Мужчина долго ощупывал обе «шишки», цепляясь за остатки здравого смысла. Что, черт возьми, с ним творится?!

5

Рога. У него на лбу выросли рога. Михаил надолго застыл перед зеркалом, жалея, что взглянул в него утром. Рога были похожи на козлиные: толстые, покрытые глубокими бороздами, длиной с телевизионный пульт. Странно, что они не мешали спать. Шокированный Михаил не обратил внимания на заново выросшую щетину, когда отправился искать жену.

Маргарита кормила коз. Точнее – восьмерых козлов, вырывавших из ее рук капустные листья. Их было гораздо больше, когда Михаил и Марго поженились. Если точно – двадцать пять, но сейчас почти все оказались на обеденном столе.

Марго считала, что мясо козлов обладает пикантным вкусом, придающим блюдам «особую нотку». Эту самую нотку Михаил не мог уловить уже четыре года, но с женой не спорил.

– Хочешь травки, козлик милый? – приговаривала женщина, протягивая очередному питомцу корм. Михаил остановился возле загона. Он пытался подобрать слова, но Марго обернулась раньше. Корзина с кормом выпала у нее из рук.

– Да как же так! Это шутка?

Мужчина скривился. Рога сделали лишь одно доброе дело: зуд, терзавший мужчину последние два дня, прекратился.

– Хотел бы я, чтобы это была шутка, – Михаил смотрел на жену, чувствуя жжение в уголках глаз. – Рита, что делать-то теперь?

Женщина промолчала. Она подняла корзину, вышла из загона и, обняв беззвучно плачущего мужа за плечи, повернула его к дому.

– Хорошо, что у тебя отпуск. Пойдем внутрь: не дай Бог соседи увидят!

6

– Ты идешь к подруге? Бросаешь меня одного? В таком состоянии?!

Михаил, лежал в кресле с мокрой тряпкой на голове. Возмущение в его глазах смешивалось с обидой.

– Я обещала ей вчера, что обязательно приду. Если не появлюсь, она заявится сюда. Хочешь, чтобы весь город узнал о твоих рогах?

Мужчину передернуло.

– Зачастила ты к ней, – пробурчал он, глядя, как жена красит ресницы перед зеркалом в прихожей.

– У нее сложный период. Не такой, как у тебя, конечно, – Марго покосилась на мужа, – но я ей нужна. Скоро вернусь, не выходи из дома. Договорились, милый?

Она вышла на улицу, а Михаил вздохнул. Сил на переживания и споры не оставалось.

Время едва двигалось. Мужчина бесцельно переключал телевизионные каналы, сжевал всю свежую зелень, какую смог найти в

холодильнике и даже попытался поспать. Его разбудил телефонный звонок.

Звонили из лаборатории. Пришли результаты анализов: у него не было аллергии. Михаил усмехнулся, глядя в зеркало на вытянутое, исхудавшее за два дня лицо сатира. Что, ж, об этом он и сам догадался.

7

Прошло несколько часов, но Марго не возвращалась. Михаил начал беспокоиться. В голове кусочки мозаики складывались в неприятную картину.

Он не придавал значения частым визитам жены к подругам. А если подумать, она уходила из дома почти каждый день, находя для отлучек естественные оправдания: маникюрша, парикмахерская, поход в магазин, из которого Марго так ничего и не принесла. Однажды Михаил в шутку спросил жену, есть ли у нее любовник. Она тогда долго плакала, заперевшись в ванной.

Михаил мерил шагами гостиную, поглядывая на настенные часы. Рога оттягивали голову, цепляясь концами за подвески люстры. Проведя по ним рукой, мужчина замер. Его бросило в жар. Сердце заметалось в груди, сбивая дыхание. Михаил схватил мобильник и набрал номер жены. «Только спросить, где она, – думал он, слушая бесстрастные гудки. – Спокойным голосом, как бы между прочим».

Телефон Маргариты ответил из недр дома. Михаил озадаченно вслушался, а потом пошел на звук. Оказалось, жена забыла сумочку возле входной двери.

Дрожа от страшного предчувствия, Михаил засунул руку внутрь. Он вынул телефон, покрутил его в пальцах и выключил. Затем снова запустил руку в сумку. Пальцы задели нечто странное, из-за чего сердце ударило в грудину. Он вытащил упаковку презервативов и мужской галстук. Чужой мужской галстук. Счастливая брачная реальность разбилась вдребезги.

8

Несколько минут мужчина стоял, разглядывая находку. Мысли разлетелись, в груди разрасталась черная дыра. Будто во сне Михаил вернул коробку и галстук на место. Посмотрел в зеркало. На смену оцепенению пришло звериное бешенство.

Он принялся крушить дом. Дом, который выстроил для красавицы-жены, дом, который еще несколько минут назад казался несокрушимым оплотом семейного счастья. Мужчина ломал стеллажи в гостиной, раскидывал вещи по полу и с наслаждением топтал одежду Марго.

Ярость, смешалась с истеричным весельем. Поскользнувшись на обломках, Михаил врезался рогами в телевизор. Треск несчастного прибора эхом повторился в голове мужчины. Он мрачно усмехнулся. Что ж, по крайней мере, один плюс в его новом украшении имелся.

Мужчина смерчем прошелся по дому, ударяя рогами во все, что попадалось на пути. Он метался и прыгал от стены к стене, круша, ломая, разбивая и топча. Он не заметил, как начал отталкиваться от пола еще и руками, подлетая под потолок. Страха не было – только обжигающая ненависть и боль. Изменяла! Эта лживая тварь ему изменяла!

Поскакав по лестнице на первый этаж, Михаил запнулся и вылетел головой вперед, врезавшись рогами в обшитую гипсокартоном стену. В черепе бухнул колокол, «искры из глаз» смешались с каплями крови, брызнувшими из раздутых от возбуждения ноздрей. Михаил потряс головой и наконец-то успокоился.

Похрустывая осколками того, что совсем недавно было гостиной, мужчина доплелся до дивана. Он был опустошен, точно удар о стену вышиб из него все эмоции. Михаил опустился на подушку, невидящим взглядом обвел комнату. И что теперь? Вся жизнь развалилась на части. Два дня назад он был успешным сорокадвухлетним юристом, имел отличный дом и любящую верную жену. А теперь он – уродливый полукозел. Во всех смыслах рогоносец!

Михаил всхлипнул и закрыл лицо руками. Вздрогнул.

Что-то было не так. Придирчиво ощупав лицо, мужчина визгливо расхохотался. Его охватило веселье – признак сумасшествия, скорее всего. Мужчина вприскочку направился к зеркалу в прихожей. Ну, чем еще порадует его сегодня мерзкое стекло?

Из зеркала глянул урод: не человеческое лицо и даже не рожа сатира, которой Михаил «любовался» каких-то два часа назад. Отвратительная смесь: еще человеческий подбородок в завитках темной шерсти, заострившиеся длинные уши и вытягивающийся вперед череп. Из глубоких глазниц таращились ярко-желтые глаза с горизонтальными зрачками.

Мужчина застыл. В животе поворачивалось скользкое щупальце. Михаил несколько раз открыл и закрыл рот, потом громко заблеял и, наконец, заорал, швырнув в зеркало первое, что попалось под руку – связку ключей.

Зеркало лопнуло паутиной трещин. На Михаила смотрели тысячи уродцев, ржущих над своей гротескной рожей.

9

Тихо щелкнула входная дверь. Маргарита не удивилась царящему в доме беспорядку. По усыпанному обломками и шерстью полу, она вошла в гостиную.

Женщина опустилась на пол, глядя на то, что осталось от ее двадцать шестого мужа. Михаил попытался что-то сказать, но из поросшего волнистой шерстью горла вырывалось тонкое блеянье. Марго покачала головой.

– Прости меня. Я надеялась, в этот раз будет иначе, но как видишь, ошиблась, – она вздохнула. – А ты продержался долго – почти два месяца. Другие и трёх недель не протянули.

Она помолчала, поглаживая колечки шерсти на его груди.

– Я не специально, дорогой, так случается. Наверное, это проклятие, – она вынула из кармана пучок салата. – Хочешь травки, козлик милый?

10

– Ты не говорила, что разводишь коз, – незнакомый мужчина разглядывал в кухонное окно девять животных, бродивших по загону.

– Да, – улыбнулась Марго, затачивая нож. – Люблю козлятину.

ФЭНТЕЗИ

Ольга Травушкина

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

За окнами быстро темнело. Валил густой снег, яростно завывал ветер. Мужчина, читавший у камина книгу, бросил взгляд на окно и поежился.

– Похоже, надвигается снежная буря, – сказал он. Его жена, вязавшая на диване кофточку, кивнула, не отрываясь от своего дела.

В этот момент раздался негромкий стук в дверь. Удивившись, что в такую погоду кто-то может быть на улице, мужчина поднялся и пошел открывать.

– Кто там был? – спросила жена, когда он вернулся в комнату.

– Девчонка какая-то, – ответил муж. – Одета бедно. Вроде как поселиться хочет в нашем городе... Спрашивала, не пустим ли мы ее на ночлег.

– Ни в коем случае, – усмехнулась жена. – Еще рядом с нашим домом жить вздумает... Только нищих нам не хватало!

Мужчина подошел к окну, но задергивать штору не торопился.

– Вон она, в соседний дом стучится.

– Впустили?

– Нет… к следующему дому пошла. Она ко всем подряд просится, что ли?

– Пусть просится, – равнодушно ответила женщина. – Подбрось лучше дров в камин. Ну и холодина!

– Говорят, когда-нибудь в нашем городе наступит весна, – мужчина задумчиво бросил в огонь несколько поленьев.

Женщина молчала. Она тоже верила в это. Все жители верили, что однажды весна обязательно наступит. Хотя здесь, в этом городе, ее не

было уже очень-очень давно, люди верили, что однажды она придет – и растает снег, зазвенит капель, прорастет сквозь стылую землю ярко-зеленая трава, а с небес будет светить теплое солнце…

Девушка, которую так и не впустили ни в один дом в городе, в это время шла по заснеженной дороге. Неожиданно она остановилась. Огляделась по сторонам, подумала и решительно зашагала в сторону от дороги – снег словно расступался перед ней, не давая увязнуть. Расступался, и там, где она проходила – таял. Как исчезали холода и морозы там, где ступала ее изящная ступня...

Девушка наклонилась и бережно подняла что-то маленькое.

– Бедная… – прошептала она. Подула на замерзшую синицу, прикрыла ее ладонью.

В воздухе запахло ландышами. Прошло несколько минут, и вдруг птица открыла глаза. Закрутила головой, защебетала. Девушка улыбнулась, и ее зеленые глаза сверкнули радостным «огоньком»:

– Отогрелась, моя хорошая...

С синицей в руках девушка шла все дальше и дальше от города. Когда-нибудь она придет сюда снова, и, возможно, здесь, в краю вечной зимы, все-таки настанет весна.

***

«Когда же наконец наступит весна?» – спрашивали друг друга жители этого города. И показалось им это, или нет, но кто-то словно шёпотом произнёс в ответ: «Когда оттают ваши сердца...»

Ляля Владимировна Райман

ДАВАЙТЕ ПОЗНАКОМИМСЯ!

Верховно-Угрюмчивому Управителю

Ядра Трёх Галактик посвящается…

Глеб сидел за столиком уличного кафе и напряжённо вглядывался в спешащую мимо разношерстную толпу. Он твёрдо решил, что сегодня непременно подойдёт к прекрасной незнакомке, образ, которой был ему до боли знаком, он помнил каждую чёрточку её лица, а божественная фигура… Глеб блаженно закрыл глаза, но моментально их открыл, боясь пропустить девушку.

Она появилась внезапно, впрочем, как и всегда, словно материализовалась из ниоткуда. Она шла, будто паря в воздухе, людской поток как бы расступался, пропуская красавицу с гордо поднятой головой и загадочной улыбкой. Глеб сорвался с места и почти бегом преодолел расстояние, отделяющее его от незнакомки:

– Вы так прекрасны! Давайте… – он запнулся под её насмешливо-удивлённым взглядом, но, спохватившись, договорил не раз отрепетированную фразу: – Давайте познакомимся!

Девушка звонко рассмеялась и протянула изящную ладошку:

– Меня Уломаниок зовут, – и, слегка наклонив голову, прикусила нижнюю губу.

Глеб растерянно посмотрел на красавицу: «Иностранка?» – мелькнуло у него в голове. Но ещё не совсем веря своему счастью, слегка пожал протянутую руку и сказал:

– А я Глеб. Вы не хотите выпить со мной чашечку кофе?

– Глеб! Я не пью кофе, я пью только мазынуси, – сказала незнакомка, не переставая обворожительно улыбаться.

«Что за зверь такой это мазынуси, а может, этот?» – думал Глеб, старательно вспоминая все знакомые алкогольные и не очень напитки.

– Тогда, может, прогуляемся, сходим в кино, просто пообщаемся… – и, не придумав ничего оригинального, добавил: – Вы такая загадочная.

Девушка кивнула и направилась в сторону сквера, Глеб пошёл за ней. Уже сидя на скамейке, они продолжили разговор:

– У вас такое необычное имя.

– Там, где я родилась, это имя очень распространено, со мной в Поринеке учились четверо девушек с такими именами.

«Точно иностранка! – подумал Глеб. – Знать бы ещё, где этот Поринеке. Это, вообще, город или страна какая? – и он с тоской вспомнил свою учительницу по географии. – Вот сейчас, Альбина Михайловна, я бы с удовольствием вам дополнительные вопросы позадавал». А вслух сказал:

– Как же вас занесло к нам?

– Я каждое утро прилетаю с Рамроники, а вечером возвращаюсь.

Глеб озадачено почесал переносицу и задал вопрос в лоб:

– А вы кто?

– Я Великокипучая Принцесса Бирюзового Квазара! Я несу людям счастье! Но об этом никто не должен знать, ибо смысл? Люди не готовы постичь духовность принятия просветлённого бытия…

Глеб начал испуганно озираться. Как назло, поблизости никого не было…

Поздним вечером того же дня патрульная машина остановилась неподалёку от лавочки, где, казалось, дремал молодой мужчина. Сержант потряс его за плечо:

– Эй! Уважаемый! Предъявите документы!

Мужчина медленно начал сползать на асфальт. Сержант подхватил его, прощупал пульс и крикнул напарнику:

– Ещё один! Уже восьмой за месяц. Эти клофелинщицы совсем распоясались. Совершенно ничего не боятся…

Наталья Алексеева

ЖЕНИХ ДЛЯ ВЕДЬМЫ

– Это что?

Ведьма мрачно смотрела на протянутый ей скромный букет незабудок. Под её холодным взглядом цветы медленно скукоживались, облетали, но держащий их светловолосый парень не дрогнул, ответил, по-прежнему широко улыбаясь:

– Это цветы. Красивые цветы для красивой девушки.

Ведьма выразительно заломила чёрную бровь: красивой её называли редко. Честно говоря, никогда. Проклятия вслед шептали, испуганно крестились, даже плевались потихоньку, но похвалить… А этот чудик ещё цветы приволок! Отравленные, небось.

– Вали отсюда, юродивый, храмовый приют за два квартала отсюда! – Ведьма резко мотнула головой, словно плетью, хлестнув по букету длинной чёрной косой. – И веник свой облетевший забери!

Ответил что-то парень или же молча поплёлся прочь, ведьма не слышала, оглушительно грохнув дверью своего дома. Девушка чувствовала себя неприятно взбаламученной, растревоженной, сама не понимая, что и почему так её взбудоражило. Ну, подумаешь, букет принесли! Можно подумать, ей первый раз в жизни цветы дарят! Хотя, если задуматься, то окажется, что цветы ей, и правда, первый раз в жизни подарили. Ну, не принято ведьмам цветы дарить! Ведьм положено сильно бояться, немного уважать и просить о помощи, как грозное божество, только если совсем припрёт, и никто помочь не сможет. А тут, безо всяких просьб, цветы… Ведьма грозно рыкнула и смела со стола стопку бумаг, потом огненно сверкнула глазами, и на пол посыпался только пепел. Но сгоревшие бумаги не вернули ведьме привычного ледяного спокойствия. Она продолжала бушевать, сметая и сжигая всё, на своём пути. Потом силы кончились, а ледяное спокойствие так и не вернулось. Фыркнув, ведьма прошептала

заклинание очищения и занялась приготовлением сложного магико-алхимического зелья.

Ближе к вечеру в дверь ведьмы звонко стукнули, а потом, не дожидаясь позволения, решительно вошли.

– Здрасьте! – раздался под сводами дома звонкий девичий голос. – Эй, тётя ведьма, ау!

Ведьма ошеломлённо помотала головой. Как-как её только что назвали? «Тётей»? Сегодня что, эпидемия безумия напала на людей, или они совсем страх потеряли?

– Здрасьте, тётя ведьма! – в комнату решительно вошла светловолосая конопатая девчушка, бережно прижимающая к груди туесок.

– Неприятно тебя разочаровывать, малышка, – самым ядовитым голосом процедила ведьма. – Но «тёти» на базаре овощи продают! Если хочешь обратиться ко мне, зови меня «госпожа ведьма», понятно?

– Ага, – малышка решительно кивнула, а потом продолжила: – Тётя ведьма, мы с братом для вас земляники насобирали, на-ко, отведайте. Если захотите, я и сливочек принесу, а то и сахару.

Малышка сняла с туеска плотно пригнанную крышку и прямо под нос опешившей ведьме сунула ароматные ягоды. Ведьма машинально втянула носом свежий аромат земляники, сглотнула слюну, а потом положила в рот спелую ягоду, даже не подумав, что она может быть отравлена.

– Ну как, вкусно? – похоже, молчать малышка не могла физически, как и стоять спокойно дольше трёх минут. – Я брату так и сказала: что ты ей веники полевые таскаешь, она же не корова – цветы жевать. Давай лучше ягод насобираем, против земляники никто не устоит, даже тётя ведьма. Вы только скажите, я мигом и сливок, и сахару принесу, с ними-то ещё вкуснее. Принести?

Ведьма успела только кивнуть, а девчушка молниеносно выскочила из домика, звонко хлопнув многострадальной дверью.

«Отравила, наверное, пошла сообщить, что дело сделано», – подумала ведьма. Но столь печальные мысли не заставили девушку убрать туесок с земляникой. Ведьма продолжала наслаждаться сочными ягодами, впервые за многие годы пустив все дела на самотёк. Только широко распахнувшаяся дверь заставила её встрепенуться и торопливо убрать туесок за спину. Жест получился какой-то виноватый, детский, и от этого девушка неожиданно покраснела. Впервые за многие годы. На пороге домика стояла уже знакомая девчушка, а за ней – тот самый светловолосый парень. Девчушка отобрала у парня две берестяные мисочки, по-хозяйски прошла в дом и решительно плюхнула миски на стол, небрежно отодвинув в сторону рассыпанные травы и пергаментные свитки.

– Ох, и бардак тут у тебя, тётя ведьма, – явно подражая кому-то взрослому, покачала головой девчушка. – Тряпка-то с ведром найдётся, порядок навести?

– Там, в углу стоит, – мотнула головой ведьма, внимательно глядя на парня. Тот так и не приблизился, стоял у порога, глядя на девушку. И столько неподдельного восхищения и какого-то мальчишечьего задора было в этом взгляде, что ведьма опять закраснелась, разом вспомнив и про пятна от зелий на платье, и про растрёпанную косу, да и про слухи, что ходили про неё.

– Чараш, дак я что, одна, что ли, делать всё буду? – девчушка сунула парню в руки ведро и по-бабьи упёрла руки в боки. – Что стоишь столбом, воды принеси! Не мне же, маленькой, вёдра тяжеленные волокать!

По лицу парня скользнула лёгкая улыбка, он ласково потрепал малышку по голове, подхватил ведро и послушно вышел.

– Тёть ведьма, а ты садись за стол, землянику кушать, пока сливки не скисли, – тем же решительным тоном произнесла девчушка, дёргая ведьму за подол.

Девушка рассерженно отпрянула в сторону и, огненно сверкая глазами, прошипела:

– Мала ты мне указывать! Ишь, взяла моду, старшими командовать! Братом своим хоть пол мети, коли он не возражает, а мной командовать не смей!

Ведьма пустила из глаз короткую молнию, ожидая, что малышка перепугается, а то и заревёт, но девчушка звонко рассмеялась и захлопала в ладоши.

– Тёть ведьма, да как здорово у тебя получается! А ещё сделай! А меня научишь? А правда, что ты Гриньку слепого прокляла, когда он на тебя купающуюся смотрел, оттого-то он и ослеп? А правда…

К тому моменту, когда брат неугомонной малышки вернулся в дом, в ушах у ведьмы звенело, а голова буквально раскалывалась. Ведьма узнала не только биографии самой малышки, Руфены и её брата Чараша, но также родословные всех жителей деревни, и то, что у Гришки с Деревянного тупика старший брат служит в королевских войсках, а целоваться с Митькой интереснее, чем ходить на Гнилой пруд чертей пугать. Чертей ведьме было искренне жаль.

– Руфька, а ну, отстань, у Вереи уже голова от тебя гудит! – строго прицыкнул на сестру Чараш, за что удостоился благодарного взгляда от ведьмы.

Спрашивать, откуда он знает её имя, ведьма не стала. С такой сестрой можно узнать даже секрет зелья Вечной молодости. Кстати, можно будет спросить при случае.

– Ладно, – малышка широко улыбнулась. – Невесту я твою подготовила, дату свадьбы уж без меня выбирайте. Только, чур, это будет двадцатое августа в этом году, ну?

– А почему именно двадцатое августа? – ошеломлённо прошептала Верея, за что удостоилась укоризненного взгляда малышки и её протяжного:

– Ну вооот, я же говорила! Двадцатое августа потому, что в этот день Глафир Везучий со своей Степанидой Плодовитой женился, и живут они с сих пор в мире и согласии, мне так Ворик Могучий сказал, а Ворика надо слушать, потому что…

Верея молитвенно сложила руки, чувствуя, что голова у неё буквально разваливается от огромного потока информации.

– Ладно, убедила, свадьбу справим двадцатого августа, – Чараш хитро посмотрел на Верею и шепнул: – Надеюсь, ты согласна?

– Но… я же злая ведьма? – пролепетала девушка, сама понимая, как жалко и неубедительно звучит её голос.

– Ведьма? – усмехнулся Чараш. – Это даже хорошо. Злая? Точно нет!

Мари Розмари

АЛМАЗНЫЙ ДРАКОН

Глава 1. В путь!

Кейлот отправился в путь к Хрустальной Горе, задавшись целью уничтожить Алмазного Дракона. Немногие дошедшие до нынешних дней легенды описывали это место, как обиталище древнего и невыразимо жуткого чудовища, начавшего терзать землю еще в незапамятные времена.

В ту пору, которую принято теперь величать Древним Миром, по земной тверди разгуливало немало хищных тварей, как огромных, так и совсем крошечных, но Алмазный Дракон превзошел каждого из них в иступленной ненависти к роду человеческому и неистребимом желании на корню пресечь его существование. Чудище описывали как огромного крылатого ящера, чье необъятное тело было покрыто прочной белой чешуей, ослепительно сверкавшей на солнце и призрачно искрившейся в мертвенном свете луны. Собственно, поэтому его и прозвали Алмазным, хотя среди древних людей прижились и менее претенциозные, но столь же звучные и запоминающиеся прозвища. Однако даже они были не в силах передать весь тот ужас, который монстр вселял в человеческие сердца одним своим видом и жутким, наводящим неописуемый трепет умением. Он исторгал из пасти не огонь, как подобает всем драконам, а белые смерчи, которые обращали все, чего ни касались, в крепкое, прозрачное и бесцветное стекло.

Древний Мир удалился в небытие, уступив место Миру Новому, но оставил после себя множество неразгаданных тайн. Над некоторыми из них мудрецы бьются и поныне, однако загадка Алмазного Дракона оказалась раскрыта довольно быстро, поскольку чудовище внезапно вынырнуло из легенд и сказаний, припорошенных пылью веков, и избрало в качестве цели для своей слепой ярости ничем не

примечательное Королевство Низовья. Большая, могущественная и весьма воинственная держава, не единожды доказывала всему миру свое исключительное право занимать обширные территории в низовьях реки Альяндин. Однако теперь оказалась совершенно бессильна перед воздушными атаками уродливого монстра. Один за другим огромные города и маленькие деревеньки падали жертвами черной магии Алмазного Дракона. И ничто не могло воспрепятствовать неумолимой судьбе.

Лачуги и замки, огонь и вода, люди и животные – все превращалось в стеклянные статуи и навеки застывало под равнодушным взглядом голубых небес. Ни каменные стены, ни деревянные крыши не могли уберечь от смерти – белые вихри с легкостью пронзали и камень, и дерево. А также одежду и доспехи, кожу и плоть. Дороги, ведущие в такие поселения, навсегда перегораживали поваленными деревьями, наименования городов-призраков исчезали с карт, а по погибшим служили длинные траурные мессы.

Но попадались и те, кому удавалось спастись. Это были люди, которых смертоносное дыхание Алмазного Дракона настигало лишь частично. Однако едва ли их можно было назвать счастливчиками, поскольку жертвам древнего чудовища приходилось передвигаться ползком и волочить за собой остекленевшие конечности. Они быстро теряли рассудок, а через некоторое время расставались и с жизнями.

С момента становления Нового Мира прошло немало лет. Однако за все это время ни одно государство не терпело подобных убытков по вине драконов. Былые их бесчинства остались достоянием Древнего Мира, а в Новом изрядно подряхлевшие ящеры предпочитали спокойно отсыпаться на горах охраняемых сокровищ и не казать носа из своих пещер.

Однажды терпение короля Теодора III Отважного – властителя Королевства Низовья – кончилось, и он отказался впредь молча сносить бесконечные злодеяния чудовища. Поговаривали, что это случилось сразу после того, как Алмазный Дракон предпринял отчаянную попытку напасть на столицу славного королевства и, только благодаря неведомой спасительной случайности, не изничтожил ее полностью.

Как бы там ни было, правитель принял решение воскресить былые традиции и дать отпор зарвавшемуся чудовищу. Одну за другой снаряжал он на поиски Хрустальной Горы военные экспедиции, однако ни одна из них не окончилась победой или сколь бы то ни было успешно. Войска бесследно исчезали, и даже посланные ими гонцы не возвращались обратно, чтобы сообщить о причинах постигшей неудачи. Алмазный Дракон тем временем продолжал буйствовать. Он, как и прежде, появлялся в небе над Королевством Низовья, вальяжно расправлял гигантские серебристо-белые крылья и планировал на восходящих воздушных потоках, как чудовищный альбатрос, изредка посылая вниз смертельные белые смерчи.

В таких условиях и был сформирован последний, крохотный отряд Кейлота.

Кейлот являлся опытным воином. Служба его складывалась блестяще – сын пекаря, в тринадцать лет он стал оруженосцем у рыцаря Гмелиана, а в двадцать один год получил посвящение в рыцари из рук самого короля Теодора III и прослужил тому верой и правдой почти четверть века. По его приказу Кейлот возглавил конное войско, и с его позволения в сорок пять лет оставил должность командира, снял доспехи, обосновался в Денвилле – маленьком городке юго-западной префектуры Эндфорд – и начал заниматься кузнечным делом. У Кейлота была большая семья: красавица–жена и трое детей. За выдающиеся заслуги перед родиной король даровал ему земельный надел и несколько квадратных миль отменных лесных угодий. К огромному удивлению всего Денвилля, на подаренной земле не закипело строительство очередного замка со рвом, зубчатыми стенами, бойницами, башнями и донжоном. Такими сооружениями рано или поздно обзаводился каждый рыцарь, который сменил походное снаряжение на камзол и легкие кожаные сапоги. Однако Кейлот ограничился постройкой небольшого двухэтажного особняка с черепичной крышей, вокруг которого, вместо рва, протянулась невысокая живая изгородь. Кузница, которую Кейлот обустроил в обособленном уголке дарованных территорий, быстро снискала популярность среди населения Эндфорда. А вскоре слава об изысканных поделках бывшего воина разлетелась по всему королевству. Масла в огонь подливали еще и слухи о том, как легко и

непринужденно управляется новоиспеченный кузнец с трихорием – тугоплавкой легендарной сталью. Ее существование уже давно подвергалось серьезным сомнениям, поскольку неотъемлемым компонентом сплава являлась редкостная кровь драконов, а последние вот уже несколько сот лет ее не проливали. И хотя никто не мог с уверенностью сказать, правда это или вымысел, но многие горячо желали обзавестись клинком, выкованным руками признанного мастера.

Но Кейлот из принципа не брался за изготовление оружия. По завершении военной карьеры, он решил оставить кровопролитное занятие в прошлом и не вспоминать о боевом искусстве до тех пор, пока кто-нибудь из его сыновей не заинтересуется чем-либо подобным. Он искренне надеялся, что мальцы сами дойдут до судьбоносного решения, как в свое время сделал это он сам. Однако надеждам молодого отца не суждено было сбыться. Его старшему сыну не исполнилось и десяти лет, а младший едва научился самостоятельно ходить, когда в двери постучало несчастье, и беда об руку со смертью вошла в его дом. В одночасье Кейлот лишился всего, что имел. Нет, недвижимое имущество и земельные наделы остались неприкосновенными, однако жизни дорогих и близких людей уже нельзя было вернуть. Сердце бывшего воина жаждало отмщения, но отчаянно его не находило, поскольку бесплотную болезнь, выкашивавшую людей с завидным постоянством, не могло поразить оружие. Она не страшилась острого словца, обличительных речей или ненавистного взгляда.

Жуткая хандра и печаль пришли на смену счастливым дням семейной жизни. Траур стал для Кейлота повседневной одеждой. Двери в кузницу он закрыл и заколотил досками, потому что хуже скорби по умершим детям и жене было только то, что таилось за дверями заброшенной постройки.

От тоски и безысходности Кейлот принял решение поучаствовать в рыцарском турнире, организованном Теодором III. Победитель этого мероприятия должен был отправиться в поход и сразиться с Алмазным Драконом. Кейлот с доблестью прошел через все испытания и стал победителем. При его сноровке и воинском умении это не составило большого труда. К тому же противники явно пасовали – никто не хотел

пополнить и без того немалый список жертв кошмарного чудовища. Кейлота эта проблема ничуть не тревожила. После того как смерть разлучила его с семьей, он стал частенько задумываться о самоубийстве. Однако, искушенный в боях, он не раз становился свидетелем того, как кощунственно обесценивалась человеческая жизнь на бранных полях. И не хотел оканчивать свою так бесславно.

Немногочисленные предания, повествующие о злодеяниях Алмазного Дракона, вместе с тем предоставляли некоторые сведения относительно того, где можно отыскать зловещую Хрустальную Гору, облюбованное пристанище кровожадного ящера. Она горделиво возвышалась посреди долины Тана, являвшей собой отпечаток ступни исполинского доисторического медведя. Эти края располагались далеко на юге. А чтобы Кейлот мог без труда туда добраться, король распорядился приставить к нему двух сопровождающих.

Кто-то удосужился шепнуть Кейлоту:

– Толку от них, как с козла молока. По-нашенски едва понимают, а говорят и того меньше. Но оба они – южане, и хорошо разбираются в тех землях, куда лежит твой путь.

– Зачем же мне их двое? – удивился Кейлот. Он попытался предотвратить возникновение чувства неприязни к этим ребятам. Решил, что негоже судить о людях, которых еще ни разу в жизни не видел.

– Они – братья, и ни в какую не желают расставаться. Мой тебе совет: одного всегда посылай вперед, а другого оставляй позади. На тот случай, чтобы они не завели тебя в какую-нибудь ловушку и не дали потом деру.

Кейлот мог понять причины, по которым люди, снаряжавшие его в дорогу, отзывались так нелестно о его будущих спутниках. Все потому, что население Королевства Низовья не жаловало чужеземцев. А его сопровождающие были именно таковыми: темноволосые, со смуглой кожей и большими черными глазами. Ну, истинные южане. Таким в толпе не затеряться. Когда Кейлот впервые их увидел, то сначала опешил от удивления – его будущие спутники были близнецами, похожими друг на друга, как две капли воды. Одного звали Лютто, а

другого – Ватто. И если бы не беловатый шрам, рассекший щеку одного из них, то Кейлот ни за что не смог бы отличить первого от второго.

Улучив подходящий момент, Кейлот спросил у того из южан, чье лицо хранило отличительную отметину:

– В каком бою заработал ты это увечье? – он не привык вести праздные беседы, и не был уверен, что диковатый и отчужденный южанин при случае поддержит его несмелое начинание.

Однако спутник с готовностью ответил, притом совершенно ясно и без малейшего акцента:

– Я не воевал. Меня одарили им в мирное время.

– Кто?

Южанин не сказал, но кивком головы указал на людей в темно–синих одеждах с серебряными эполетами. Весьма многозначительно нахмурил брови и направил взгляд выразительных темных глаз в землю.

– Королевские стражники? Но зачем? – не смог сдержать изумления и негодования Кейлот, у которого не было причин сомневаться в выдающейся доблести, проницательности и справедливости блюстителей правопорядка.

– Чтобы иметь возможность нас с братом различать. Ну, и чтобы у нас не возникало желания поменяться вдруг местами и этим ввести кого-нибудь в заблуждение.

– Как тебя зовут?

– Ватто.

– По какому праву эти люди так с тобой обошлись?

Он пожал плечами:

– Не знаю, однако я должен благодарить их за то, что они лишь наполовину осуществили свои намерения.

– То есть?

– Первоначально они хотели пометить мое лицо крестиком. И поставить его не на щеке, а на лбу. Видать, боги вовремя отвратили их от этого решения. Впрочем… Почем знать? А вдруг еще не поздно?..

С этого первого разговора Кейлот проникся к своим будущим спутникам если не симпатией, то уж точно сочувствием. Естественно, он ни на секунду не забывал, что чужая душа – потемки, и что в сердце у Ватто могли роиться самые черные мысли относительно тех, кто заставил его бесцельно страдать. Возможно, за былую боль и унижения он готов был отомстить первому попавшемуся. Да хотя бы и самому Кейлоту! Это пугало. А еще воина настораживала странная отчужденность второго брата – Лютто. Тот не спешил подключаться к разговору, предпочитал держаться в сторонке и хмуро поглядывал по сторонам. Особо мрачных его взглядов удостаивались служители Гильдии Стражников, которые эскортом сопровождали рыцаря и его спутников до южной границы Королевства Низовья.

– Трусливые собаки, – услышал Кейлот недовольное ворчание Лютто, – как насчет того, чтобы пойти вместе с нами, а? – и хоть фраза имела вопросительные интонации, сказана она была таким тихим голосом, что Кейлот едва расслышал ее, хотя стоял не далее, чем в двух шагах от южанина, а стражники находились еще дальше.

Вот так через месяц после рыцарского турнира новоиспеченный драконоборец и пара его оруженосцев отправились в свой последний поход. Втроем они прошли через Южные Ворота и навсегда исчезли. Никто о них больше ничего не слышал.

***

Территории к югу от Королевства Низовья были мало изучены и изобиловали всевозможными опасностями. Немногие доступные карты уже устарели и нечетко прорисовывали тамошний ландшафт. Безрезультатно провозившись с ними несколько дней кряду, Кейлот в сердцах отправил чертежи в костер. С этого момента он целиком доверил свою жизнь Лютто и Ватто. И вскоре понял, что это было единственно правильное решение. Братья-южане оказались широко осведомлены относительно всего того, что творилось на диких землях юга, и не скупились делиться собственными знаниями с Кейлотом.

Так, спустя две недели троица путешественников вступила на территорию равнинного плато Тур-Тур. Место это носило дурную славу за счет одинокой черной скалы, вздымающейся по самому центру равнины, и многочисленных котлованов, разбросанных вокруг нее. Ватто рассказал Кейлоту, что котлованы эти продавили в земле раскаленные копыта древнего демона, когда тот выбрался из земных недр и зашагал к горной расщелине Гур-ди-Пан. Там он намеревался провернуть какое-то мерзопакостное дельце: завалить расщелину лавиной или населить ее гоблинами. Только ничего у него не вышло. На открытой со всех сторон местности горный бог Виластор заметил черное чудище, метнул в него молнию, и вместо исчадия преисподней осталась лишь исполинская каменная глыба.

– Однако рановато переводить дух, господин, – предупредил Кейлота Ватто, – ибо демоническая сущность никуда не девалась. Она осталась заточенной внутри каменной глыбы. При свете дня она томится внутри, а по ночам набирается сил и перемещается по плато Тур-Тур, оставляя за собой все новые и новые следы.

История эта была рассказана у костра глубокой ночью, когда по плато разносился протяжный вой койотов, а со стороны расщелины им вторили рыки горных львов. Однако у Кейлота не было причин не доверять словам южанина.

– Как это? – недоумевал воин. – Гора может двигаться?

– Наутро сами все увидите, господин, – с напускной таинственностью ответил ему Ватто. – А теперь укладывайтесь спать.

Кейлот откинулся на спину. Над его головой, заслоняя звездное небо, простерлись ветви карликового деревца – странного гибрида сосны и акации. Лютто уже спал, разместившись среди торчащих из каменистой почвы корней и прижавшись виском к шершавой коре дерева.

– Нет, нет, нет, – покачал головой Ватто. – Последуйте примеру Лютто и прижмитесь спиной к стволу.

– Зачем?

– Там вы будете в безопасности. Дыры не возникают в тех местах, которые уже заняты корнями растений. К сожалению, акканы – единственная растительность, которая может произрастать на проклятой земле.

Кейлот предпринял несколько безрезультатных попыток выведать у Ватто, что за опасность им угрожает. Но тот не желал пускаться в объяснения. Поэтому Кейлот плотнее закутался в плащ и прижался спиной к дереву. Спать в такой позе было неудобно, но за многие годы странствований и походов Кейлот привык к разного рода трудностям, поэтому быстро провалился в сон. А наутро обнаружил, что остроконечная черная скала, возвышавшаяся накануне на юго-западе, встретила рассвет нового дня на северо-востоке, и от нее протянулась длинная косая тень, похожая на указующий перст. Кейлот не особо удивился, когда обнаружил, что, вопреки освещению, тень от горы, как стрелка часов, указывает прямо на их маленький лагерь. Тогда же воин услыхал приглушенный плеск, а в ноздри ему ударил резкий зловонный запах, от которого заслезились глаза. Кейлот повернул голову и обнаружил, что в пятнадцати футах от места их ночлега возник широкий котлован. Подойдя к краю, воин увидел, что днище ямы заполнено зеленовато-желтой дымящей жидкостью.

– Если взглянуть на яму с возвышения, то можно увидеть, что ее края имеют форму раздвоенного копыта, – сообщил Лютто.

– Откуда ты знаешь? Здесь нет ни одного возвышения.

– Просто знаю, – беспечно пожал плечами тот, после чего, очевидно, утратил интерес к происходящему.

Кейлот заметил на губах южанина не совсем уместную улыбочку. После того, как троица покинула Королевство Низовья, Лютто как будто подменили. Он буквально расцвел на глазах. И пусть первое впечатление всегда обманчиво, Кейлот не мог забыть его хмурый взгляд и недовольное ворчание.

– А тебя это как будто забавляет?

Лютто ничуть не смутился:

– Люблю водить смерть за нос, – пояснил он.

У троицы путешественников ушло пять дней на то, чтобы преодолеть проклятое плато Тур-Тур. Наутро третьего дня Кейлот увидел черную скалу далеко на севере. А на четвертое утро обнаружил, что остроконечная каменная глыба возвышается всего в полумиле от их маленького лагеря. За день они проделали немалый путь и оставили гору далеко позади. Однако ее верхушка все равно маячила на северном горизонте.

– Она может нас раздавить? – спросил Кейлот вечером, когда сгустилась тьма и черная гора исчезла из виду. Возможно, уже начала свои незримые перемещения.

– Конечно, может, – невозмутимо отвечал Лютто. – Я уверен, что войска Королевства Низовья понесли здесь наибольшие потери именно по ее вине. Поэтому не стоит пренебрегать мерами безопасности.

Утро пятого дня Кейлот и его товарищи встретили в сумраке тени, отбрасываемой черной скалой. Она возвышалась прямо над их головами, а кончики ветвей аккана, под которым путники устроились на ночь, скребли по отвесным гранитовым стенам. От горы веяло холодом, черный камень поглощал солнечные блики.

– Нам повезло, – прокомментировал это событие Лютто, в то время как Кейлот и Ватто ограничились безмолвным созерцанием черной громадины.

Однако не следует забывать и о котлованах-следах, которые тоже регулярно меняли свое месторасположение. Когда Кейлот и два его спутника осторожно, словно цепочка канатоходцев, преодолевали узкий перешеек между двумя очень близко расположенными впадинами, Кейлот увидел на дне одной из них груды белеющих человеческих костей. Плещущаяся внизу кислота еще не успела окончательно их разъесть, только немного обуглила. Присмотревшись, Кейлот увидал среди останков доспехи, оружие, полуистлевшие стяги. Понял, что под ногами у него простерлось последнее пристанище одной из королевских дивизий. На выцветших вымпелах находилось потускневшее изображение медведя – эмблема Стэджфорда, западной префектуры Королевства Низовья. Военная делегация, отправленная

этим округом, вышла в свой последний поход более четырех лет назад, и с тех пор о ней не было ни слуху, ни духу.

Проходя мимо, Кейлот прошептал молитву, а ступив на твердую землю, повернулся и отсалютовал – приложил лезвие меча плашмя ко лбу, а потом протянул руку к небесам.

Вскоре плато Тур-Тур осталось позади, превратившись из реальности в воспоминания.

Глава 2. Лютто и Ватто

Кейлот быстро нашел общий язык со своими спутниками. Очень скоро он убедился, что слова, услышанные им о братьях–южанах, совсем не соответствовали действительности. Интересно, что могло послужить причиной к подобным пересудам? В любом случае, Кейлот был рад, что не поддался чужому влиянию и не позволил неприязни пустить ростки в своем сердце. Иначе он бы никогда не познакомился с такой искрометной личностью, как Лютто, и таким рассудительным и глубоко осведомленным человеком, как Ватто.

Да, характерами братья совсем не походили друг на друга. Если в начале пути, пытаясь отличить Лютто от Ватто, Кейлот ориентировался по узкому диагональному шраму, рассекшему щеку последнего, то теперь с этим у воина проблем не возникало. Лютто был говорлив, а Ватто по большей части молчал. Лютто мог сглупить, поддавшись импульсу, зато Ватто трижды подумает, прежде чем что-то сделать. Ватто знал уйму легенд и сказаний и мог объяснить смысл любого магического явления. Лютто же был несколько туповат, и некоторые вполне очевидные вещи могли показаться ему непонятными. Зато невежество свое он с лихвой компенсировал веселым и непринужденным нравом.

Одним словом, Ватто жил умом, а Лютто предпочитал принимать решения сердцем.

Ну и, бесспорно, оба были смелыми и отважными ребятами. Эта черта, одна из немногих, объединяла и одного, и второго.

Однако существовала, как минимум, еще пара отличий, ставившая братьев… нет, не на разные ступени, скорее, на разные чаши весов, и уравновешивавшая их.

С самого начала путешествия Кейлот поглядывал на своих друзей, как на диковинку. Думал, что братья должны понять его интерес, поскольку ему еще не доводилось встречать темнокожих людей. Кейлот задавался вопросом, где же находится их родина? Какой путь они преодолели, прежде чем оказались в Королевстве Низовья, и в чем заключалась причина столь длительного странствия? Сами братья тактично избегали давать Кейлоту исчерпывающие ответы на интересующие его вопросы. И Кейлот решил, что, возможно, братьям не дают разоткровенничаться плохие воспоминания, а может, еще что-то… В любом случае, не от хорошей жизни ребята перебрались в неприветливое Королевство Низовья. Быть может, их родная страна оказалась в бедственном положении, в упадке, а может, и вовсе лежит в руинах.

Но однажды братья все же отважились пролить немного света на свое таинственное прошлое. Они признались, что, как и многие другие, приехали в Королевство Низовья в поисках лучшей жизни. Хоть чужеземцам там оказывали прохладный прием, хоть горожане презирали, а Гильдия Стражников немилосердно притесняла, все же это не отбивало у беженцев желания попытать счастья на чужбине. Они съезжались в Королевство Низовья со всех концов мира, и каждый там устраивался, как мог. Лютто и Ватто, например, стали бродячими артистами. У Лютто было гибкое тело и безупречное чувство равновесия. Поэтому он в их семейном артистическом тандеме исполнял роль акробата и канатоходца. А если судить по тем историям, которые Лютто рассказывал Кейлоту у костра, так складывалось впечатление, что он мог пройти не только по натянутому канату, а по любой, сколь бы то ни было узкой опоре.

– Еще немного, и я поверю, что ты умеешь ходить по воздуху, – прокомментировал Кейлот очередной рассказ Лютто.

– Ну, по воздуху не по воздуху, но по воде – запросто! – улыбнулся Лютто. И Кейлот решил, что красная краска, проступившая на смуглых щеках южанина – это вовсе не отсвет костра.

Ватто, несмотря на то, что был практически полной копией Лютто и некогда делил с ним лоно матери, по части ловкости и проворства сильно уступал брату. Он обладал на редкость нескладной и неуклюжей фигурой. Вот о ком Кейлот никогда бы не сказал, что он умеет ходить по воздуху, так это о Ватто. А тот и не настаивал. Однако в прежние времена, когда дуэт братьев-артистов был еще на колесах, именно Ватто, а не Лютто, играл ведущую роль в их импровизированном цирке. И был Ватто вовсе не клоуном, как кое-кто мог бы подумать, созерцая его неловкие телодвижения, а фокусником.

– И уж поверьте, – сказал Лютто, – его фокусы производили настоящий фурор среди зрителей. Без лишней скромности скажу, что большинство из них сходилось посмотреть именно на него и его рыбок. Ну, и еще на Са…

Ватто ткнул Лютто локтем в бок, чтобы попридержал язык. Кейлот этого движения не заметил.

– Да неужели! – воскликнул воин, надеясь, что нотки недоверия не просочились в его голос. Он верил в ловкость рук, но, как и любой практичный человек, не считал, что подобное умение может пригодиться кому-нибудь еще, кроме воришек.

А Кейлот был уверен, что речь идет именно о ловкости рук. О чем же еще? О шариках и разноцветных платках, исчезающих в руке фокусника и появляющихся из ушей, носов и воротников зрителей. О кроликах, которых достают из шляпы, и голубях, вылетающих из обыкновенной накидки, по просьбе артиста предоставленной одной из зрительниц. Поэтому был немало удивлен, когда Лютто повернулся к брату и с энтузиазмом попросил того продемонстрировать вышеупомянутое умение. От Кейлота не укрылось, что когда Лютто обращался к брату, то многозначительно приподнял и опустил брови, как будто намекал на что-то очень личное.

– Не знаю, получится ли, – засомневался Ватто. – Я давно не пробовал…

– Получится. Давай, – поторопил его брат.

Ватто колебался, но вскоре Лютто удалось его переубедить. Южанин поудобней устроился на земле, вытянул перед собой руки и демонстративно засучил рукава, оголив сначала левое, а потом и правое предплечье. Кейлот не сдержал улыбки, наблюдая этот отрепетированный жест – завуалированное обещание того, что все будет происходить по-честному и без обмана. Ватто тем временем соединил ладони и установил их на уровне груди, как будто собирался вознести молитву. Некоторое время сидел неподвижно. Подушечки пальцев были крепко прижаты друг к другу, а тыльные стороны ладоней слегка отодвинуты, как у ребенка, который держит в руках пойманную бабочку. Через секунду Ватто рывком развел руки в стороны.

Никаких бабочек внутри не оказалось. Но…

Кейлот подался вперед. В воздушном пространстве, ограниченном по бокам смуглыми ладонями южанина, появились беловатые сполохи. Сначала их было два. Затем появилось еще три. Очень быстро они оформились в искры. А потом возле каждой, подобно красно-оранжевому лепестку, развернулся колеблющийся язычок пламени. За первым последовал второй и третий, и вот в воздухе между ладонями Ватто зашевелили плавниками огненные вуалехвосты.

Кейлот не мог поверить своим глазам. Ну и отшатнулся, конечно же, тоже. Потому что не хотел, чтобы плавник одной такой рыбки подпалил ему волосы. Да разве ж это фокусы? Это самая настоящая магия, которой с каждым днем в Новом Мире становилось все меньше. Однако магия огня… Это был самый строптивый вид чародейства. Насколько знал Кейлот, она подчинялась только избранным. Единицы великих магов (коих сейчас практически не осталось) могли бы похвастаться подобным умением. Но Ватто…

– Ты знаешь, что у тебя в руках? – спросил Кейлот, оправившись от изумления.

– Ага, – ответил Ватто. Он разводил руки шире, и воздушный аквариум с огненными рыбами разрастался. – Это рыбки!

Как всегда, Ватто воспринял его слова чересчур буквально. Сложности перевода? Ну что ж, возможно.

– Точно. А они из настоящего огня? То есть… Я хочу спросить, если дотронусь до них, то обожгусь?

– Равно как если сунете руку в костер, господин. Поэтому не советую вам этого делать.

– И все-таки я хочу попробовать, – настоял на своем Кейлот. Он был воином и не имел к магии никакого отношения. На пальцах одной руки мог бы перечесть все те случаи, когда становился невольным свидетелем применения волшебства. Тем не менее, ему было известно одно основополагающее отличие между магией и иллюзией. Первая имела разящую силу, в то время как вторая была призвана вводить в заблуждение. И теперь Кейлот хотел удостовериться, что не стал жертвой зрительного обмана.

Он пошарил рукой по земле и отыскал хворостинку. Поднял ее и осторожно поднес к воздушному аквариуму, в котором плавало пять огненных рыбок. Тела их были оранжево-красными, боковые плавники – голубоватыми, а хвосты состояли из белого пламени и, извиваясь в воздухе, разбрасывали снопы искр. Одна из рыбок, заинтересовавшись странным подношением Кейлота, подплыла ближе и решила попробовать подарок на вкус. Ухватила ртом кончик хворостинки, и та вспыхнула, как лучина. Загоревшийся огонек быстро побежал вниз по дереву, и Кейлот поспешил отбросить хворостинку.

– Вот это да! – воскликнул он, глядя, как щепа стремительно превращается в пепел.

– Вы удовлетворены, господин? – спросил Ватто.

– Удивительно! Почему ты раньше не говорил, что владеешь таким редким видом магии?

– Редким? О нет, господин, – усмехнулся Ватто. – Наш народ всегда это умел.

– Колдовать?

– А почему бы нет? Для нас здесь нет ничего удивительного.

– Ничего удивительного? – воскликнул Кейлот и опустил глаза на свои руки, которые умели одно время управляться с мечом, потом перешли на кузнецкий молот и клещи, а теперь вот вновь взялись за старое, за меч. Однако никогда не умели творить магические пассы.

Ватто нисколько не смутился:

– Я понимаю ваше замешательство, господин. Магическое искусство достаточно сложно и опасно, чтобы браться за него без должной подготовки. Но есть люди, которых не надо ничему обучать. Это у них в крови.

– Ты хочешь сказать, что уже родился с этим умением?

– Да.

– И никто ничему тебя не обучал?

– Смотря, что понимать под обучением – самопознание или овладение новыми навыками при помощи старшего наставника.

– Как ни назови.

– Отчасти первое, отчасти второе.

– То есть, у тебя все-таки был учитель?

– Да, мы называли его Сеньор Магистр.

– Он…

– И он уже давно умер, – перебил Кейлота Ватто, поспешностью своей намекая на то, что ему не хочется продолжать разговор в прежнем русле. Возможно, из-за скорби по доброму наставнику.

– Ясно. Стало быть, вы оба – искусные колдуны.

– Отнюдь. Моя магия очень слаба. По сути, это всего лишь отголоски былых способностей, которыми обладали наши предки. А магия Лютто так и осталась не проявленной. Мы даже не знаем, какую стихию он бы мог себе подчинить...

Кейлот широко раскрыл глаза и быстро закачал головой.

– Однако… Что за народ были ваши предки? И за какие заслуги бог одарил их таким могуществом?

– По этому поводу было сложено немало баллад и песен. Однако аккорды прежних мелодий позабыты, а легенды давно превратились в мифы. Теперь я могу ответить на это лишь то, что наш народ был особенным. Он представлял собой закрытую расу и… Вы же понимаете, что означает слово «закрытая»?

– Очевидно, ваши предки не отличались выраженным гостеприимством?

– Не совсем так. Но мы свели к минимуму контакты с внешним миром.

– С внешним миром? Ваша родина, стало быть, располагалась на островах?

– Да, – с явной неохотой признал Ватто. – В Королевстве Низовья не любят чужеземцев. Ваш король побаивается того, что, если чужаков на территории его вотчины соберется чересчур много, то им станет под силу подорвать устои общества. Должен уверить, что в наших родных краях чужеземцев не жаловали совсем по иным причинам.

– Да, – подключился к разговору Лютто, который лежал на траве по другую сторону костра, подперев голову рукой, и если и наблюдал за проделками брата, то только из уважения, чем из интереса. – Мы, конечно, были радушными и гостеприимными хозяевами, но только до тех пор, пока намерения наших гостей были очевидны и не выходили за рамки приличия. В противном случае, приходилось применять силу.

– Я надеюсь, обходилось без кровопролития? – заметил Кейлот.

– Вы – воин, господин, – сказал Ватто, – потрудитесь ответить, как много конфликтов оканчивается поножовщиной?

– Большинство.

– У нас это называлось ответить любезностью на любезность.

В это время одна из рыбок устремилась во внешнее пространство. Ватто сосредоточил на беглеце взгляд, и огненная рыбешка

забарахталась в воздухе, бессильно ворочая окостеневшими плавниками. В конечном счете, существо было вынуждено вернуться обратно в аквариум. Со злости оно попыталось укусить Ватто за большой палец левой руки, но волшебник вовремя увел его в сторону, а потом усилием мысли заставил бойцовскую рыбку раствориться в воздухе, от греха подальше.

Кейлот так и не понял, сделал ли Ватто подобный трюк намеренно, чтобы продемонстрировать, какое наказание его предки предусматривали для своих неблагодарных гостей. Или огненные рыбы действительно обладали собственной волей и ярким темпераментом, чтобы противиться воле чародея, создавшего их из небытия.

– Ладно, – согласился Кейлот, – цель оправдывает средства. Но какова была эта цель?

– Поддержание чистоты крови. Каждый представитель нашего народа обладал одним видом магии – магией земли, воды, огня или воздуха. И она передавалась исключительно по наследству.

– Одна из четырех, – уточнил Кейлот, – и не больше?

– Непременно. Сейчас я затрудняюсь назвать вам причину разделения – своими корнями она уходит в далекое необозримое прошлое, когда людей на земле было мало, а многочисленные чудовища старались сделать их род еще меньше. Смею предположить, что способность управлять каждой из четырех стихий была дарована богами нашим предкам для того, чтобы успешно обороняться от монстров. И, может, на первых порах так оно и было. А потом, когда численность чудовищ значительно поубавилась, и те принялись более осмотрительно вести себя по отношению к людям, необходимость использовать боевую магию отпала сама собой, и наши сверхъестественные способности начали притупляться. Однако некоторое время они были еще на достаточно высоком уровне. Но после того как весь наш народ… – Ватто выдержал долгую скорбную паузу, после которой Кейлоту не надо было пояснять, что с этими людьми случилось нечто ужасное. – Наша магия превратилась в атавизм и теперь годится разве что на такие вот фокусы.

С этими словами он принялся медленно сводить ладони, а рыбки в воздушном аквариуме, почувствовав неладное, засуетились, беспокойно заметались из стороны в сторону. Выглядело это как колыхание огоньков четырех свечей под внезапным порывом ветра. Наконец, Ватто соединил руки, рыбки исчезли, а над сомкнутыми ладонями южанина поднялась струйка сизоватого дыма.

– Вот так, – возвестил маг, но не с той таинственной улыбкой, которую в конце представления видели на его губах зеваки с базарных площадей. Кейлота он одарил грустной, почти обреченной усмешкой. У воина холодок пробежал по спине, когда он вдруг понял, что понимает ее смысл.

Когда Ватто вновь разъединил ладони, больше ничего не произошло.

– Это все, что ты умеешь? – заговорил Кейлот, нарушив затянувшееся молчание.

– Теперь – да.

Никто из братьев не рассказал Кейлоту о том, что же все-таки случилось с их народом, с их близкими и семьей. Как так получилось, что Лютто и Ватто оказались последними представителями некогда великой расы. Однако в безмолвной агонии огненных рыбок, появившихся и исчезнувших между ладонями Ватто с такой же легкостью, с какой появляется и исчезает солнечный свет в просвете между ветвями, Кейлот увидел некий тайный подтекст. И эта недосказанность долго не давала ему уснуть, когда он улегся на бок, отвернулся от костра и смежил веки.

***

Путь продолжался. Кейлот и два его спутника преодолели Дымный Лес, где росли лавовые деревья, а в воздухе витал пепел. Это оказался достаточно трудный переход. В лесу было жарко, густой дым затруднял дыхание и выедал глаза. Чтобы преодолеть это гиблое место, необходимо было находить циркулирующие потоки чистого воздуха, а они не всегда совпадали с проходимыми местами. Иногда приходилось с боем продираться через дебри. За дымной пеленой бродили странные

и, судя по поступи, очень большие звери. Кейлот догадывался об их присутствии только по мощному хрусту валежника. Но, слава богам, их дороги ни разу не пересеклись.

Путники прошли через равнины и пустоши, где когда-то простирались поля, а теперь буйно разросся сорняк, и каталось перекати-поле. Спускались в каньоны и по старым хлипким мосткам переходили глубокие ущелья. У путешественников случались стычки с враждебно настроенными существами, населяющими эти земли. Встречались и дикие животные, наделенные задиристым нравом. Эти последние подкрепляли свои претензии на территорию ядовитыми жалами, острыми клыками и длинными когтями. Но все поединки заканчивались для троицы благополучно, благодаря искусному обращению Кейлота с мечом и своевременной помощи братьев-южан.

Вспоминая пройденный путь, воин не раз ловил себя на мысли, что было бы неплохо по возвращении домой составить более подробную карту южных земель с пространными описаниями всех коварных ловушек, подстерегающих на пути, дабы упростить другим людям путешествие по этим краям. Только потом он заставлял себя спуститься с небес на землю и признать, что никакого возвращения домой не будет. Это путь в один конец. Потому что Алмазный Дракон – это не койот, и даже не горный лев, и из стычки с ним невозможно выйти победителем. Исходя из сказаний и легенд, существо это было практически неуязвимо – смертоносное дыхание ящера держало всех врагов на почтительном расстоянии, а от выпадов тех, кто осмеливался подобраться ближе, чудовище страховала непробиваемая алмазная броня.

Путешествие подходило к концу. Кейлот понял это, когда взойдя на очередной пригорок, увидел вдалеке, за лесом, подножие Хрустальной Горы. Ее верхушка пряталась за облаками. Вообще, эта гора целиком состояла из хрусталя. Это был своеобразный айсберг, гигантская хрустальная глыба, вертикально торчащая из земли, словно клык. Тысячи ветров и бурь, прошедших с начала времен, нанесли на ее склоны грязь и песок. Так образовался слой суглинка, на котором позже, цепляясь хваткими корнями за отвесные склоны, начали произрастать высокогорные растения.

– Сколько дней пути до подножия? – спросил Кейлот у Лютто, который шел следом за ним.

– Пять, – моментально ответил тот без раздумий, только бросил беглый взгляд на зеленый покров леса впереди.

– Пять? – уныло протянул Кейлот.

– Да. И если вас, господин, это интересует, день-два на восхождение.

– Понятно. Надеюсь, этот лес, что перед нами, не дымный? Я вижу огромное облако, зависшее над деревьями почти у самого подножия.

– Нет, – улыбнулся Лютто, и для того, чтобы заметить серый полог в двадцати лигах впереди, ему, в отличие от Кейлота, не понадобилось прищуривать глаза. Кейлот списал это отличие на возраст – он не знал, сколько на самом деле лет было Лютто и Ватто, но выглядели они так, будто только вчера прошли обряд инициации. – Это вовсе не дым, а туман.

– Туман?

– Ну, не туман... Я бы назвал это испарениями – так точнее. Похоже, двадцать-тридцать последних миль нам придется пройти по прекрасному болоту.

– Боюсь, под словом «прекрасное» ты подразумеваешь не внешнюю красоту.

– Совершенно верно. Я имею в виду, что болота эти просто чудовищны, как по своему виду, так и по содержанию.

– Час от часу не легче, – вздохнул Кейлот.

Они спустились с холма и углубились в дремучий лес.

Глава 3. Ночной визитер

Путники продвигались по лесу вторые стуки. Воодушевляло то, что за все это время на пути не повстречалось ни одной серьезной опасности, хотя непролазные дебри и изобилие всякой живности способствовали этому как никогда. Впрочем, иных поводов для радости пока не было. Лес, по которому довелось идти, назывался Мрачным, и Кейлот повстречал немало доказательств того, что это прозвище оказалось весьма метким. Густой подлесок и деревья, практически сраставшиеся стволами, превращались в серьезную, а порой и непреодолимую преграду. А крепкие ветви сплетались столь тесно, что заставляли надолго позабыть о синем небе и ярком солнце над головой. О том, что день сменяется вечером, а ночь – утром, Кейлот догадывался по пению птиц: по утрам трелями заливался жаворонок, а ночью начинали свою охоту совы и филины.

В авангард небольшого отряда был негласно поставлен Лютто. Кейлот уже давно отметил, что южанин умеет хорошо ориентироваться на местности и безошибочно находит спасительные пути даже в самых дремучих лесах. Возможно, это было как-то связано с его исключительным чувством равновесия или прирожденной гибкостью. В любом случае, путникам еще ни разу не довелось усомниться в правоте его слов и дельности советов. Следом шел Ватто. Замыкал процессию Кейлот. С момента вступления под сень Мрачного Леса его не покидало чувство того, будто за ними кто–то идет. Весомые доказательства в пользу этого весьма тревожного подозрения отсутствовали, и воин при всем желании не смог бы объяснить, что подвигло его на подобную мысль. Однако Кейлот давно уже привык полагаться на внутреннее чутье, а потому с готовностью взял на себя роль бдительного дозорного и с удвоенным вниманием реагировал на каждый вскрик, шорох или треск, которые были отнюдь не редкостью под сенью зловещего Мрачного Леса. Не переставал напоминать себе, что здесь полным-полно живности, в кронах деревьев обитает множество диковинных птиц, и только богам известно, какие у них повадки, голоса и, что немаловажно, габариты. Однако почему-то сам с трудом в это верил.

Во вторую ночь, которую отряд провел в лесу, Ватто сменил Кейлота на ночном дежурстве. Кейлот улегся возле костра, потому что в Мрачных Лесах с наступлением ночи ощутимо холодало, завернулся в плащ и моментально уснул. Ватто привалился спиной к стволу ближайшего дерева. Южанину полагалось следить за лагерем и поддерживать горение костра. Что-что, а это не должно было составить большого труда.

Кейлот проснулся на рассвете от того, что продрог до костей. Он оглянулся, чтобы посмотреть на костер, но над кострищем давно перестал виться дымок, а угли едва розовели из-под слоя пепла. Ватто спал сидя, все так же опираясь спиной о ствол дерева и свесив голову на грудь, из чего следовало, что заснул он практически моментально, как только заступил на вахту. А в его вещевом мешке ковырялось какое–то черное существо. Было еще очень рано. Слабое сияние утра едва просачивалось сквозь густые кроны деревьев, а розоватый отблеск углей нельзя было назвать надежным источником света, поэтому Кейлот очень смутно видел пришельца. О присутствии чужака говорил лишь шорох, с которым тот переворачивал содержимое походного мешка Ватто. Кейлот подумал было, что это енот или лисица. Только сразу же усомнился в своем решении – неясные очертания гостя подсказывали ему, что существо сидит на корточках и довольно ловко роется в мешке обеими руками. Насколько знал Кейлот, ни еноты, ни лисицы делать этого не могли.

Воин перевернулся на живот. Медленно подтянул одно колено, потом другое. От долгого лежания у него затекли ноги, и когда Кейлот подтягивал левую, колено громко хрустнуло. Черное существо на миг замерло. Мужчина услышал сопение. Потом все затихло. Кейлот ничего не видел и не слышал, но выжидал. Чужак, вероятно, оказался в таком же положении. Если он мог видеть в темноте, то никак не воспринял перемену позы дотоле спящего человека.

Кейлот не знал, что делает Лютто. Скорее всего, спит. По его разумению, южанин должен был составлять третью вершину треугольника, который образовывала их маленькая компания, располагаясь на ночь вокруг костра. А если так, то он находился на таком же расстоянии от незваного гостя, что и Кейлот. Только меча при

нем не было. Все, чем был вооружен Лютто – это короткий кинжал и серебряный топорик с длинной рукоятью. Кейлот счел, что арсенал для нападения невелик. Но тут же переменил свое мнение, и не в лучшую сторону, когда вспомнил, что вооружение Ватто составляло все то же самое, с той только разницей, что теперь его добро находилось в лапах чужака.

«Ох, лучше бы Лютто не спать», – подумал Кейлот, переживая за жизни друзей и молясь всем богам, чтобы непрошеный гость оказался достаточно самонадеянным и не воспользовался ни одним из подвернувшихся под руку предметов.

Шорох возобновился. Видимо, пришелец решил, что встрепенулся по ложной тревоге. Для Кейлота же это был сигнал к действию. Когда он спал, то его собственный вещевой мешок находился под головой, а ножны с мечом – под левым боком. И сейчас Кейлот взялся за рукоять меча и принялся осторожно его вытаскивать. Тогда еще не мог с уверенностью сказать, что именно он намеревается сделать с непрошеным гостем: просто напугать или снести голову с плеч. Все зависело от того, как поведет себя пришелец: пустится наутек или примется нападать.

Кейлот медленно приподнялся, опираясь на локти и колени. Кисть правой руки он повернул таким образом, чтобы сразу нанести серию рубящих ударов. Разумеется, он воздавал должное и острию меча, но в кромешной тьме от него было мало толку. Воин осторожно выставил вперед левую ногу и уже изготовился броситься в бой, когда черное существо, почуяв неладное, резко оглянулось. У Кейлота перехватило дыхание. В темноте, в паре футов над землей проплыли светящиеся глаза пришельца – четыре желтых треугольника.

Чудовище! Кейлот думал, что имеет дело со зверем. В крайнем случае, с одичавшим лесным жителем. Но внешний облик ночного гостя оказался просто невообразим, и не внушал ничего кроме ужаса и отвращения.

Все, дальше медлить не имело смысла. А возможно, было даже опасно. Кейлот с силой оттолкнулся и бросился на врага. Он ударил наотмашь, целясь на пару-тройку дюймов ниже горящих в темноте глаз.

Так Кейлот имел все шансы отрубить ночному визитеру голову и избавить себя от дальнейшей мороки. Лезвие грозно засвистело. Но прежде чем оно, не поразив цели, врезалось в ствол дерева, воин увидел, как четыре сверкающих треугольника разрослись, превратившись в два круглых желтых глаза, вполне обычных, если не считать черных вертикальных зрачков. Уже потом Кейлот догадался, что именно зрачки делили прищуренные глаза ночного гостя на желтые треугольники. Но это уже не имело никакого значения.

Черное существо пронзительно взвизгнуло и шарахнулось в сторону. Одна его нога зацепилась за лямку вещевого мешка, и незнакомец со стоном повалился наземь. Кейлот быстро перехватил меч и, молниеносно развернувшись, всадил его в землю в то место, где, по его разумению, должен был распластаться пришелец. Но снова промахнулся, и лезвие меча на добрый фут ушло в почву. Незваный гость тем временем откатился в сторону. Суча ногой, он пытался сбросить с нее лямку вещевого мешка. Наконец, ему это удалось, и желтоглазое существо в мгновение ока снова оказалось на ногах. Но Кейлот уже вытащил меч из земли и предпринял новый выпад. Меч описал в воздухе кривую дугу и неминуемо снес бы ночному посетителю макушку, если бы существо не пригнулось. А когда воин разогнул руку и прошелся мечом в обратном направлении, ночной гость избежал удара благодаря тому, что, подпрыгнув, взмыл высоко в воздух и с легкостью мотылька перемахнул человеку через голову.

Кейлот просчитался – существо не было настроено враждебно. Возможно, в его повадках и была заложена известная доля агрессии, да только основывалась она на эффекте неожиданности, который черное существо безнадежно утратило, нарвавшись на поединок. Да, тварь оказалась ловкой и проворной, а тело ее было гибким, как шпагат. Но утратив преимущество, пришелец пытался быстрее скрыться. Одним прыжком он перемахнул через всю поляну, нырнул в кусты и был таков. Кейлот не обладал подобной быстротой. А потому подскочил к еще колышущимся ветвям кустарника и пару раз наобум ударил по ним мечом. Однако обоюдоострое лезвие не перерубило ничего, кроме нескольких особо толстых ветвей.

Вспыхнул яркий свет. Ватто проснулся, применил свою магию и поджег пару сухих поленьев, тем самым дав вторую жизнь погасшему костру. Однако его магия была чересчур слаба, чтобы южанин только лишь с ее помощью мог поддерживать горение.

– Что случилось? – воскликнул он, увидев свой распотрошенный вещевой мешок. Чугунки и кастрюльки, которые южанин нес с собой, валялись вокруг мешка. Тут же лежал порванный кисет с нюхательной солью – была у южан к ней известная слабость.

– Ты заснул на посту – вот, что случилось! – жестко растолковал ему Кейлот.

Лютто открыл глаза и теперь сидел, сонно озираясь по сторонам.

– Где твой кинжал? – сурово спросил Кейлот, усаживаясь на корточки перед Ватто. Южанин с растерянным видом перебирал свои пожитки, пытаясь определить, все ли из них на месте. Походную посуду он сложил в одну сторону, съестное – в другую, остальные вещи вывалил посередине. Кейлот облегченно вздохнул, когда обнаружил там, среди всего прочего, изогнутый кинжал в кожаных ножнах. Но тут взгляд воина упал на разорванный кисет с солью. Грубая ткань мешочка была даже не распорота, а рассечена каким-то очень острым предметом. Кейлот не думал, что ночной гость воспользовался подручными средствами, чем-то вроде осколка стекла или заточенной монетки. Ни то, ни другое не смогло бы так безупречно разрезать ткань. Наверняка, у пришельца имелось нечто такое, что вкупе с быстротой и прыжками могло сделать его очень опасным противником.

– Почему ты носишь кинжал в своем вещевом мешке? – сухо вопросил Кейлот.

Ватто не нашелся с ответом. Да и разве можно дать объяснение обыкновенной небрежности? Кейлота разозлила подобная беспечность. Он привык иметь дело с людьми, которым не надо объяснять, что оружие должно находиться в пределах непосредственной досягаемости, ибо в экстремальных условиях потребность в нем может возникнуть внезапно, а любое промедление будет стоить жизни. Ватто, судя по всему, подобной науке никто не обучал.

Южанин открыл было рот, но Кейлот не дал ему ничего сказать:

– Пристегни его к ремню, и быстро!

Ватто подчинился. Его поступок заставил Кейлота стиснуть зубы.

– Ты левша? – сдержанно спросил он.

– Нет.

– Тогда почему цепляешь ножны с кинжалом справа?

– Потому что вы приказали его пристегнуть, вот я и…

Кейлот глубоко вдохнул. Успокаивал себя тем, что Ватто – маг, а магу простительно быть неосведомленным по части холодного оружия. Но, насколько он знал, даже в магическом поединке бывают случаи, когда противники оказываются на столь близком расстоянии друг от друга, что куда проще пустить в ход кинжал или стилет, чем сотворить очередное заклинание.

– Ладно, – сказал он. – Перемести его влево. Так тебе не придется сгибать правую руку и откидывать полу плаща, чтобы быстро вооружиться.

Ватто исполнил поручение Кейлота, и они продолжили изучать вещи, разложенные на земле.

– Не могу понять, – промолвил Ватто, отправляя обратно в мешок пакет с сухарями, несколько пресных лепешек, завернутых в вощеную бумагу, и пучок корней лакричника, что являлись походной аналогией тростникового сахара. – Из съестного ничего не тронуто. Значит, это был не зверь.

– Ничего не пропало? – удивился Кейлот. Он был близок к тому, чтобы махнуть на ночное происшествие рукой. И если бы его меч все-таки настиг беглеца и снес ему макушку, то Кейлот бы уже горько сожалел об этом.

– Нет, – медленно проговорил Ватто. – Топорика нет.

– Что? – изумился Кейлот, почувствовав, как внутренности покрываются инеем.

– Да. Оно унесло только топорик.

– Только топорик! – в сердцах воскликнул Кейлот. Он едва не стукнул себя ладонью по лбу. Ну, конечно. Топорики южан были идеально острыми, недаром же и Ватто, и Лютто, так старательно затачивали их каждый вечер. Кейлот не сомневался, что разрез на кисете был оставлен именно им. Разве ночной гость наведывался в их лагерь, чтобы разжиться чем-то съестным? Нет. Он шел за путниками и прятался, когда привлекал к себе их внимание, потому что был безоружен. Теперь он заполучил замечательное оружие – серебряный топорик с достаточно длинной рукояткой, чтобы вонзить его кому-нибудь в голову, оставаясь при этом незаметным.

– Прекрасно! – Кейлот обрушил ладонь на колено, и прокатившийся громкий хлопок спугнул птиц в кронах ближайших деревьев. – Как можно быть таким беспечным и безответственным, Ватто?

– Извините, господин! Сам не знаю, как это произошло! Изви…

– Нет, Ватто, я не могу тебя простить! Только не в этот раз! Это не пустяк. Благодаря тебе наш враг разжился отличным оружием, и в будущем оно может оборвать жизнь кому-нибудь из нас. Молодец, Ватто! Теперь я никогда не оставлю тебя на дежурство. Никогда! Радуйся, ибо отныне ты всегда будешь спать по ночам. Но не надейся на безмятежные сны, потому что в любой момент можешь проснуться и обнаружить меня, своего брата, а то и нас обоих – мертвыми.

Ватто смотрел на Кейлота невероятно огромными глазами. Кейлот не знал, стояли ли в них слезы, или это был всего лишь отсвет костра. Да ему было все равно – в военное время за такие оплошности расплачивались жизнями. Еще неизвестно, каким боком выйдет им эта.

Он встал, отряхнул колени от налипших травинок и вернулся к своему вещевому мешку.

– Собирайтесь. Отдых окончен. Отправляемся прямо сейчас. Не хочу рисковать, оставаясь здесь после всего случившегося.

– Господин Кейлот, смотрите-ка! – позвал его Лютто. Он стоял возле кустов, верхушка которых была аккуратно и ровно ссечена мечом его командира

– Что там? – буркнул он, но все же встал и подошел.

– Вон, – Лютто указал на что-то в глубине зарослей. Поначалу Кейлот не понял, что именно. Но потом присмотрелся и увидел на одной из ветвей зацепившийся клочок черной шерсти. Кейлот протянул руку, осторожно снял его двумя пальцами, словно ядовитого паука. Повернулся к костру.

– Что скажете, господин? – поинтересовался Лютто, склонившись над правым плечом Кейлота. Ватто склонился над левым.

– Трудно что-то сказать, знаешь ли. Это не собачья шерсть и не волчья… Нечто подобное я видел у горцев, когда наша дивизия вела бои с высокогорными бастионами на северо-востоке. Горцы носили черные полушубки из шерсти яков. Но я сомневаюсь, что наш ночной визитер – некая отдаленная их родня. Уж как он сигал… Ни одно копытное не совершит подобный прыжок… Если только это не горный козел.

– Вокруг хватает странных существ, – осмелился подать голос Ватто.

– Совершенно верно, – согласился Кейлот, и у Ватто отлегло от сердца. Кейлот мог бы проигнорировать его реплику, и тем самым подчеркнуть свою обиду. Но коль скоро он поддержал разговор, значит, не собирался долго злиться.

Тем временем Кейлот поднес клочок черной шерсти к лицу и осторожно понюхал. Тут же отшатнулся назад.

– Фу! – выдохнул он. – Ну и вонь!

– В самом деле? – ухмыльнулся Лютто, протягивая руку за клочком шерсти. – Можно я? – он тоже поднес добычу к лицу, осторожно втянул в себя воздух и непроизвольно повторил движение своего командира. – Да уж, не благовония – это как пить дать. Но и яками тоже не пахнет.

– А чем же тогда? – спросил Кейлот.

– Это не животный запах, господин. Если у шерсти и был когда-то собственный аромат, то его давно перебил… вот этот.

– А можно и я попробую? – несмело предложил Ватто. И брат с готовностью протянул ему пучок мягких черных волосинок. Ватто последовал всеобщему примеру – поднес руку к носу, убрал. А потом сделал невообразимое – повторил эксперимент. Снова поднес руку к лицу и снова убрал ее. И так несколько раз. В перерывах между попытками он делал непродолжительные паузы, прислушиваясь к собственным ощущениям. Кейлот и Лютто терпеливо ожидали его ответа. Наконец Ватто отбросил шерсть. Она угодила в огонь и бесславно там сгорела. То есть не последовало ни вспышки, ни искр.

– Ну и что? – спросил Лютто. – Псина?

– Навоз? – предположил Кейлот.

Ватто покачал головой, тем самым ответив на оба вопроса.

– Сера, – подытожил он.

Кейлот и Лютто встретили его вердикт гробовым молчанием. Кейлот не знал, что чувствовал Лютто и о чем думал Ватто, но только его собственный кишечник, похоже, решил свернуться клубком. Сера. У Кейлота она ассоциировалась с рассказами деда о преисподней. А еще с плато Тур-Тур и демонической горой. На дне тех самых впадин, что появлялись то здесь, то там, и в полночь могли запросто поглотить спящее и ничего не подозревающее войско, плескалась зеленовато-желтая жижа, и шел от нее точно такой же зловонный, серный запах. Неужели черное существо выбралось оттуда и увязалось за ними? И если так, то неужели же оно плелось следом целых два месяца и он, Кейлот, обнаружил его присутствие только сейчас?

«О, горе тебе!», – в голове прозвучал голос старого вояки Ретрика Свирепого, который муштровал Кейлота в бытность последнего зеленым юнцом. Подобная фраза всегда предваряла гневную тираду, обрушивавшуюся на голову мальчика за любую допущенную провинность.

– Кейлот? – позвал его Лютто, отметив полнейшее замешательство на лице командира.

– За нами идет жуткое существо, – медленно проговорил он. – Коварное и опасное… Вооруженное, по меньшей мере, топориком Ватто. Так что, если вам дорога жизнь, будьте начеку.

Глава 4. О сущности проклятий

Кейлот не относил себя к суеверным людям, однако и он не мог отделаться от мысли, что день, не задавшийся с самого утра, едва ли изменится к вечеру. Зловещая атмосфера Мрачного Леса как никогда располагала к подобным пессимистичным мыслям, но вскоре и с ней начало твориться что-то неладное, что, впрочем, тоже не сулило ничего хорошего. Чем дальше продвигался отряд, тем все более ощутимой становилась близость туманного облака, которое Кейлот и его спутники увидели с пригорка, прежде чем углубились в чащу. Воздух сделался влажным, почва потеряла твердость, и сапоги путников начали оставлять на ней легкие следы. Еще не увязали, но Кейлот понимал, что все к тому шло. Роса на листьях папоротников могла продержаться с раннего утра до позднего вечера, пока не обращалась в крошечные ледышки, а порой капли ее оказывались настолько велики, что могучие листья прогибались под их тяжестью.

– Что это еще за новая напасть? – Кейлот пригладил рукой волосы. Он обратил внимание на то, что с каждым шагом в лесу становится светлее, а воздух буквально звенит от непрерывной капели.

– Это место, где Мрачный Лес переходит в Лес Плача, – обернулся Ватто.

– Лес… Палача? – хмурясь переспросил воин.

– Нет. Лес Плача, – поправил его Ватто. – Там довольно светло, не в пример Мрачному Лесу. Но дер…, – договорить он не успел, потому что его правая ступня зацепилась за выступающий корень.

– Ватто! – Кейлот попытался схватить его за руку и предотвратить падение, но кисть воина прошла в паре дюймов от локтя южанина, так

что Ватто беспрепятственно нырнул своим многострадальным носом в заросли папоротника.

– Ах, проклятье… – глухо и раздосадовано выругался он.

Лютто остановился, мгновенно обернувшись на шум. В руке у него что-то блеснуло. Кейлот пригляделся и мысленно похвалил парня за то, что тот успел выхватить кинжал. В будущем подобная быстрота могла сыграть ему на руку.

– О, Небеса! Ватто, какой ты неуклюжий! – невесело усмехнулся Кейлот, протягивая руку, чтобы помочь южанину встать. – Тебя часом никто не проклинал?

– Нет, господин, – Ватто потер ушибленное колено, а потом коснулся носа, чтобы проверить не течет ли кровь. – Кроме вас, никто.

Кейлот оторопел.

– Я тебя… что?

– Прокляли, господин. На ночные кошмары, – тем не менее, в голосе Ватто не звучало ни обиды, ни упрека. Хотя он имел на них полное право, если в его словах была истина.

– Ты что-то путаешь! Я ничего такого не говорил!

– Сказали, господин. Когда я заснул во время ночного дежурства. Вы еще сказали, что больше никогда не оставите меня на посту, и отныне все ночи напролет я буду спать, однако не так безмятежно, как прежде.

Кейлот взглянул на Лютто в поисках поддержки. Но тот лишь мрачно кивнул в подтверждение слов брата. Лицо его было непроницаемо и неумолимо, как у судьи. Если кто и корил Кейлота за содеянное, так только он. Воин внезапно вспомнил, как Лютто держал себя в присутствии королевских стражников, и ему не хотелось видеть его таким вновь.

– Говорили, господин. Я был тому свидетелем.

– И это проклятье? – недоумевал Кейлот. Какое-то страшное и очень черное воспоминание зашевелилось в голове, но воин предпочел

не видеть, как кобра раскрывает капюшон, а размытые образы обретают четкость. То были призраки прошлого, а им следовало оставаться в Денвилле.

В ответ на его вопрос Лютто и Ватто синхронно кивнули.

– Но я был просто зол, – принялся оправдываться Кейлот. – Зол и раздосадован, больше ничего. У меня и в помыслах не было… Я не хотел, ты понимаешь, Ватто?

Ватто сочувственно улыбнулся, словно вовсе не винил Кейлота в том, что тот отплатил ему такой монетой за помощь и верную дружбу.

– По-другому и быть не могло. Разве радостные люди склонны кого-то проклинать? Их голоса слишком высоки, а лица повернуты к небу, поэтому сказанные слова плохо слышны под землей и не достигают маленьких ушей Локи-шана. А вот к тому, что люди говорят в моменты досады, обиды или злости, он прислушивается очень внимательно. Лица таких людей обращены к земле, и пусть говорят они очень тихо, Локи-шан прекрасно их слышит. И рад исполнить все сказанное. Поэтому, господин, когда вас разбирает досада или злость, нужно тщательно взвешивать каждое слово.

– Кто такой этот Локи-шан? – спросил Кейлот.

– Это бог злорадства, – пояснил Лютто, держа руки скрещенными на груди.

– Что–то вроде дьявола?

– Нет. Дьявол – это дьявол. А Локи-шан – это темный бог, представитель нашего пантеона. Он и впрямь живет под землей, но не в Чертогах Проклятых, а в темных пещерах, которые лишены украшений или каких-либо иных отличительных особенностей. В мифах это довольно тусклое и унылое место. Души людей, которые позволили зависти завладеть своим сердцем или ценили мщение превыше иных земных радостей, вынуждены после смерти обитать в аду однообразия. Существует поверье, что они превращаются в кротов и проводят целую вечность, роя новые подземные ходы для своего повелителя.

– Вот оно что, – протянул Кейлот. – Чудная ваша религия.

– Так и что? – в голосе Лютто прозвучало возмущение. Выглядел он оскорбленным. Кейлот счел, что при других обстоятельствах из него мог бы получиться замечательный религиозный фанатик.

– Мы, в Королевстве Низовья, верим в одного бога, – пояснил воин. – Ну, в двух, если считать дьявола его темной альтернативой.

– Если вы не верите в наших богов, это еще не означает, что их не существует, – довольно прохладно возразил Лютто.

– Ну, ладно–ладно, – сказал Кейлот, вскидывая руки ладонями вверх. Меньше всего ему сейчас хотелось вести философские дискуссии. – В любом случае, я не хочу, чтобы Ватто страдал из-за моей минутной слабости. Как я могу снять это проклятие?

Лютто и Ватто обменялись взглядами, которые совсем не понравились Кейлоту. В тылу он не раз замечал, как такими же молчаливыми взорами обменивались лекари, собиравшиеся отрезать раненному изувеченную конечность. Они превращали его в калеку, но зато спасали тело от гангрены.

– Я сделаю все, что в моих силах, – поспешил заверить их Кейлот, чтобы братья не думали, будто он собирается спасовать.

– Дело в том, – заговорил Ватто (их с братом дуэль взглядов лишь определяла, кому следует взять на себя смелость и поведать Кейлоту суровую правду; выбор пал на Ватто). – Вы уже ничего не сможете сделать. От проклятия я могу избавиться сам, но только в том случае, если искуплю свою вину.

– Каким образом? – спросил Кейлот.

– Если спасу вам жизнь. Сегодняшней ночью я пренебрег ею, но впредь мне следует быть очень осмотрительным.

– Если учесть, куда мы направляемся, то осмотрительность тебе вряд ли пригодится. Насколько я знаю, Алмазному Дракону не известно слово «пощада». Сомневаюсь, что он вообще понимает человеческую речь.

– Поэтому мне придется в известной степени изловчиться. В предстоящей схватке с Алмазным Драконом вашим оружием будет меч. Позвольте же мне стать вашим щитом.

Кейлот не знал, что и сказать. Путешествие Лютто и Ватто по уговору, заключенному еще в Королевстве Низовья, заканчивалось у подножия Хрустальной Горы. Их задача состояла в том, чтобы сопроводить воина к логову чудовища и предоставить ему в одиночку разбираться с исполинской тварью. И до недавнего времени подобный исход вполне устраивал обе стороны – братья-южане могли не рисковать, подставляясь под смертоносное дыхание Алмазного Дракона, а Кейлот получал возможность всецело сосредоточиться на поединке, не задумываясь о жизнях тех несчастных, коими пришлось пожертвовать ради отвлекающего маневра.

– Ватто, мы оба погибнем. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Если я не спасу свою душу, то кошмары будут преследовать меня и в загробной жизни, – невозмутимо пояснил южанин. – Превратиться в стеклянную статую куда как лучше, чем целую вечность трудиться в подземельях Локи-шана.

– В таком случае, – сказал Кейлот, не найдя особых преимуществ ни в первой, ни во второй озвученной перспективе, – эту последнюю черту мы переступим вдвоем.

– Втроем, – поправил их Лютто. – Хотите оставить меня в одиночестве и неизвестности? Не выйдет!

– Что же, пусть будет так! – пожал плечами Кейлот, признавая, что за время путешествия из едва знакомых людей они превратились в очень дружную команду. Жаль, что ей оставалось просуществовать совсем недолго.

Кейлот встал. Колени хрустнули, что невольно напомнило о его далеко не юном возрасте. В связи с этим предстоящее восхождение на Хрустальную Гору могло превратиться едва ли не в самую сложную часть пути. Прежде чем двинуться дальше, Кейлот помассировал пальцами колени. Суставы откликнулись на прикосновение тупой ноющей болью.

Ватто тоже поднялся. Оглянулся, чтобы посмотреть на то, что стало причиной его очередного падения. Да, из земли торчал корень. Но какой-то необычный, угловатый. Ватто нагнулся, чтобы получше его рассмотреть, но тут же в испуге отпрянул назад. Почувствовал, как зашевелились волосы на затылке. То, что он поначалу принял за загрубевшую коричневую кору, на деле оказалось полуистлевшей тканью. А в ее прорехах белели… кости?

– О боги, – пошептал Ватто. – Да это же чья-то рука!

– Кейлот! – позвал он. Воин уже успел сделать с десяток шагов прочь от места их неожиданного привала, но, услышав зов южанина, остановился и оглянулся:

– Что?

– Кажется, я кого-то нашел.

– Кого? – Кейлот вернулся. Ватто тем временем подцепил «корень» носком сапога и, когда из земли вылезла костлявая пятерня, удостоверился в своей догадке. У них под ногами лежал мертвец.

Глава 5. Страшная находка

К пущему изумлению Лютто и Ватто, Кейлот живо заинтересовался останками. Он снова опустился на корточки и принялся тщательно изучать полусгнивший рукав. Сразу обнаружил три крошечные серебряные пластинки на обшлаге, некогда темно-зеленом, а теперь грязно-коричневом. Серебряные скобы тоже не устояли перед разрушительным влиянием времени и непогоды – они покрылись толстым слоем серовато-зеленого налета и съежились. Под тканью, в извечной тьме копошились мокрицы. В суставы кисти забились комья земли, а между фалангами среднего и безымянного пальцев застрял бледно-фиолетовый дождевой червь и теперь ловко извивался, пытаясь освободиться из коварной западни.

– Что скажете? – спросил Лютто, склонившись над простертой рукой.

– Пока только то, что это был пеший воин. Скорее всего, пикинер. А еще – он находился на хорошем счету в своем войске.

– С чего вы взяли?

Кейлот постучал ногтем по серебряным пластинкам, соединявшим отвороты обшлага наподобие простых безыскусных запонок.

– А! – протянул Лютто. – По этим украшениям.

– Это не украшения, а знаки отличия! Согласен, они мало приметны и хотя не являются основным опознавательным знаком, все-таки тоже имеют немаловажное значение. В пешем войске было четыре основных чина: десятник, сотенный, войсковой командор и генерал. У десятника на манжетах располагалась только одна железная пластина. С каждым новым званием значков становилось больше, а металл, из которого они были отлиты, прибавлял в ценности.

– Смею предположить, – отозвался Ватто, – что перед нами плачевные останки войскового командора?

– Совершенно верно. А теперь, ну-ка, помогите мне.

Втроем они расчистили небольшой клочок земли шириной в два с половиной фута и длинной почти в семь. В определении размеров зачищаемого участка Кейлот отталкивался от параметров дюжего воина–силача, высокого и широкоплечего – иные кандидатуры на пост военного командора, как правило, не рассматривались. Лютто и Ватто оборвали листья папоротников, которые, нависая над могилой, заслоняли обзор, а Кейлот очистил от земли бренные останки. Как он и предполагал, пехотинец испустил дух, будучи тяжело раненным и одиноким. А если нет, то в его окружении явно не осталось людей, которые смогли бы предать земле тело почившего товарища, как того требовала исповедуемая в Королевстве Низовья религия.

Когда большая часть земли была отброшена, взору троицы открылась плачевная картина. Плоть мертвеца уже полностью истлела. От темно-зеленой рубахи остались жалкие клочья. Кольчуга и доспехи отсутствовали. Грудная клетка стала вместилищем для гигантской кровохлебки. Ее листья торчали из щелей между ребрами, словно павлиньи перья, а большой изогнутый корень (на этот раз точно корень)

напоминал затаившуюся змею. Кстати о змеях. Безобидный серый полоз вылез через раздвинутые челюсти потревоженного черепа и с невиданной прытью устремился в заросли папоротника. Следом за ним из пустых глазниц вывалилось несколько крохотных яиц – видимо, змея облюбовала себе черепную коробку в качестве гнезда.

– Вот тебе раз! – присвистнул Лютто, глядя, как заколыхалось на длинном цветоносе красное соцветие кровохлебки, словно покрытая пурпурным платком голова безутешной вдовы.

– Смотрите, господин! – Ватто указал на нижнюю часть скелета, которая успела глубоко погрузиться в землю. Южанин опустился на колени и принялся очищать находку от грязи. Кейлот проследил в указанном направлении. Сначала ему показалось, что ниже пояса у мертвеца вообще ничего нет, но потом пригляделся и едва не вскрикнул от изумления. Нет, ноги у покойника все-таки имелись, но были они не костяными, а стеклянными. Выглядело это довольно гротескно. Стекло отлично сохранило форму нижних конечностей. При желании можно было провести по ним рукой и нащупать выпуклую пряжку ремня или складку, там, где материя неплотно облегала колено. Только Кейлот остерегался дотрагиваться до тех поверхностей, которых коснулось смертоносное дыхание Алмазного Дракона. В Королевстве Низовья бытовало мнение, что такого рода останки обладали еще достаточно сильным последействием, чтобы убить не в меру любопытного человека или животное. Кейлот не знал, насколько правдивы подобные слухи, только проверять ему это совсем не хотелось.

– Хватит, Ватто, – Кейлот остановил раскопки южанина. – Встань и отойди в сторонку.

– Но я бы мог…, – попытался возразить Ватто.

– Достаточно.

Южанин подчинился. Он отошел и встал у Кейлота за спиной. Разошедшиеся челюсти мертвеца производили впечатление злорадной насмешки мертвого над живыми, вроде:

«Свое я уже отстрадал, а у вас, ребята, все еще впереди».

– Что вы об этом скажете, господин? – спросил Лютто.

– Разве тут стоит что-то говорить? По-моему, все вполне очевидно – очередная бестолковая смерть, явившаяся результатом бестолкового командования.

– В чем, как вы думаете, была их ошибка? – полюбопытствовал Лютто.

– К счастью, я не был свидетелем разыгравшегося сражения… Сомневаюсь, что поединок вообще имел место быть. Алмазный Дракон просто атаковал войско с воздуха и через несколько минут уничтожил всех до единого. А те, кто бросился врассыпную и успел спрятаться… Пожалуй, вы и сами сейчас видите, что с ними случилось… И еще я не думаю, что войско добралось до Хрустальной Горы. Несчастье настигло его где-то неподалеку, – Кейлот огляделся по сторонам. Если он хотел отыскать взглядом остекленевшие деревья и прозрачные статуи, в которые превратились солдаты, попытавшиеся оказать Дракону сопротивление, то искал напрасно. Троицу путешественников окружал вполне заурядный лес с обыкновенными деревьями и бесформенными кустарниками. Однако здесь не пели птицы… Может, это что-то означало… а может, и нет.

Внезапно Кейлот увидел нечто занимательное. Он снова опустился на корточки – его колени негромким хрустом выразили протест таковому решению, однако подчинились, заставив Кейлота слегка поморщиться от боли, – и протянул руку к обнаженным суставам плеч мертвеца. Подцепил большим и указательным пальцами плоскую щепку, завалившуюся в щель между правой ключицей и самым верхним правым ребром. Без труда извлек находку и уложил ее на ладонь, чтобы получше рассмотреть.

– Что это? – Лютто и Ватто подступили слева и справа. По очертаниям пластины было сложно утверждать что-то конкретное – она вся взбугрилась и почернела. Человек с богатым воображением мог увидеть в ней, что угодно.

Но Кейлот знал, что искать:

– Это еще один знак отличия, который пришивался к воротнику и указывал на принадлежность солдата к одной из восьми префектур

Королевства Низовья. Этот изображает бобра. А бобер был эмблемой Байнфорда – восточной префектуры.

– По-моему, на бобра она как раз совсем не похожа, – заметил Лютто, щурясь и склоняя голову то влево, то вправо, чтобы отыскать наиболее подходящий ракурс.

– Конечно, не похожа, потому что серебро потемнело, – возразил Ватто, и обратился уже к Кейлоту: – Что это может означать?

– Байнфорд отправил свою дивизию три года назад, сразу после того, как стало очевидным, что военную делегацию Стэджфорда постигла неудача – ее останки мы нашли в одном из котлованов на плато Тур-Тур. Стало быть, мертвец «почивает» здесь уже без малого три года.

– А сколько всего было таких походов?

– Пять. В общей сложности, десять тысяч солдат и около пятисот единиц боевых орудий – пушек, катапульт и …

– И прочего хлама, – заключил Лютто. – О, боги! Угробить столько народу и не пойми зачем!

– В истории всегда так было и всегда так будет. Помнишь, я рассказывал тебе о наших сражениях с горцами из высокогорных бастионов Шуми-Вега на северо-востоке? Тогда мы потеряли полторы тысячи солдат, но не отвоевали ни пяди земли.

– Но если пять армий потерпели поражение, зачем же посылать троих на верную погибель и продолжать на что-то надеяться?

Кейлот взглянул на Лютто крайне разочарованно.

– Все это очень просто. И, честно говоря, я не думал, Лютто, что ты этого не поймешь.

Смуглые щеки южанина если и порозовели, то совсем незаметно. Видимо, Лютто не стыдился своего незнания.

– Почему-то все думают, – начал Кейлот, – что Алмазный Дракон… да, в целом, и все драконы – это исполинские твари с куриными мозгами. Я так не считаю. Если и попадаются драконы глуповатые или

бессловесные, то это скорее исключение, нежели правило. Кто-то говорит, что драконы коварны и алчны. Пусть так, но ведь и это тоже проявление разума, не так ли? А от кого-то я слышал, что жители Атлантиса заключили мирное соглашение с Водяным Драконом, и оно оставалось в силе многие и многие годы.

– Атлантис затонул тысячу лет назад, вы знаете об этом? – несколько грубовато поинтересовался Лютто.

– Да, знаю. Но не думаю, будто в том, что огромный материк ушел под воду, была какая-то часть вины Водяного Дракона. В любом случае, речь сейчас не о нем. Я просто хочу сказать, что если у Алмазного Дракона имеются весомые причины атаковать Королевство Низовья, то я с удовольствием их выслушаю, прежде чем отсеку ему голову.

– Довольно самонадеянное замечание, господин, – заметил Лютто.

– Так почему же у нас троих больше шансов выжить, чем у целой армии? – напомнил Ватто. Скорее для того, чтобы вопросом своим заглушить непочтительный комментарий брата.

В ответ Кейлот указал на череп распростертого у его ног скелета.

– Вы видели опаловидного полоза, который вылез отсюда?

Лютто и Ватто кивнули. Синхронность некоторых их движений поражала.

– А вы заметили, как закачались листья папоротников, когда змей уполз в заросли?

Лютто и Ватто задумчиво переглянулись.

– Вы не проследили за этим, верно? – разгадал их растерянность Кейлот.

– Нет, господин, – в один голос сказали они.

– А если бы сотня ужей устремилась к этим зарослям, тогда бы вы заметили?

– Еще бы, – отозвался Ватто. – Сотню ужей и саму по себе заметить не сложно…

– Вот. А представьте себе, что сотня ужей – это многотысячная армия, а один полоз – это наш маленький отряд. Как вы думаете, кого Алмазный Дракон в первую очередь заметит со своей верхотуры и обдаст холодным душем?

– Конечно, армию, – просиял Ватто. – А маленький отряд, да еще и с умелым воином во главе, просто обречен на успех.

– Ты прав, Ватто, – сказал его брат. – Только последние два слова были излишни. Наш отряд просто – обречен.

– Лютто, ты стал чересчур пессимистичен, – заметил Кейлот.

– Вы очень мудры, господин, но одною лишь мудростью зло не победить. Сказание говорит, что король Генрих проиграл Смерти в шахматы.

– Что…

– А теперь идемте, – Лютто развернулся и быстро зашагал дальше. – Мы опаздываем на тот свет, – бросил он напоследок.

Кейлот уставился на Ватто.

– Что это с ним?

– Не обращайте внимания, господин. Большую часть жизни мы с Лютто были одиноки. И все это время ему приходилось довольствоваться одним лишь моим обществом. Не самая лучшая кандидатура, скажу я вам. Но сейчас у него появился отличный друг, которого он не хочет потерять. От себя добавлю, что мне этого не хочется так же сильно, как и ему.

– Благодарю тебя, Ватто. И благодарю твоего брата. Но нам и вправду пора идти, а то еще потеряем Лютто из виду.

– Не волнуйтесь, господин, далеко он не уйдет. Спесь немного выветрится, и он остановится. А как насчет мертвеца? Стоит ли нам предать его земле, как того требуют традиции вашего народа?

– Не имеет смысла, Ватто. Думаю, он не единственный такой. Вскоре мы встретим и множество других. Не хоронить же нам их всех?

Глава 6. Самум

Кейлот оказался прав – через некоторое время они действительно повстречали на пути печальные останки того, что некогда называлось вооруженными силами Королевства Низовья. Но случилось это не раньше, чем пресловутый Мрачный Лес уступил место Лесу Плача. Уже к вечеру третьего дня единственная тропинка, по которой шли путники, размокла и превратилась в месиво. Кейлоту едва удалось найти подходящее место для ночлега, а задача со сбором хвороста для костра оказалась практически неосуществимой. Лютто вернулся из своей короткой вылазки с охапкой влажных сучьев, весь грязный и всклокоченный. И такой уставший, что у Кейлота язык не повернулся упрекнуть его в недоброкачественной работе. Лютто молча вывалил свою добычу в специально выложенный из камней круг и обессиленный свалился на землю. Грязь облепила его сапоги по самые лодыжки. Кейлот указал южанину на эту деталь.

– Верно, господин, – пробормотал Лютто, едва ворочая языком, и медленными, неуклюжими движениями попытался вычистить обувь. – Мне пришлось идти почти по колено в грязи. Но и это еще не самое плохое. Знаете, как говорят, что Глотка Дьявола – это самое глубокое место в Жемчужном Море? Так вот, Лес Плача славится тем, что самые глубокие его места доходят взрослому человеку до подбородка.

– И чем же заполнены эти «глубокие места»?

– Как чем? Грязью, конечно.

Кейлот задумчиво кивнул. За время путешествия ему довелось столкнуться со многими трудностями, и то, что воин, в конечном счете, оказался практически у цели, лучше всяких доводов свидетельствовало о том, насколько хорошо он умеет преодолевать различные преграды. Одной больше, одной меньше – какая, в сущности, разница?

– Я помню, Лютто, как ты сказал, что два или три десятка последних миль нам придется пройти по болоту.

– Я и сейчас могу это подтвердить. А также посоветую вам обзавестись крепкой такой жердью длиной с ваш рост, и, когда мы вступим на территорию заболоченных земель, не расставаться с ней ни на секунду.

– Я думаю, это будет несложно.

– На вашем месте я бы не был столь самоуверенным. Лес Плача – скверное, препоганое место, в котором точку опоры вы можете потерять так же внезапно, как если бы шли по льду.

– Я знаю – топи есть во всех болотах.

– Вот как раз топей там и нет, – добавил Ватто, подсаживаясь ближе к выложенному из камней кругу, в центре которого возвышался небогатый «улов» брата, – и жердь вам понадобится вовсе не для того, чтобы прощупывать почву. Всю технику перехода через грязевые болота мы с Лютто расскажем вам завтра. А пока вам следует знать о Роншейнском болоте лишь то, что оно населено уродливыми безмозглыми тварями, чья жизненная позиция определяется всего двумя вещами: чувством голода и инстинктом самосохранения.

– Так же, как и везде, – заметил Кейлот.

– А еще там обитают привидения.

Эта последняя реплика заставила губы Кейлота изогнуться в беззлобной снисходительной усмешке. Рассказами о привидениях в нынешние времена представлялось возможным напугать только детей, да некоторых чересчур суеверных или слишком мнительных взрослых, к коим Кейлота никак нельзя было причислить. Да, он верил в существование Абидума, города мертвых, который находился далеко на севере, в краю вечной мерзлоты, но и всего лишь. Вот там, за отвесными нагромождениями ледяных торосов, по другую сторону непроходимых снежных пустынь и находилось последнее пристанище всей нежити мира – неприступная крепость Абидум, построенная из всех надгробных камней и плит, которые когда-либо воздвигались над могилами усопших людей от начала времен. По сказаниям,

строительного материала оказалось так много, что его хватило даже на построение гигантского запутанного лабиринта, через который должна пройти каждая отделившаяся от тела душа, чтобы занять достойное место в Раю. Если же она заплутает и не найдет выхода в положенный срок, то с равной вероятностью может, как навсегда поселиться в коридорах лабиринта, так и познать все «прелести» пребывания в Аду.

Одним словом, Кейлот посчитал слова Ватто жалкой попыткой произвести на него впечатление. Воззвать, так сказать, к глубинному страху перед смертью.

– Привидения? – переспросил он.

– Вы зря иронизируете, господин, – севшим голосом заявил Ватто, – ибо история не знала еще ни одного призрака, который не стремился бы наградить живого человека своей незавидной участью.

Высказавшись, Ватто поджал губы, дав понять, что пренебрежительность Кейлота сильно оскорбила его чувства.

– Извини, Ватто. Я – воин и практичный человек, и готов поверить всему, что увидят мои глаза. Но они еще не видели ни привидений, ни вампиров, ни живых мертвецов. По завершении кровопролитных битв, мы рыли братские могилы и сносили туда всех павших солдат, а потом зарывали землю и воздвигали над курганом один наспех сколоченный крест. За всю свою жизнь я не встречал ни одного мертвеца, который поднялся бы из могилы, возмущенный тем, что его похоронили не так, как полагается.

– Согласен с вами, господин Кейлот. Я, безусловно, уважаю и ценю ваше мнение. Однако вынужден признать, что подобная точка зрения не позволяет вам видеть чуточку дальше своего носа. Уж извините за прямоту.

Ватто протянул руки к хворосту.

– Ничего не выйдет, – предостерег его Кейлот. – Дерево впитало столько влаги, что вовек не разгорится.

– Ну, это мы еще посмотрим, – сказал Ватто и, когда он поднял на Кейлота глаза, воин обнаружил, что зрачки у южанина стали красными

и засверкали в сгущающейся тьме двумя крошечными угольками. Кейлот в испуге отпрянул. Глянул на Лютто – видит ли он эту ужасающую особенность? Тот видел, но всем своим беспечным видом давал понять, что это его нисколько не волнует. Ватто между тем обратил к Кейлоту раскрытые ладони – в темноте они светились бледным оранжевым светом, а линии на них выделялись ярко-желтым.

– Смотрите, господин, сейчас будет интересно, – предложил Ватто. Его высокий и мелодичный голос изменился до неузнаваемости, сделавшись низким и хриплым, а в словах зазвучало странное потрескивание, как будто у южанина загорелись голосовые связки.

Впрочем, последняя реплика была лишней, поскольку Кейлот и так не мог оторвать от южанина глаз. Превращение заворожило его. Игра света и тени странным образом исказила мягкие черты юноши – плавные изгибы скул сделались грубыми и угловатыми, тонкие линии стали тяжеловесными, вместо вздернутого носа появился черный загнутый книзу клюв, подбородок исчез, слившись с шеей. В конце концов, Кейлот уже не понимал, сидит ли перед ним человек или человекоподобное чудище.

– Лютто? – Кейлот позвал второго брата, и пока тот не откликнулся, потянулся рукой к рукоятке меча.

– Все в порядке, господин, – сказал Лютто. – Ватто хочет познакомить вас со своим приятелем. Он не причинит вам вреда. Отпустите меч – сейчас он вам без надобности.

Кейлот последовал его совету и отнял ладонь от оружия, но только лишь затем, чтобы заслонить ею глаза, поскольку на руки Ватто теперь нельзя было смотреть не жмурясь. Казалось невозможным, чтобы подобное ослепительное сияние излучало что-либо еще, помимо солнца. А свет между тем озарил дальние уголки поляны, на которой путники обустроили свой лагерь, и заставил каждый камешек и травинку отбросить длинную смолянисто-черную тень.

Через секунду сияние померкло, а у Кейлота перехватило дух, когда он увидел, что линии, по-прежнему сверкающие ярко-желтым светом, вдруг отделились от ладоней Ватто и взмыли в воздух. Закружились в невероятном солнечном танце. Две «линии жизни»

создали туловище. Две «линии сердца» изогнулись, каждая сделала по две петельки. Присоединившись к туловищу, они образовали четыре коротеньких лапки. «Линии ума» разделились. Та, что сошла с правой руки Ватто, сомкнула свои концы и стала головой. А та, что была на левой руке, согнулась пополам, но концы ее приросли к туловищу с противоположной стороны и создали хвост. Другие мелкие линии, которым человечество пока не присвоило никаких названий, облепили полученный остов, дополнив его незначительными деталями, как легкие штрихи карандаша придают рисунку более совершенный вид. Так на лапках появились когтистые пальцы, а на голове – глаза и маленькие ушки с бахромой по краям.

Похожее на ящерицу существо, повинуясь заданному ранее темпу, не сбавляя оборотов, кружилось вокруг своей оси, раскинув в стороны лапки. Его тело обрастало искрящейся красно-оранжевой чешуей и постепенно удлинялось. Наконец, кружение начало замедляться. Ящерица сделала еще пару оборотов и замерла. Глазки ее были закрыты, и она не подавала никаких признаков жизни.

– Это и есть тот самый приятель? – прошептал вконец пораженный Кейлот.

– Это саламандра, – так же шепотом подсказал ему Лютто.

Ватто протянул руку ладонью вверх, и саламандра мягко опустилась на нее. Глазки существа широко распахнулись – они оказались непроницаемо черными – а вокруг короткой шеи вспыхнул воротник яркого пламени, которое, устремившись по спине и вдоль хвоста, превратилось в своеобразный гребень.

– Ну, здравствуй, Самум! Давно не виделись! – сказал Ватто, и Кейлот услышал его прежний голос. Саламандра подняла голову и уставилась круглыми глазками на Ватто. Южанин погладил существо по спине. Его пальцы прошлись по гребню из трепещущего огня, однако это им не причинило никакого вреда. По крайней мере, на лице у Ватто не отобразилось болезненных эмоций, а на коже не возникло ожогов. Кейлот и Лютто не услышали слов, не увидели движения губ, и, тем не менее, на каком-то ином, глубоком, подсознательном уровне южанин донес до волшебного существа свои распоряжения. И когда Ватто затем

поднес руку к горке хвороста и позволил саламандре перескочить со своей ладони на один из сучьев, ящерица тут же взялась за дело – принялась ползать по веткам и слизывать с них влагу. Лишенный губ, рот саламандры приоткрывался, подобно полукруглой щели в ночь, и из него высовывался длинный, белый и блестящий язык. Чуть позже Кейлот вспомнил, на что он был похож. На раскаленный добела металл, который кузнецу не раз доводилось извлекать щипцами из жерла печи. Если аналогия соответствовала действительности, то работа не должна была забрать у саламандры много времени.

– Замечательно! – восхитился Кейлот. – Хотя я больше рад тому, что все закончилось. Ты хоть бы предупредил, что собираешься колдовать. А то я решил, что в тебя вселился демон.

Губы Ватто украсила извиняющаяся улыбка:

– Честно говоря, я и сам не ожидал, что получится. Последнее наше с Самумом приключение закончилось довольно плачевно.

– И я это хорошо помню, – пресным голосом подтвердил Лютто. После появления саламандры он стал еще мрачней, чем прежде. И придвинулся поближе к Кейлоту.

– Как, ты говоришь, его зовут? – переспросил воин.

– Самум, – повторил Ватто, – это дух огня. Погодите, я представлю вас. Самум! – ящерица на миг оторвалась от своего, безусловно, захватывающего занятия. – Это господин Кейлот. Он – наш друг.

Саламандра коротко глянула на воина, мигнула черными глазками и возобновила работу.

– Самум… Какое оригинальное прозвище, – заметил Кейлот. – По-моему, так называют горячий южный ветер, бороздящий просторы пустынь.

– Совершенно верно, – просиял Ватто. – Это прозвище подсказал мне Лютто. Он знает толк в таких вопросах, потому что… – но тотчас Ватто наткнулся на предостерегающий взгляд брата и сразу же умолк. Самум тем временем практически справился с заданием – горка хвороста, возвышающаяся в центре каменного круга, была объята

дымом, а изнутри слышалось звонкое потрескивание. Наконец вспыхнул огонь, яркий и живой, а дым, стлавшийся по поляне длинными ватными щупальцами, вознесся к небу.

– Куда он делся? – спросил Кейлот, вглядываясь в костер. Он видел только замысловатую пляску огненных язычков и беспокойное кружение искр. На миг Кейлоту удалось различить ртутный блеск черных глазок Самума, и тогда же он обнаружил очертания тела саламандры. Но в следующее мгновение она вновь растворилась в огне.

– Самум греется, – пояснил Ватто. – В мире, откуда он явился, господствует немыслимый жар. И, когда он приходит по моему зову, то очень замерзает. Единственное место, где он может хоть как-то согреться – это самое сердце пламени.

– Однако ты был недостаточно откровенен со мной, когда сказал, что твоя магия – лишь слабый отголосок былых способностей ваших предков.

– Я назвал ее атавизмом, господин. Это слово гораздо точнее передает истинное положение вещей.

– Пусть так. Но неужели ты покривил душой? Как я погляжу, ты способен на многое.

– Это не моя способность, а всего лишь благоволение Самума. Если бы он перестал чтить нашу прежнюю дружбу, то сейчас мог просто проигнорировать мой голос.

Кейлот заметил, что руки Ватто сжаты в кулаки.

– Что сталось с твоими ладонями после того, как линии отделились от них?

– Сейчас это окна в потусторонний мир. Тот мир, откуда явился Самум.

– Ты можешь показать их мне?

– Нет, господин. Я бы с удовольствием удовлетворил ваше любопытство… и свое тоже, поскольку сам этого ни разу не видел. Но…

– Что же мешает тебе?

– Сейчас узнаете, – загадочным тоном произнес Ватто и обменялся многозначительными взглядами с Лютто. Тот слабым кивком головы ответил на некий незаданный вопрос. И Ватто медленно разжал пальцы. Кейлот так ничего и не увидел, потому что как только это произошло, Самум стал стремительно распадаться на части. Если сдвинуть с места бревно, то на утрамбованной земле, где оно долгие годы пролежало, можно обнаружить столпотворение потревоженных жуков, червяков и сороконожек. Сейчас с Самумом происходило почти то же самое. Крошечные светящиеся линии, из которых он состоял, бросились врассыпную, точно стайка мошкары. «Линии ума» стремительно вспорхнули вверх, как две бабочки, лишив Самума хвоста и головы. «Линии сердца», похоже, возомнили себя кузнечиками и ловко скакнули через костер. А «линии жизни» – то немногое, что оставалось от саламандры – почувствовали себя червяками и поползли по траве к Ватто. Линии объединились с его ладонями. На миг кисти мага вспыхнули так же ярко, как и десятью минутами ранее, когда он только начинал творить заклинание. Потом медленно угасли, и единственным источником освещения на поляне остался разожженный Самумом костер.

Вскоре после исчезновения саламандры Лютто засобирался спать. В первом часу ночи ему предстояло сменить Кейлота на ночном дежурстве, и он хотел как следует подготовиться к предстоящему бдению, поскольку не желал повторения досадной оплошности брата, но на этот раз уже в собственном исполнении. Лютто улегся на спину, запустил руку в вещевой мешок и извлек оттуда свернутую валиком холщовую накидку. Закутался в нее с головой, чтобы мерцание костра не мешало ему спать.

– Что за плачевное происшествие так надолго разлучило вас с Самумом? – спросил Кейлот.

– О, я не думал, что вы обратите внимание на эту фразу, – усмехнулся Ватто.

– Я обращаю внимание на все, что произнесено вслух. Кроме того, я доверяю своим глазам и видел, как настороженно держал себя твой брат все то время, что Самум провел рядом. Словно готовился предотвратить возможную неприятность.

Ватто махнул рукой, как будто пытался показать, что это пустой разговор.

– Твои жесты принужденны, Ватто. Что не в порядке с Самумом? Он опасен?

– В известной степени, – согласился южанин. – Но вам не следует его бояться… Просто нужно помнить о мерах предосторожности...

– Кажется, я все понял, – догадался Кейлот. – Очевидно, был момент, когда Лютто повел себя непочтительно по отношению к Самуму, и тот его укусил. Так?

Ватто выглядел ошеломленным. Попытался улыбнуться, чтобы показать насколько беспочвенно подобное суждение. Но некие мрачные воспоминания заставили уголки его губ опуститься.

– Да, – признал он. – И гораздо сильнее, чем вы можете себе представить. Хотя… если бы Самум этого не сделал, мы бы не оказались сейчас здесь, с вами.

– Ты говоришь загадками, Ватто. Объяснись.

Глава 7. Признание чародея

– Мы уже рассказывали вам о том, что были уличными артистами. Лютто ходил по канату и показывал чудеса акробатики. Я же занимался фокусами. Представления мы устраивали на базарных площадях – там публика была неприхотливая и зачастую окружала нас плотным кольцом. Правда, и деньги, какими она расплачивались, оказывались под стать своим владельцам – сплошь одни медяки. Попадались и бронзовые монетки. Серебряники были таким же редким явлением, как лунное затмение. А на золото мы с Лютто даже надеяться не смели. Зрители бросали нам деньги, а потом, когда все расходились, мы ползали на четвереньках и выковыривали эти жалкие гроши из щелей в мостовой. Так и жили – гремели мелочью в карманах и колесили по

Королевству Низовья. Но не потому, что были нарасхват. А потому, что беженцам в вашем королевстве иначе не прожить. Если ты – чужеземец, то на спокойную жизнь можешь не рассчитывать. За тобой гоняются королевские стражники и если ловят, то следующим этапом становится изгнание.

Кейлот ничего не ответил, но шумно вздохнул, выражая неодобрение политике своего короля.

– К тому же смуглая кожа совсем не прибавляла шансов. Как раз наоборот. Поэтому нам приходилось пользоваться известковой пудрой, чтобы кое-как смягчить оттенок кожи. Результат, должен признаться, был весьма плачевным – мы с Лютто походили на двух призраков. Но нет худа без добра – это обстоятельство, как мне кажется, придавало нашему дуэту большей популярности. Одним словом, выбор был невелик – либо жить на улицах и спасаться бегством от стражников, либо на известное время поселиться в тюрьме и ждать выселения на пустоши Товатор.

– Это ужасное место! – воскликнул Кейлот, и по спине у него пробежал неприятный холодок. Когда-то воину предложили возглавить один из патрульных отрядов, которые конвоировали беженцев на западные пустоши. Кейлот отказался, но отнюдь не из этических соображений, а по причине усталости от казарменной жизни. Впрочем, говорить сейчас об это он не стал, а лишь добавил: – Товатор стала непреодолимой преградой для расширения Королевства Низовья на запад. Это каменная пустыня, где нет ни воды, ни растительности, а солнце печет так беспощадно, что превращает тамошние просторы в сущее пекло. Камень там горит под ногами даже по ночам.

– Сотни беженцев в этом уже убедились. Среди них было немало таких, с кем я и Лютто поддерживали дружеские отношения. После изгнания мы о них больше ничего не слышали.

– А что случилось с вами?

– Это произошло в городе Дормстад…

– Там мы с вами встретились и оттуда начали свое путешествие.

– Верно, господин. Только если бы мы с Лютто двумя днями раньше примкнули к другому каравану, то наше путешествие… равно как и ваше… скорее всего, не состоялось бы… В Дормстаде мы с Лютто устроили очередное представление. Это произошло на площади с большим фонтаном по центру. Был какой-то праздник, и там собралось много народу. Мы решили, что момент самый подходящий, и начали зазывать людей. Лютто натянул бечевку над фонтаном, привязав ее концы к стволам парковых деревьев.

– Довольно ненадежная опора, – расценил Кейлот.

– Для человека, который может идти по небу, перепрыгивая с одного облака на другое, точно по камням через реку, это сущий пустяк.

– Лютто на такое способен?! – удивлению воина не было предела. – Он ничего мне об этом не говорил!

– Он слишком скромен, чтобы хвастать.

– Да? – недоверчиво протянул Кейлот, отмечая про себя, что скромность – это одна из тех немногих добродетелей, что не вошли в комплект достоинств Лютто.

– Он выделывал на этой веревке такие трюки, что у людей, наблюдавших за ним, кровь стыла в жилах. А я стоял внизу, у фонтана, и забавлял детишек. Помню, одному из них очень захотелось потрогать Самума. Я ответил мальчику, что это невозможно, ибо саламандра очень горячая. Но карапуз попался на редкость упрямый. Принялся канючить и реветь. Но я был непреклонен. Самум – не игрушка, и единственный человек, которому он не может причинить вреда, это я. Но мальцу это было невдомек. Он видел Самума, восседающего у меня на плече, ползающего по рукам, взбирающегося на голову, и ему безумно хотелось дернуть его за хвост, точно обыкновенного речного тритона. Избалованный, очень скверный мальчишка. Его рев действовал мне на нервы. Я был донельзя измотан годами разъездов, выступлений, лишений и страха, и в тот миг не заметил подвоха. Через какое-то время я осознал, что больше не слышу всхлипываний, и решил, что мальчишка ушел. Остальная детвора вела себя тише и почтительнее. Я решил отпустить Самума и позволить ему пробежать круг-другой по каменному бордюру фонтана. Пока Самум преодолевал

первое полукружье и находился у меня в поле зрения, все шло замечательно. Дети смеялись и хлопали в ладоши, Самум семенил короткими лапками, а я развлекал огненными рыбками тех зрителей, которым Самум по каким-то причинам оказался неинтересен или попросту надоел. Но когда моя саламандра скрылась за струей фонтана, вот тогда-то все и произошло. Капризный мальчишка, как оказалось, никуда не делся, он просто прятался за фонтаном, и ждал, когда я потеряю бдительность. И, это случилось. О, грозовые небеса! Как же это случилось! Он схватил Самума и…

Ватто напряженно сглотнул. Кейлот видел, как нелегко южанину справиться с нахлынувшими эмоциями.

– И что случилось? – спросил воин, догадываясь, впрочем, что ничего хорошего.

– Понимаете, Самум – это тоже часть меня. Когда кто-то хочет причинить ему вред, я всегда воспринимаю это как угрозу в свой адрес. У нас с Самумом одно восприятие на двоих. Поэтому когда мальчик занес руку над Самумом, мне почудилось, будто чернильная тень накрыла меня самого. А когда он ухватил его ладошкой поперек, как хватают палку, но никак не живое существо, я ощутил это так, будто кто-то изо всех сил сдавил мне ребра.

Ватто снова умолк, чтобы сделать пару длинных глотков из фляги с водой и перевести дыхание. Лютто лежал совсем неподвижно. Кейлот сомневался, что южанин мог так быстро заснуть. Но даже если он продолжал бодрствовать, то никак не реагировал на волнующий рассказ брата. При условии, что рассказ этот действительно мог его волновать.

– Все случилось очень быстро. К сожалению, я не мог ничего сделать. Мальчик сильно обжег себе руку. Поначалу не ощутил боли, но когда она добралась до его мозга и взорвалась там, словно хлопушка, он закричал и отбросил Самума. Саламандра угодила в фонтан, и вода забурлила вокруг нее. Далее я все помню смутно. Если спросить Лютто, то он, верно, сможет рассказать много больше, поскольку сверху все прекрасно видел. Самум упал в фонтан и исчез. Он потух, а горячий клубящийся пар, поднявшийся от воды, затянул всю площадь. Люди с

криком бросились бежать. Наверное, решили, что разгневанный колдун наслал на них проклятие. Не могу сказать, что это было не так. Я был зол и раздосадован, понимал, что все покатилось к чертям, и мне хотелось расквитаться с ними.

Ватто выглядел как человек, который с болью и омерзением вскрывает гнойник, успевший разрастись до внушительных размеров.

– В белой клубящейся пелене они сталкивались друг с другом, кричали и вопили, дрались и царапались, принимая один другого за каких-то нелепых чудовищ, насланных чародеем под покровом тумана. Но едва ли не весь шум площади и шипение воды в фонтане, которая, точно кислота, разъедала тело Самума, перекрывал визг… рев… крик мальчика. Он вопил, как раненое животное. Должен вам сказать, что существует не так уж много ситуаций, когда человек уподобляется зверю. Но когда это действительно происходит, не приходится сомневаться, что дело обстоит просто ужасно. Лютто сказал, что увидел, как его ладонь сперва покраснела, а потом стала обугливаться. Думаю, шансов сохранить конечность у мальчика уже не оставалось.

Ватто замолчал и опустил глаза, давая понять, что это конец истории. Самое время задавать волнующие вопросы, делать выводы и искать виновных.

– Я – убийца, господин, – коротко признал Ватто, поднял руку и провел указательным пальцем по косому шраму, рассекшему левую щеку, – поэтому-то меня и заклеймили.

Кейлот нахмурился. Его мрачное выражение лица Ватто воспринял, как порицание в свой адрес.

– Здесь сложно сделать однозначный вывод, – заговорил, наконец, воин. – С одной стороны, виноват, конечно же, ты, поскольку недоглядел. С другой стороны, виноват и мальчишка. Ему не следовало хватать волшебную саламандру, и ты предостерегал его против этого.

– Дети не всегда слушают то, о чем им говорят взрослые. А мне следовало отозвать Самума в тот самый миг, как только малыш начал капризничать. Коль я этого не сделал, то и повинен в случившемся тоже я.

– Есть и третья сторона, – продолжал размышлять Кейлот. – Родители мальчика, которые не усмотрели за ребенком. Если бы на месте того мальчишки оказался мой сын Кеймон, то такого никогда бы не произошло. Во-первых, Кейм не был избалован, как иные дети, во-вторых, всегда поступал так, как говорили ему старшие, а в-третьих, если бы позволил себе капризничать, то получил бы хорошую выволочку.

На последней фразе голос Кейлота дрогнул, и хоть воин пытался держать себя невозмутимо и хладнокровно, все же и он не смог продолжать, пока не взял верх над эмоциями.

– Как вы спаслись? – спросил он чуть погодя. – Пар должен был сделаться для вас хорошим прикрытием.

– Да, он-то сделался. Только я не мог бежать, а Лютто не хотел меня бросать.

Ватто предъявил Кейлоту свои ладони. И воин ужаснулся, обнаружив, что линии на руках у Ватто – это не просто линии, а глубокие шрамы. Они прорезали плоть едва ли не до самых костей, и были похожи на бездонные ущелья, наполненные зловещей темнотой.

– В момент смерти Самума линии на моих ладонях превратились в глубокие разверзнутые раны. Кровь лилась ручьями, я не мог ее остановить и сильно ослабел. Через несколько минут я без чувств свалился на землю. До последнего уговаривал Лютто бежать, но тот, вопреки моим мольбам и угрозам, остался. Когда пар развеялся, королевским стражникам не составило труда нас повязать.

– Вас могли казнить! – воскликнул Кейлот.

– Меня могли казнить. Лютто отделался бы изгнанием. Хотя… пребывание на пустошах Товатор – это та же смерть, только несколько отсроченная и куда более мучительная. Еще неизвестно, кому из нас не повезло бы больше.

– Что было дальше? – спросил Кейлот.

– Вы и сами знаете. Однажды судья спустился в наш каземат и спросил, знаем ли мы географию южных земель. Мы ответили, что в

свое время исходили их вдоль и поперек. Он сказал, что нам нужно будет сопроводить одного воина к логову Алмазного Дракона, знаем ли мы, где это. Мы ответили, что знаем. Спросил, справимся ли. Мы ответили согласием. Тогда судья сказал Лютто, что он тем самым может искупить свою вину. Изгнание в западные пустоши ему отныне не грозит, при условии, что он не дерзнет возвращаться обратно, иначе пощады уже не будет. А мне судья приказал, чтобы в южных землях я выбрал себе смерть по вкусу, ибо за убийство ребенка мне нет прощения.

– Значит, мальчик все-таки умер.

– Может, и нет. Совесть – это самый суровый палач, и об этом знают те, кто не хочет марать руки в крови.

– Это тоже верно. Ну а как же Самум? Ты сказал, что он погиб, но кто же тогда появлялся перед нами полчаса назад?

– У эфемерных существ нет понятия смерти, как чего-то необратимого. Что касается Самума, то в его случае смерть состояла лишь в том, что он долгое время не отзывался на мой голос. Сегодня он появился впервые после долгого отсутствия.

– Может, полученные раны долго не заживали?

– Вполне возможно.

***

Дежурство Кейлота истекало в первом часу ночи. Именно тогда ему следовало разбудить Лютто, удостовериться, что тот не клюет носом, и улечься спать. Но пока время не подошло, Кейлот сидел у костра и подкладывал в него все новые и новые ветки. Высушенные Самумом и лежащие в сторонке, они, тем не менее, успевали снова достаточно напитаться влагой, чтобы пламя встречало их с недовольным шипением.

Воин извлек из ножен меч и положил его на колени, чтобы без промедления воспользоваться оружием, если возникнет такая необходимость. Но потребности в этом не было, поскольку

демонический преследователь ничем не выдавал своего присутствия. Если, конечно, по-прежнему находился где-то неподалеку.

– Посмотрите-ка вверх, господин, – раздался голос Лютто.

Кейлот вздрогнул от неожиданности.

– Лют…

– Смотрите вверх, господин! Быстро! Быстро!

Кейлот задрал голову и как раз успел заметить странный серебристый предмет, похожий на наконечник стрелы, с невероятной скоростью летящий в небе среди звезд и облаков. На глазах у Кейлота он нырнул в облако, продырявил его и вылетел с противоположной стороны.

– Что это? – спросил воин щурясь. Однако как бы ни напрягал глаза, серебряная стрела ни на йоту не прибавляла в четкости. У Лютто со зрением дела обстояли куда лучше.

– Это наш враг, господин, – сказал он.

– Алмазный Дракон?

– Он самый.

– О небо! Он летит прямо над нами!

– Не волнуйтесь. С той высоты, на которой он сейчас находится, Лес Плача и Мрачный Лес напоминают ему опрокинутые песочные часы, ибо именно так они выглядят на высоте пяти миль. А мы с вами – не более чем одна из песчинок.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю, – беззаботно пожал плечами Лютто.

Кейлот наградил южанина долгим пытливым взглядом.

– Слишком многое ты «просто» знаешь, – сказал он.

– У меня обширная сеть информаторов, – ответствовал Лютто с таким видом, что невозможно было точно определить, шутит он или говорит серьезно.

Серебряный силуэт уже пропал из виду. В небе мерцали звезды и плыли облака, а то облако, которое продырявил Алмазный Дракон, по форме напоминало пронзенного стрелой зайца.

– Как ты думаешь, Лютто, он улетел на север, чтобы положить конец существованию еще одного города в Королевстве Низовья?

– Не могу знать. Но вы сами говорили, что каковы бы ни были его мотивы, то с удовольствием выслушаете их, прежде чем…

– Да-да, отсечь ему голову. Признаю, я несколько переоценил свои силы. Впрочем… Как ты думаешь, если Алмазный Дракон и впрямь отправился атаковать Королевство Низовья, как долго он пробудет в пути?

– А теперь вы переоцениваете мои силы, господин, – усмехнулся Лютто, впрочем, как-то невесело. – Этого никто не знает. Алмазный Дракон может пробыть в пути и месяцы, и дни, и даже часы. Может, в эту самую минуту он кружит над Дымным Лесом, а может, и над плато Тур-Тур, с которого мы начинали свой путь.

– Очень скверно, – поджал губы Кейлот.

– А вы хотели устроить засаду в Хрустальной Пещере, пока хозяина не будет дома?

– В общем-то, да.

Лютто улыбнулся хорошей дружеской улыбкой:

– Вас легко предугадать. Сразу видно, что прежде вы воевали только с людьми и исключительно на суше.

– Что поделаешь? В воздухе мы едва ли составим конкуренцию Алмазному Дракону.

– А нам и не нужно подниматься в воздух. Мы попробуем разобраться с ним в Хрустальной Пещере. Но идти туда необходимо ночью.

– Почему именно ночью?

– Когда Хрустальная Гора предстанет перед вами во всей своей красе… Особенно если день выдастся солнечным. Вот тогда сами все поймете.

Кейлот тяжело вздохнул:

– Как же вы оба любите говорить загадками. Поди, разбери, о чем вы иной раз толкуете!

– На то мы и братья, господин, – уклончиво ответил Лютто.

Внимание обоих внезапно привлек громкий хлопок, за которым последовал приглушенный рык. Ладонь Кейлота инстинктивно сжалась на рукоятке меча. Когда за грозным рычанием последовал сдавленный визг, постепенно переходящий в предсмертные хрипы, воин слегка ослабил хватку. Похоже, где-то неподалеку лесной вепрь нашел свое последнее пристанище в лапах черной рыси.

– Ты уверен, Лютто, что на дежурстве у тебя не возникнет никаких проблем?

– Абсолютно.

– Я сомневаюсь, что…

– Не переживайте, господин, если у меня возникнут трудности, я разбужу Ватто и попрошу его призвать Самума. Знаю, он – всего лишь саламандра, но порой может сойти и за хорошего сторожевого пса.

Кейлот повернул голову и взглянул на спящего Ватто. Не нужно было гадать, что ему снится – кошмары были написаны на его лице. Глазные яблоки вращались под сомкнутыми веками, брови то сходились, то расходились; ресницы трепетали, а лоб покрывался морщинами и разглаживался, когда во сне Ватто удавалось скрыться от преследующих чудовищ.

– Почему он не может вскрикнуть и проснуться? – спросил Кейлот.

– Кошмары не отпускают его, – мрачно заметил Лютто. – И он не избавится от них, пока не забрезжит свет утра или кто-то из нас его не разбудит. Такова сила проклятия.

Кейлот нахмурился. Он задумался над тем, чтобы схватить Ватто за плечо, тряхнуть его и таким образом вытащить из липких объятий кошмара. Но потом решил, что это не выход. Ватто все равно рано или поздно уснет, и ужас вновь вернется в его сновидения. Единственный выход из ситуации – не спать вовсе. Но едва ли такая задача окажется южанину по плечу.

– Мой брат не убийца,– заявил вдруг Лютто.

Кейлот удивленно взглянул на него.

– Так ты, оказывается, все слышал!

– Нет, я крепко спал. Но я предполагал, что рано или поздно Ватто расскажет вам эту историю. Захочет покаяться. И такой случай ему, в конце концов, представился. Я не виню его – каждому иногда хочется облегчить душу. Если, конечно, есть, от чего избавляться. Но уверяю вас, Ватто – не убийца. Тот мальчик по-прежнему жив, и я знаю это. Только управляться ему приходится одной рукой. Но ничего. Впредь будет дороже ее ценить, и не станет совать уцелевшую, куда не надо.

– А ты жесток, Лютто.

– С глупостью не надо нянчиться.

– Наверное, так, – согласился Кейлот.

***

Кейлот лег спать и ему едва ли не впервые за все время путешествия приснился родной городок Денвилль. Это был город, в который еще не пришла чума и не выкосила все живое.

Невероятно! Он снова находился у себя дома. И дом выглядел под стать своим жителям – добротный, богато обставленный и, что куда важней, обитаемый. Это чувствовалось во всем: в том, как стояла мебель, как были расставлены вещи, даже в кружевной накидке, небрежно наброшенной на спинку кресла. А особенно в игрушках, что были разбросаны по всему полу, словно ими еще совсем недавно играли дети. Но где же все? Где Кельмер, его младший сын? Кантария, юная принцесса с волосами цвета зрелой пшеницы? Кеймон, старший сын? И, наконец, его супруга, Кельвида? Где же они все? Кейлот огляделся. В

доме было пусто и тихо, если не считать тиканья больших часов, стоявших в углу, и потрескивания пламени в камине. Если не считать мерного покачивания маятника, то все вокруг было неподвижно. Кейлот открыл рот, чтобы позвать кого-нибудь, но с его губ не сорвалось ни единого звука.

Осторожный стук нарушил тишину. Казалось, посетитель, несмотря на всю важность своего визита, все же не хотел потревожить воцарившийся в доме покой. Кейлот подошел к окну, отдернул занавеску, и сердце его чуть не выпрыгнуло из груди. Снаружи стояла Кельвида, его белокурая красавица с голубыми глазами. Она тянула руку к окну, чтобы снова постучать, но когда увидела мужа, глаза ее широко распахнулись, а губы разошлись в радостной улыбке.

«Кельвида!» – хотел выкрикнуть он, но голосовые связки по-прежнему отказывались ему служить.

«Кейлот!» – он увидел, как ее губы произнесли его имя, но будь он проклят, если услышал хотя бы звук.

«Ты жива!» – произнес он, касаясь ладонями стекла, досадуя на то, что эта хрупкая и непреодолимая преграда так не вовремя выросла между ними. От его дыхания окно слегка запотело, и Кейлот поспешил протереть его, боясь, что как только матовая пелена исчезнет, образ его супруги тоже пропадет без следа. Но, слава небесам, этого не случилось. Женщина осталась на прежнем месте. Правда, в глазах ее появилось тягостное выражение тревоги, страха и неизбежности.

Кельвида подняла вторую руку. В ней оказались очки – хитроумное устройство для устранения недостатков зрения. Цена у этой конструкции была поистине заоблачная, поэтому неудивительно, что подобную роскошь могли позволить себе только вельможи и особы королевских кровей, которым досаждала близорукость. Ходили слухи, что стекла для такой вещицы делали алхимики, мол, только им был ведом секрет придания стеклу таких свойств, чтобы оно могло в известной мере как увеличивать, так и уменьшать. А воедино очки собирали феи и лилипуты, потому что только их крохотные ловкие пальчики могли закрутить миниатюрные винтики и приладить тонкое стекло к выкованной из меди или золота оправе.

Поэтому Кейлот был немало удивлен тому, что именно это странное приспособление находилось в руках у его жены. Кельвида между тем постучала пальцем по линзам, а потом указала на Кейлота.

«Ты хочешь, чтобы я взял их? Но почему бы тебе не зайти?» – произнес Кейлот одними губами. Определенно, голосовые связки не собирались ему сегодня помогать. Поэтому не удивительно, что Кельвида его не услышала и не воспользовалась приглашением.

Женщина вновь подняла свободную руку и пальцем указала на него. Кейлот схватился за оконные скобы и потянул на себя. Створки не поддались. Кейлот посмотрел вверх и увидел задвижку в верхней части окна. Стальной рычажок был повернут вверх, и это означало, что замок заперт. Кейлот протянул к нему руку. Для совершения этой манипуляции, ему пришлось отвести взгляд от Кельвиды, но он чувствовал, что она все еще там, по другую сторону стекла. Но стоило его руке коснуться холодной стали замка, как окно резко вытянулось, и задвижка ушла далеко вверх. Кейлот чертыхнулся, поскольку его рука нисколько не прибавила в длине. Он глянул за стекло, но Кельвиды там уже не оказалось. Очки лежали на подоконнике, а по их стеклам, подобно двум симметричным трещинкам, струилась кровь.

Глава 8. Сказание о Роншейне

Кейлот проснулся, когда солнце уже ярко светило в небе, а его ослепительные лучи уверенно пробивались сквозь заметно поредевшие кроны – надежное свидетельство того, что зловещая громада Мрачного Леса наконец канула в прошлое. Воин попытался прикинуть, который сейчас час, однако не преуспел в этом занятии и пришел к выводу, что все равно проспал непозволительно долго. Лютто и Ватто сидели в сторонке и о чем-то тихо переговаривались. На земле, возле выложенного из камней круга для костра (в центре которого возвышалась теперь лишь горка пепла) лежали две длинные жерди. В недалеком прошлом они могли оказаться молодыми деревцами, которые на свою беду произрастали вблизи от того места, где путники устроили привал.

– Это предназначено для нашего перехода через болото? – осведомился Кейлот, смутно поминая слова Ватто, произнесенные накануне.

– Совершенно верно, – кивнул южанин. – Я взял на себя смелость позаботиться и о вас.

– Благодарю тебя, Ватто. Но в своем стремлении позаботиться обо мне, ты, кажется, кое о ком позабыл.

– Разве?

– Тут две жерди, а нас трое.

– Все правильно, господин. Одна – для вас, другая – для меня. А Лютто…

– А Лютто позаботится о себе сам, – заявил его брат. – У вас была возможность удостовериться в неординарных способностях Ватто. Держу пари, что мои слова вы принимали за чистое бахвальство.

Кейлот качнул головой, опровергая сказанные слова. Но мысленно согласился с ними. Да, он считал Лютто хвастуном. Поскольку не верил, что тому станет под силу пройти по воздуху, перепрыгивая с одного облака на другое. Впрочем, до недавнего времени он пребывал в полнейшей уверенности, что ни одному человеку не дано явить из ладоней огонь. И, как видно, немало в этом ошибался.

– Я докажу вам, что мои слова – это совсем не хвастовство.

Они выдвинулись в путь через пятнадцать минут. Часть времени ушла на то, чтобы уложить и увязать вещи. Часть – на то, чтобы уничтожить следы костра. А львиная доля потраченного времени понадобилась, чтобы Ватто показал Кейлоту, как следует управляться с жердью. На первый взгляд, ничего сложного в этом не было. Южанин крепко ухватил жердь посередине. Нижний ее конец упирался в землю у его ног.

– Когда удостоверитесь, что почва у вас под ногами достаточно крепка, начинайте пробивать себе проход, – и Ватто совершил жердью несколько движений, напомнивших Кейлоту раскачивание маятника. – На самом деле, никакого видимого глазу прохода не возникнет, но грязь

в том месте, где вы растолчете ее жердью, станет менее плотной, и вы сможете пройти.

– Спасибо за науку, Ватто.

– Поблагодарите, когда доберемся до опушки. А пока, во имя небес, держите жердь крепко.

И они тронулись. Поначалу местность вокруг оставалась прежней. Ноги путников все так же по щиколотку увязали в грязи, в воздухе звенела капель, а перед глазами висела тонкая водяная взвесь. Любая попытка сравнить ее с каким-либо из известных атмосферных явлений потерпела сокрушительную неудачу. Крохотные подрагивающие бисеринки, прозрачные, как и дождевые капли, низвергались с небес, но отчего-то не достигали земли и не скапливались там в безразмерные лужи. Вместо этого они принимались выписывать в воздухе крутые спирали и умопомрачительные зигзаги. Проследить за их стремительным полетом было совершенно невозможно, а едва Кейлот предпринял такую попытку, озадачившись природой этого странного дождя, как его нога провалилась в скрытую под грязью яму, и воину пришлось всем телом навалиться на жердь, чтобы кое-как сохранить равновесие. Палица затрещала и угрожающе прогнулась, но выдержала его вес и не сломалась.

– Ох, черт! Хорошее же начало! – выругался воин, мигом позабыв о загадочном явлении.

– Осторожней, господин! – крикнул Ватто, оборачиваясь. – Болото Роншейн углубляется порогами. Прощупывайте почву перед тем, как ступить. Потом пробивайте себе дорогу.

– Ладно, ладно, – проворчал Кейлот. – Не впервой уже пробираться через болота. Только… – его левая нога присоединилась к правой, и далее воин побрел по колено в грязи. – Только в обычных болотах не приходится пробивать себе никаких проходов.

– Зато грязевое болото не пытается вас засосать.

– А что же тогда оно делает?

– Оно вас обездвиживает, чтобы существа, населяющие его глубины, могли вами полакомиться.

– Звучит многообещающе, – Кейлот стиснул зубы, чтобы вытащить ногу из вязкой грязи и сделать ею очередной шаг. Жилы у него на шее натянулись, точно канаты.

– Не вышагивайте, как цапля, – окликнул его Ватто. – Не вытаскивайте ноги из грязи, иначе через час лишитесь всех сил.

Кейлот прислушался к совету южанина и не без труда подтянул левую ногу к шагнувшей вперед правой.

– Проход, проход! – напомнил ему Ватто. – Работайте жердью, господин!

– Однако здесь надо еще приноровиться…

Кейлот заскрипел зубами. Меньше всего ему сейчас хотелось исполнять роль неспособного ученика, но без этого, видимо, никак было не обойтись. Воин покрепче ухватил жердь, воткнул ее в грязь перед собой и начал работать палицей, как маятником. Пытался повторить урок, преподанный ему Ватто. И судя по тому, что последующие шаги дались ему намного легче, сделал он все правильно. Теперь следовало соблюдать заданный ритм и не отставать от южан.

– Давайте мне свой заплечный мешок, господин, – предложил Лютто. Кейлот поднял голову и увидел, что парень возвышается над ним на добрых пять дюймов, хотя раньше едва доставал воину до плеча. При первой встрече Кейлот пришел к выводу, что южане вообще очень мелкий народец, но сейчас он готов был в корне пересмотреть свое мнение. Воин опустил глаза и сразу понял, в чем заключалась причина такого быстрого роста. Там, где ноги Кейлота по колено уходили в грязь, подошвы сапог Лютто оставляли лишь легкие следы.

– Как ты это делаешь? – удивился рыцарь, вытаскивая руки из лямок заплечного мешка, чтобы передать его Лютто. У того на одном плече уже висел собственный мешок, на другом – поклажа Ватто. Заплечный мешок Кейлота он за лямки подвесил себе на левый локоть. И несмотря на такой груз, по-прежнему оставался на поверхности.

– Не знаю. Как-то получается, – пожал плечами Лютто, и его губы украсила легкая лукавая усмешка.

– Ты левитируешь? – Кейлот слыхал, что такое возможно, но еще никогда не видел собственными глазами парящего в воздухе человека.

– Нет, господин. У меня, видимо, полые кости.

– Голова у тебя полая, – проворчал Ватто.– Хватит болтать. Иди вперед и разведывай местность.

Лютто метнул в спину брата колючий взгляд.

– Ладно, я пойду, – сообщил он Кейлоту. – Ваш меч, господин?

– Если не возражаешь, мой меч останется со мной.

– Вы не потеряете его?

– Не волнуйся, он надежно закреплен, – и Кейлот пару раз хлопнул себя рукой по бедру.

– Как знаете, – и Лютто поспешил дальше, погромыхивая кастрюльками и чугунками, которые лежали в мешке Ватто. Кейлот проводил его восторженным и отчасти завистливым взглядом. А когда опустил глаза, то увидел нечто такое, что на мгновение отняло у него дар речи. Лютто ушел, но на грязи остались отпечатки его сапог, которые оказались весьма примечательны, как и все то, что так или иначе было связано с братьями-южанами. Рельеф подошвы изображал остров и восходящее из-за него солнце. Прямые лучи полукругом расходились по небу, а волнистые линии внизу являли собой плещущиеся воды. Вроде бы ничего необычного… Кейлот прищурился. Определенно, зрение у него было уже не то, что раньше, поскольку, присмотревшись, он вдруг обнаружил, что на отпечатке отображен вовсе не остров, а спина кита. Кейлоту даже удалось различить приоткрытый глаз морского чудовища. Но стоило воину расслабить зрение, как глаз исчезал, а кит снова превращался в остров. Струя воды, бьющая через отверстие в спине, превращалась в раскидистую пальму. В конце концов, грязь потеряла форму, которую ей придала нога Лютто, и отпечаток исчез. Кейлоту оставалось лишь подивиться

подобной иллюзии и пообещать себе, что в следующий раз он уж точно разгадает эту странную загадку.

В середине дня троица осилила еще один порог и побрела уже по пояс в грязи. Точнее побрели только Кейлот и Ватто. Лютто же без помех преодолевал одну милю за другой, не чувствуя ни усталости, ни угрызений совести. Кейлот наловчился орудовать жердью не хуже Ватто, но все равно плелся позади, потому что его старые суставы сильно уступали молодым коленям южанина. Помимо всего прочего, окружающая местность также таила в себе немало препятствий для непосвященного и неопытного человека. Взять, к примеру, солнце, которое нещадно припекало с небес и иссушало вязкую поверхность болота, превращая ее в тонкую корку. Толщина ее была незначительной, но приходилось прикладывать дополнительные усилия, чтобы оббивать эту земляную пародию на лед, ибо выдержать вес человеческого тела она не могла, а идти мешала. К счастью, в скором времени небо заволокли тучи, и эта досадная проблема разрешилась сама собой.

Не давали покоя и крохотные существа, которых Кейлот поначалу принял за парящие в воздухе водяные бисеринки. О том, что они являют собой настоящих назойливых паразитов, воину предстояло убедиться в самом скором времени, когда невиданные насекомые облепили лицо и осыпали его многочисленными укусами.

– Во имя небес, что это за напасть такая? – воскликнул Кейлот, с трудом преодолевая желание коснуться пальцами иссохшей, воспаленной кожи. Ощущение того, что от единой легкой усмешки его лицо может растрескаться, словно старая гипсовая маска, крепло с каждой долей секунды.

Лютто в этот момент находился далеко. Ответил ему Ватто:

– Это снакты – водяные пчелы. Вместо нектара они собирают росу… ну, или человеческий пот, – когда он обернулся, Кейлот увидел, что лицо южанина покрыто крошечными красноватыми изъязвлениями. Видимо, от снактов ему тоже хорошенько перепало.

– Ватто, у тебя…

– Да, я знаю. Чувствую.

– Есть от этой напасти хоть какое-то спасение?

– Есть, – кивнул южанин, – не потеть.

– А что-то более осуществимое? – спросил Кейлот, оценив его сарказм короткой усмешкой, которая грозила исполосовать его лицо кровавыми ранами. Но естественно, ничего подобного не произошло. По крайней мере, Кейлот этого не почувствовал.

– Обмазаться жиром. У меня есть немного. Собрал в свое время, когда понял, что нам непременно придется пройти по этому маршруту. Но это на ночь.

– На ночь?

– Ну да. Если вы думаете, что в ночное время снакты объявляют о перемирии, то глубоко заблуждаетесь.

– А где же мы будем ночевать? По пути мне не встретилось еще ни одного островка.

– Скорее всего, на дереве… Вы же умеете спать на деревьях?

– Хм, не могу с уверенностью сказать о том, чего никогда не делал раньше.

– Придется попробовать. И лучше бы вам не свалиться.

Кейлот тяжело вздохнул, осознав, что грядущая ночь с большой вероятностью может оказаться для него бессонной. Он остановился, чтобы перевести дыхание. На ладонях взбухли кровавые мозоли. Лицо, усеянное изъязвлениями, зудело и ныло. Снакты тучами носились над головой. Шевелить распухшими губами было больно. Капель, звенящая в воздухе, прибавила в громкости. Ей вторило журчание ручейков, которые стекали по стволам деревьев. И что-то еще… Прислушавшись, Кейлот различил протяжное заунывное пение, перемежающееся горестными стенаниями. Мороз мигом пробежал по коже, и Кейлоту невольно вспомнился рассказ Ватто о привидениях.

«Не может быть, – успокаивал себя воин, – это все досужие сплетни».

Кейлот поднял глаза, в попытке отыскать источник леденящего душу воя, и вздрогнул, обнаружив на одной из ветвей гигантского питона. Его тело двумя десятками колец обвивало толстую ветвь, голова свешивалась вниз, а у безгубого рта танцевал тонкий расщепленный надвое язык. Немигающие глаза горели зловещим зеленым огнем. Вид оказался весьма жутковатым, но стоило воину опустить глаза и скользнуть мимолетным взглядом по бугристой коре, как он тут же отыскал зрелище куда более загадочное и удивительное, чем это. Поначалу разрозненные отрывки видения никак не желали складываться в единую картину, но через мгновение воин осознал, что глядит вовсе не на побуревший и распухший от воды древесный ствол, а как будто заглядывает в чью-то гневную и насупленную физиономию. При всем желании Кейлот не мог сказать, что именно натолкнуло его на подобные размышления: сучковатый обломок, заменяющий созданию нос, беловатые пятна, похожие на полуслепые глаза, из которых непрестанно сочилась вода, или продольные борозды в коре, напоминающие длинную, одеревеневшую бороду? Как бы там ни оказалось, но воин готов был поклясться, что краем глаза уловил слабое движение, как будто древесное лицо в безмолвном негодовании поджало губы и сдвинуло кустистые брови. Слезящиеся глаза глядели на чужестранца с такой жгучей ненавистью, что воин кожей ощущал этот испепеляющий взгляд.

– Какие-то проблемы, господин? – спросил Лютто, неожиданно возникая у Кейлота за спиной.

– Мне кажется, будто я вижу лицо на стволе… – нерешительно начал тот, вполне ожидая, что южанин просто беззлобно посмеется над происками его разыгравшегося воображения и пойдет дальше.

Однако Лютто воспринял его слова совершенно серьезно:

– Вам станет легче, если я скажу, что тоже это вижу? А еще скажу, что ему совсем не нравится такое пристальное внимание к его скромной персоне. Давайте отойдем подальше, пока вам не отвесили оплеуху одной из веток.

Кейлот предпочел последовать совету южанина, хотя не имел никакого представления, о чем тот вообще толкует. И только через

десяток нелегких шагов, когда странное дерево осталось позади, воин отважился задать южанину очередной вопрос.

– Что это было, Лютто?

– Это проклятая душа, принявшая облик дерева.

– О! Значит, когда-то оно было человеком?

– Они, – поправил его Лютто, многозначительно приподнимая брови. – Они были людьми. Это дерево – не единственное такое в своем роде. Когда-то давно это был небольшой народец, пренебрегший клятвами и теперь расплачивающийся за свое предательство.

– То-то я и гляжу, что вокруг как-то неспокойно.

– Слышали чьи-то стенания, господин? – уточнил Лютто.

– Вот именно. Сначала я подумал, что это капель, но потом решил, что даже плеск воды не может воссоздать заунывное рыдание.

– Потому-то этот лес и зовется Лесом Плача.

– Что тут произошло?

– Это очень длинная история.

Кейлот остановился, хотел было поплевать на свои ладони, но оглядел большие кровавые мозоли и передумал. Лютто шел рядом, обвешанный кладью, словно навьюченный мул, оставляя позади себя странные следы, на которых остров становился китом, а кит – островом. Над головами у путников вились снакты. Ежеминутно какая–нибудь из водяных пчел со шлепком опускалась на кожу Кейлота или Лютто, и они отгоняли ее взмахом руки. Видя, как машет руками Ватто, становилось понятно, что его донимает та же проблема.

– Насколько я понимаю, впереди у нас еще предостаточно свободного времени, так почему же не развлечь себя интересной историей?

– Хорошо. Тогда слушайте.

Лютто начал:

– Лес Плача некогда – а на самом деле очень давно – являлся южной половиной Мрачного Леса. Но в отличие от северной, южная была населена людьми. Селение не носило никаких конкретных названий, себя эти люди никак не величали, поэтому все называли их просто – лесными жителями. И последних это прозвище вполне устраивало. Домов они не строили, а рыли себе землянки. Питались ягодами и корешками. Жили мирно, никуда не вмешивались и ни с кем не воевали. А к востоку отсюда находился крупный город Роншейн...

– Так называется это болото.

– Откуда вы знаете?

– Ватто не раз упоминал это название.

– Да, сейчас оно и впрямь распространилось на болото. Но вы перебили меня, господин.

– Извини, Лютто.

– В Роншейне тоже жили люди, и общество у них было построено куда лучше, чем у лесных жителей. Может, это был не самый великий город всех времен и народов, но довольно долгое время его название являлось символом процветания, роскоши и богатства. Земляные недра под городом изобиловали рудоносными жилами. Роншейнцам понадобилось совсем немного времени, чтобы это понять. Вскоре тамошняя местность пестрела не только домами и монументами, но также вышками и шахтами. Жители добывали уголь, цветные металлы, золото, серебро… В общем, все то, на чем можно недурно заработать. А землю свозили на склоны Хрустальной Горы.

– Зачем?

– Чтобы заглушить блеск хрусталя. Вы что, думаете, будто люди, которые протянули руки ко всем ценным ископаемым, не знали, что живут рядом с настоящим сокровищем? Ну, еще бы не знать! Каждый год они добывали там тонны хрусталя, а чтобы ни с кем не делиться, как могли маскировали гору снаружи. Но прежде всего жители Роншейна возвели высоченный земляной вал вокруг города. Им они отгородились от востока и севера, и частично от юга. Оставили только путь к Хрустальной Горе. Туда они отправляли тачки, груженные

землей, а обратно приходили обозы с хрусталем. Каково, а? Держу пари, что этот Южный Тракт по эффективности не уступал легендарному философскому камню, вот только был чересчур громоздким – шутка ли, несколько десятков миль? Так вот, открытым оставался и путь на запад, в Мрачный Лес. Роншейн не торговал с лесными жителями – он отдавал им многие ценности бесплатно. Невиданная щедрость по тем временам! Да и по нынешним тоже… Но и это роншейнцы делали неспроста. Во-первых, они хотели, чтобы лесные жители помалкивали о Хрустальной Горе. Ибо тогда слухи о ее существовании приравнивались к мифам. А во-вторых, рассчитывали заручиться поддержкой соседей. На город часто нападали степные кочевники, привлеченные слухами о несметных богатствах Роншейна, и горожане хотели, чтобы в случае опасности жители леса пришли им на помощь. Лесные люди ответили согласием и со спокойной душой продолжали принимать подарки. А чего тревожиться, если восточный и северный валы были настолько велики, что один вид отбивал всякое желание их штурмовать? Вот лесные жители и благоденствовали за счет Роншейна, уверенные в том, что за многие сотни лет у них не возникнет необходимости платить по счетам.

Роншейн и Мрачный Лес, можно сказать, побратались. В центре города был воздвигнут большой бронзовый колокол, как символ нерушимой дружбы. И было объявлено, что, покуда колокол молчит, лесные жители могут спать спокойно. Но если вдруг огласит округу своим звоном, то они тут же должны оставить все заботы и примчаться на выручку. Колокол действительно молчал многие годы. Некоторые закоренелые скептики уже начали сомневаться, а сумеет ли он сослужить свою оповестительную службу, когда наступит такой час? Но, как оказалось, с колоколом все было в порядке. А в чем не мешало бы удостовериться, так это в преданности лесных жителей.

Однажды случилась беда. Роншейн продолжал истощать земные недра. Под городом образовалось столько полых пещер и ходов, что в один из дней земля не выдержала, и Роншейн провалился. Было очень много раненных и погибших. А те, кто не пострадал, просто не могли ничего сделать – так мало их осталось. Тогда кто-то начал звонить в колокол, призывая лесных жителей на помощь. Но те не откликнулись на зов. Они попрятались по своим землянкам, чтобы потом сослаться на

то, будто не услыхали набата. Но на самом деле бронзовый колокол не только блестяще выполнил свою задачу, но и перевыполнил ее, ибо звон его на сотни миль прокатывался по округе и был прекрасно слышен даже под землей. Так что вероломным жителям леса не оставалось ничего другого, как скорчиться на полу землянок и затыкать уши пальцами. Через некоторое время набат оборвался. Произошло это когда клочок земли, на котором был воздвигнут колокол, низвергся в глубины. И тогда воцарилась тишина. Лесные жители покинули свои убежища и подняли головы к небу. Там пламенел багровый отсвет пожаров. Земля дрожала, над лесом катился грохот рушащихся домов, а крики и стоны людей звучали так же громко, как и звон бронзового колокола.

Когда через два дня малочисленная делегация Роншейна прибыла в поселение лесных жителей, чтобы спросить с последних за предательство, те нашли в себе наглость ответить, что договор между ними касался исключительно набега кочевников, и уж никак не относился к стихийным бедствиям. Глава делегации сплюнул себе под ноги – а это страшный знак, когда чужестранец плюет на твою землю – и сказал:

«Тогда будьте вы прокляты!» – и вся группа отбыла, не проронив более ни единого слова. Куда они ушли, никто не знает и по сей день.

Через сорок дней, на сороковую ночь после гибели Роншейна, спящих лесных жителей вновь разбудил звон бронзового колокола. Испугавшись, они не стали покидать своих землянок. А зря. Потому что гигантский оползень – та самая земля, которую роншейнцы годами свозили на Хрустальную Гору – сорвался со склонов и устремился вниз. Грохоча и сминая все на своем пути, мчался он прямиком на Мрачный Лес. И через несколько минут схоронил под собой и деревья, и землянки, и находившихся в них людей. Некоторое время несчастные еще смогли прожить в своих обиталищах – еды и питья хватало. Да только воздух быстро заканчивался. И, в конце концов, все они умерли страшной смертью, убивая друг друга за каждый глоток воздуха, синея на глазах, когда он начинал подходить к концу. Через несколько часов землянки превратились в могилы.

Однако история на этом не закончилась. Десять лет на месте южной половины Мрачного Леса простиралась неприглядная пустошь. Но по истечении этого срока на поверхность начали пробиваться ростки деревьев. Боги позволили вероломным лесным жителям покинуть свои обиталища, но не в человеческом обличье, и даже не в бесплотной форме духов и привидений, а в облике деревьев. И объявили им тогда боги, что расти предателям здесь тысячи лет, пока они вновь не услышат звон бронзового колокола. Но на месте Роншейна образовался огромный котлован, а за десять лет его наполнили дожди и подземные воды. Так что к востоку отсюда теперь простирается не город, а озеро. Пресловутый бронзовый колокол лежит на самом дне, похороненный под обломками зданий.

И поняли лесные жители, что оставаться им деревьями до скончания времен. Начали они плакать и стенать. И вдруг обнаружили, что слезы размачивают почву. Зародилась тогда у них в сердцах неожиданная и несмелая надежда, что если они как следует постараются, то слезами своими размоют землю, сошедшую в виде оползня, обнажат входы в землянки и выпустят на волю свои неприкаянные души. Вот с тех пор и упорствуют.

А проезжающие мимо караваны и кочевники, которые лицезрели это странное явление, переговариваясь, все чаще упоминали Роншейн и его страшное проклятье. Так к болоту и пристало новое прозвище. Его тоже начали величать Роншейном.

Кстати, мрачные истории о привидениях не обошли стороной и озеро, ибо жадность, которой славились несчастные жители Роншейна, также не относится к перечню человеческих добродетелей, равно как и клятвопреступление. Когда дует ветер и водная поверхность покрывается рябью, по округе разносятся крики и стоны. А в особо ясную и жаркую погоду, когда припекает солнце, на берегах озера появляется соль, хотя вода в озере пресная. Некоторые смельчаки, которые отважились подойти к кромке и унести по соляному кристаллу, потом с удивлением обнаруживали, что это и не соль вовсе, а хрусталь. Правда, вскоре судьба отворачивалась от них, и смельчаки эти умирали странными и загадочными смертями, вдали от тех мест, где раздобыли свои удивительные находки.

Современная
проза

Виктория Ольгина

НЕСОВПАДЕНИЕ

Так жаль, что все разладилось. Правда, жаль, что мы совсем не совпадаем по времени. Наверно, в этом проблема. Ты с работы, я на работу, ты «привет», я «пока», а последние две недели и вовсе ничего. Ни «привет», ни «пока», ни «завтрак на столе».

И все после того, как от тебя пахнуло, как показалось, чужими женскими духами. Французские «Эллипс» или что-то похожее. Я принюхалась, поморщилась, переспросила. Ты беспечно ответил, что не понимаешь, о чем я. Зевнул и ушел спать. И видел десятый сон, а я целый день на работе мучилась, думала, представляла соперницу, сомневалась в твоем графике, переспрашивала на работе, когда можно застать. Все совпало. Тогда что не так?!

И я возмутилась. Успела… в те двадцать минут совместного пребывания. Ты, невзирая на усталость, шагнул ко мне, хотел обнять, а я, невольно вдыхая и как бы прислушиваясь к запахам, разразилась гневной тирадой о том, что ты нужен всем.

Я ругала твое начальство, нехватку сотрудников, возмущалась необходимости работать по ночам, мчаться по звонку, спасать кого-то неизвестного, с переменным успехом, даже на сто процентов зная, что не выживет. Кричала, что я все время одна. Ты не хочешь понять, что нужен мне.

– Был нужен, – уточнила я.

– А теперь? – переспросил, глядя на меня усталыми и воспаленными от бессонной ночи глазами.

– Мне надоело, – зло бросила я и, не сказав «пока», громко хлопнула входной дверью.

Вечером дома меня встретила тишина и нетронутый завтрак на столе. Ты ушел на двадцать минут раньше или утром после моей отчаянной тирады? В спальне ничего не изменилось. Накинутое на постель одеяло – огромное, на двоих, теплое и при этом легкое. Нежно-розовые тюльпаны на оптимистичной весенней зелени постельного белья. Застилать покрывалом не имело смысла. Я вставала, ты вскоре ложился, мой запах и тепло баюкали тебя и звали в мир сновидений, где нам хорошо, где мы вместе.

Мне было жаль, но упрямство и ощущение безысходности заставляли быть жестокой и безмолвной. Почти две недели мы не говорили привычных утренних и вечерних дежурных фраз. Ты приходил, а я уходила чуть раньше обычного, и наоборот.

Я поняла, как звенит тишина. Оставшись одна, бесцельно бродила по дому, включала музыку, которую когда-то любили слушать вдвоем. Однажды даже позвонили соседи снизу и попросили сделать тише – у них спит маленький ребенок.

– Ваши гости поймут. У всех есть дети, – сказали они.

– Гости, дети, – повторяла я и истерически хохотала, повесив трубку.

Потом не выдержала и написала о том, как я люблю тебя, как мне плохо, просила простить за глупость и обязательно есть то, что я готовлю…

Мне не понравилось. Я скомкала листок и начала сначала, потом еще и еще. Я писала о своей надежде завести ребенка, о соседях и подругах, имеющих детей… Писала разные глупости, затем перечитывала и, скомкав, бросала в мусорное ведро. Хотелось вернуть хотя бы то, что было. Все эти «пока», «привет», быстрые объятия, скомканные простыни с нежно-розовыми тюльпанами, сброшенное на пол одеяло.

В результате, уходя на работу, я оставила записку. Прикрепила желтый маленький листочек магнитом к холодильнику.

Ты пришел и прочитал: «Вынеси, пожалуйста, мусор. Я не успела». Вынимая пакет, увидел много скомканных листочков, расправил и прочитал их все. Весь мой бред, пустые мечты и надежды.

Следующее утро встретило плеском воды в ванной и большим букетом тюльпанов на кухне.

– Ты дома?! – удивилась я.

– Я в отпуске, – осчастливил меня муж, заключая в объятия.

– Может, бросишь эту работу?

– Нет, мы сделаем по–другому…

Через девять месяцев нас было трое. Я не всегда могла сказать «завтрак на столе» и забыла, как выглядят узоры на ногтях и косметика, но муж не обижался. Веселый, щекастый карапуз занял почти все мое и наше общее время. Втроем мы чудесно пахли чем-то молочным и сладковато-вкусным. И не было большего счастья, чем видеть двух самых любимых людей рядом…

Владимир Бриз

ДЕРЗКАЯ

Наши компании гуляли за соседними столиками, и искрометный танец свел нас вместе.

– Тут случайно за тобой не наблюдает где-нибудь жена? – шепнули мне на ухо.

– Нет. Я абсолютно разведен, – честно признался я.

– Хорошо. Тогда ты мой.

Вскоре я был представлен ее подругам, те порадовались за нас и тут же раскрутили меня на выпить и закусить. Я был не против, и всем поэтому понравился. После мы еще сходились в танцах. Мне многозначительно пожимали ладонь. В ответ я не менее многозначительно пожимал все, что под руку попадется. Покидали заведение мы уже вместе. Прощальная сцена происходила возле ее подъезда.

– Хватит целоваться. По домам пора. Поздно уже.

– Угу. Телефон-то дашь?

– Нет, конечно.

– Не понял.

– Ну, я дама замужняя, а ты начнешь названивать. Оно мне надо?

– Ты замужем? – я искренне расстроился. Взбудораженный алкоголем мозг успел уже нарисовать мне совместное житье-бытье.

– Ну да. Десять лет уже. Прикинь. Живу с гандоном каким-то. Представляешь, заявил мне недавно, что я овца е*аная. Ка-а-злина.

Сидит теперь без секса. Лошара. Щас музыку одну включу. Бли-и-н. Дебильные сенсоры. А, вот она.

Заиграла песня «Ты че такая дерзкая». Девушка задергалась в свете фонаря, растопырив пальцы.

– Это про меня прям песня. Еду я сегодня на своей ласточке, и тут какой- то чел подрезает. А я ему такая: – Па-а-шел на-ах. А он мне: – Ты че такая дерзсская. Пошли, че покажу, – она взяла меня за руку и потащила вглубь парка.

Все еще расстроенный и погруженный в свои трезвеющие думы, я не сопротивлялся.

– Вот тут. Никто не увидит.

Мы спустились под мост. Под ногами зашуршали пакеты, зазвенели и захрустели бутылки. Стена, уходящая в темень, явно использовалась, как туалет.

– Только не говори мне сейчас, что у тебя нет презерватива. Я убью тебя тогда, – она судорожно вцепилась мне в ремень.

– У меня нет презерватива.

– Не, ну че за мужики пошли. Скажи мне. Почему вы все такие уроды? Хочется мужчину, а кругом тряпки. Вы же не способны ни на что. Ни на какие подвиги и поступки.

– Извини. Задумался и выпал в астрал, – я наконец-то пришел в себя. – Просто уточняю. Трахаться на помойке входит в число великих подвигов?

– Так. Все. Я передумала. Помоги подняться и иди, куда шел. Не иди за мной, я сказала.

– Тут одна дорога.

– Вот и иди по ней подальше. Такой вечер испортил. Ка-а-зел.

Я остановился и в лучах рассвета подсчитал оставшиеся деньги. Пятьдесят рублей серебром и медью. Да. Нехило подзажег. Таксисты не поймут. Надо выбираться в цивилизацию.

– Эй, мусчина, – окликнули меня сидящие на лавке женщины бомжеватого вида. – Угостите дам сигаретой, не проходите мимо.

Притормозив, я кинул им пачку. Все равно обкурился до сипов.

– Мы вот с подругой не поймем, – заявила одна, прикуривая и отсвечивая здоровенным бланшем под глазом, – почему вы так грустно идете?

– Весело. Последнее время все веселее и веселее, – я зашагал прочь.

– Не дали чувачку, – сделала вывод одна из сидевших. – А я бы вот дала. Эй, мусчина. Хочешь, дам тебе? Есть тут укромное местечко под мостиком.

– Ну, ты ваще дерзкая, – восхитилась вторая, и обе они залились зловещим каркающим смехом, от которого у меня по спине пошли мурашки.

Я прибавил шаг. Скорее отсюда, в наступающий рассвет.

Валентина Поваляева

ТЕЗКИ

Пятилетняя Танюшка прячется за штору и кричит весело и звонко:

– Ищи меня, бабуля!

Татьяна Ивановна оглядывается по сторонам с деланным удивлением: куда девочка запропастилась? Старательно не замечает, что у окна колышется занавеска, из-под которой торчат две тонкие ножонки.

– Ой, не найду, – причитает, – убежала, знать, внучка на улицу. Как же я без Танюшеньки?

Маленькая Таня давится от смеха, выходит из укромного местечка и обнимает бабушку:

– Вот она я!

Татьяна Ивановна и не бабушка вовсе Тане, а прабабушка. Но стала для девочки ближе мамы.

Пожилая женщина с содроганием вспоминает тот ненастный осенний вечер, когда рухнули надежды и мечты. Как Татьяна Ивановна гордилась внучкой Оленькой, умницей да красавицей! Еще бы, уехала учиться в институт, и не куда-нибудь, а в Москву! Правда, писем Оля домой не присылала – родных не сильно жаловала: отец-то после смерти жены расписался с девицей ненамного старше дочери, чем Ольгу здорово обидел:

– Еще мамина могила травой не заросла, а папенька ненаглядный в ЗАГС заторопился, – сердилась Оля.

Уехать подальше от семьи, переставшей быть по-настоящему родной, – таким желанием поделилась Ольга с бабушкой Таней:

– Укачу, куда глаза глядят, только меня и видели!

«Глаза глядели» в сторону Москвы. Ольга расцеловалась на вокзале с бабушкой, единственным для нее после смерти мамы близким человеком, и отправилась покорять столицу.

И вот вернулась. Не одна. С ребенком.

– Принимай гостей, – безрадостно сказала внучка, опуская на пол в прихожей дорожную сумку.

Бабушка Таня пригляделась и ахнула: в сумке, на куче тряпья, спал младенец, завернутый в плохонькое одеяльце. Ну, чисто бомжонок!

– Это что? – оторопела Татьяна Ивановна.

«Умница и красавица» фыркнула:

– Дочка моя. Итог красивой жизни! Вот, видишь, обогатилась как! – и вдруг накинулась на Татьяну Ивановну: – Все ты виновата!

– Я?

– А кто мне в уши пел: «Москва! Столько возможностей! Найдешь счастье обязательно!» Нашла!

– Так ведь ты сама хотела в Москве учиться, – устало проговорила пожилая женщина, опускаясь на стул, и спросила: – Оля, ты замуж, что ли, вышла?

– Выйдешь тут! – рявкнула столичная гостья. – Ведь знала я, что все мужики – кобеля проклятые, на папочку с детства насмотрелась, а сама на те же грабли и наступила! Вот что, баба Таня, ты долго еще меня пытать будешь? Или, может, сначала дашь отдохнуть с дороги? Чаем-то напоишь?

Конечно, Татьяна Ивановна не только напоила чаем несчастную свою внучку, но и ужином попотчевала, и на диване для Ольги постелила. Малышку в ванне выкупала, молочной жиденькой кашкой из бутылочки накормила, переодела в чистую одежду (на антресолях много лет хранился чемодан с детской одеждой Людмилы, Оленькиной мамы, вот и пригодился) и спать с собой рядом положила – Ольга-то умаялась в пути, пусть отдохнет.

– Ах, ты моя сладенькая, – приговаривала бабушка Таня, укачивая младенца, – хорошая девочка! А зовут-то как, а?

– Татьяной, – ответила Ольга.

Баба Таня с умилением рассматривала личико малышки.

– Тезка, значит…

На другой день Ольга рассказала бабе Тане о своем житье в белокаменной. В институт не поступила, но зато умудрилась устроиться на работу в салон, торгующий автомобилями. Видимо, хозяину понравилась смазливая претендентка на место менеджера, а отсутствие московской прописки он «не заметил».

Через несколько месяцев заехал в салон богатый клиент, и приглянулась ему красавица Оленька, да так, что предложил он ей…

Руку и сердце? Отнюдь. Он поселил Ольгу на съемной квартире, обеспечивал продуктами, дарил красивую одежду и украшения, а от девушки требовал любви и ласки. Невелика плата!

Жила Оля припеваючи, подумывала, что скоро «жених» обручальное колечко на пальчик наденет, и решила ускорить этот «процесс»: перестала принимать противозачаточные пилюли и вскоре забеременела. Представляла, как обрадуется ее избранник доброму известию, да просчиталась. Оказалось, «жених» давно и прочно женат и осчастливить Ольгу законным браком не собирается. А когда узнал, что девушка ждет ребенка, моментально снял с довольствия. Деньги, которые прислал отец (он продал квартиру, чтобы выплатить дочери ее долю), постепенно иссякли, пришлось перебиваться случайными заработками. Потом нечем стало платить за квартиру.

Куда идти? Одна дорога – к бабе Тане. Она пригреет, не даст пропасть. Не к отцу же на постой проситься!

Полгода жила Оля у бабы Тани. Посвежела лицом, зарумянилась. А потом вдруг одолела новая мечта.

– На юг хочу, к морю! – призналась она, собирая чемодан. – Знакомый в Краснодарском крае частную гостиницу открывает, предложил поработать горничной.

– Какой такой знакомый? – испугалась Татьяна Ивановна.

– Ах, ты все равно его не знаешь, – рассмеялась внучка. – Как обустроюсь на месте и немного обживусь – за Танькой приеду.

– Чем же дома плохо?

– Скучно мне в вашей провинции, – скривила губы Ольга. – Или ты не хочешь за правнучкой присмотреть? А я знаю, счастье мне все равно улыбнется! Надо только хорошенько поискать.

Вот уже четыре года от Ольги ни ответа, ни привета. Поначалу она прислала пару открыток, а потом – молчок. Словно сгинула со свету…

– Бабуля, а давай порисуем? – Танечке надоело играть в прятки, и она тащит альбом и цветные карандаши. – Давай нарисуем, как мы с тобой у моря загораем? А море синее-синее? А песок желтый?

Да, синее. Да, желтый. И где-то там Танюшкина мама. Только где…

– А мы поедем на море взаправду? – спрашивает девчоночка. – Вдвоем поедем?

– Конечно, поедем. Дай только срок! – отвечает пожилая женщина маленькой своей тезке.

Лишь бы здоровье не подвело.

МАШИНЫ СКАЗКИ

Плохо, когда нет друзей. Плохо, если у тебя нет друзей, когда тебе девять лет.

Ты выходишь на прогулку с мамой, которая крепко держит тебя за руку. Не потому, что ты непослушный ребенок, а потому, что ноги твои слушаются плохо, и ты не только не можешь быстро бегать, как другие ребята, но и ходишь с трудом. Ты садишься на лавочку напротив детской площадки и с завистью наблюдаешь за счастливыми

сверстниками, которые играют в салочки и классики, гоняют мяч. А тебя в игру никто не зовет. Тебя словно не существует для всех этих девочек и мальчиков. Потому что ты другая. Злая болезнь поразила твои тело и лицо. Как там в анекдоте?

«– Дети, в конкурсе на самую лучшую гримасу выиграла вон та девочка!

– А я и не играла…»

Поэтому если у кого-то из местных ребятишек и просыпается интерес к тебе, то нездоровый:

– А почему эта девочка так странно смотрит?..

– Наверное, ненормальная.

«Неправда, нормальная! Даже нормальнее всех вас! Учусь в школе и, между прочим, на пятерки. И рисовать могу, и петь. Только вы никогда не видели моих рисунков и не слышали моих песен.

А друзей нет. Плохо без друзей. Мама, конечно, рядом. Она и в куклы поиграет, и книжку почитает, и сказку расскажет. Но ведь это мама. Она уже пожилая. Не девочка. А мне бы друга. Пусть он будет даже чуть-чуть постарше меня. Но добрый. Смелый. Верный. И никогда-никогда мне не будет с ним скучно. Потому что он мой друг…»

***

На диване под пледом тепло. В руках – пульт от телевизора. Во всю ширину экрана веселая физиономия парнишки-музыканта, одного из братьев Джонас. Маша очень любит сериал про эту рок-группу. И про каждого из киношных персонажей может рассказывать часами: Джо любит наряжаться, Ник печет вкуснейшее печенье, а Кевин нередко дурачится, он самый веселый и добрый. Ах, если бы можно было подружиться с ними! И она невольно нажимает на кнопку пульта.

– Привет! Ты чего грустишь?

Прямо из экрана телевизора в комнату ступает высокий кудрявый Кевин, держа на плече гитару.

Маша не удивляется. Она слишком долго одна, чтобы отказываться от того, кто хочет стать ее другом.

– Я знаю, ты отлично поешь и здорово играешь на гитаре! Посмотри-ка, у меня для тебя подарок.

Из воздуха вдруг появляется розовая гитара. Точь-в-точь такая, о какой давно мечтает Маша, но не признается родителям.

– Бери, давай вместе сыграем, – предлагает Кевин, – ты ведь можешь! Мы устроим настоящий концерт. Джо, Ник, я и ты! Главное – не попасться в лапы фанаткам.

– Ничего, – осмелев, отвечает Маша, – разве ты не знаешь, что я немного волшебница? У меня есть волшебная палочка, и я могу вам помочь.

– Отлично, – смеется музыкант, – друзья всегда должны помогать друг другу.

Мама заглядывает в комнату и видит, как ее дочь стоит перед выключенным телевизором и, эмоционально размахивая руками, что-то громко рассказывает… Кому? В комнате никого больше нет. И на игру в куклы не похоже.

– Мама! – Маша оборачивается, на ее лице играет радостная улыбка. – У меня есть друг. Даже три! Знакомься, это Кевин, а вот и Ник с Джо подошли. Мы будем репетировать, у нас скоро концерт. Тебе нравится моя гитара? Правда, красивая?

– Правда, – отвечает мама.

Она не знает, как поступить. И ей немного страшно. Неужели болезнь прогрессирует, и у ребенка начинаются видения? Не нужно ли показать дочь врачу?

Из комнаты доносится звонкий смех. Маша по-прежнему разговаривает с кем-то невидимым для матери и обещает «наколдовать к концерту новые костюмы».

– А у меня будет платье с блестками и золотые туфельки, – слышит мать возбужденный голос дочери. – Что? Конечно, мы будем танцевать!

Конечно, если мои ноги устанут, вы возьмете меня на руки. Ведь вы же мои друзья!

***

Прошла неделя-другая, и братья Джонас прочно поселились в доме. И маме даже порой казалось, что она видит, как перед зеркалом причесывается аккуратист Джо, самый младший из братьев. Как с кухни доносится дразнящий аромат свежеиспеченного печенья – средний брат Ник не перестает удивлять кулинарными способностями. Как Кевин, старший, носится по квартире, играя с котом. Маша постоянно информировала родителей, что делают ее друзья. И обязательно добавляла, что она принимает участие в концертах рок-музыкантов, а потом им приходится сбегать от докучливых фанаток:

– Как все-таки хорошо, что я волшебница! Вот вчера, когда злая фанатка уже почти настигла Джо, я наколдовала ковер-самолет, и мы все улетели на нем. Фанатка успела схватить Джо за ногу и стянула ботинок.

– Бедный! Как же он теперь? – подыгрывала мама, переставшая бороться со странными видениями дочери.

– Ерунда! Я наколдовала ему другой, – пожимала плечами «волшебница».

– Глупости, – порой начинал бунтовать папа, – нет тут никаких братьев! Все это выдумки!

– Как нет? – удивлялась Маша. – Вот Джо, на диване сидит. А вот Кевин, рядом с тобой, ты можешь пожать ему руку. Ой, мама, Ник нечаянно рассыпал на кухне муку. Но не волнуйся, он сейчас все уберет…

– И долго так будет продолжаться? – нервничал папа, закрывшись с мамой вечером в спальне. – Она все больше отгораживается от реального мира!

– Но зато теперь она счастлива, – возражала мама. – У нее не было друзей. И она нашла выход из ситуации: просто придумала их.

***

– Мама, Кевин хочет с нами пойти гулять, ты не против?

– Ну что ты, конечно, нет. А ему не пора ехать на гастроли?

– Мама, ты забыла? На гастроли Кевин уезжает завтра! Это Джо с Ником сегодня улетели на самолете!

– И вправду, как я могла забыть, – всплескивает руками мама.

Она крепко берет Машу за руку и ведет во двор. К лавочке напротив детской площадки. Обычно скамейка не занята. Но сегодня на ней сидит девочка лет девяти. В руках – мяч. Глаза – серые, со смешинкой. Пшеничная коса до пояса.

– Привет! – говорит девочка.

Маша настороженно смотрит, замерев, не сразу отвечает на приветствие.

– Ты в этом доме живешь? – спрашивает девочка. – А как тебя зовут?

– Маша.

Голос глухой, вот-вот расплачется.

– А меня Соня. Давай поиграем?

Маша оборачивается на мать. В глазах изумление и вопрос. И восторг.

– В «Ляпки» хочешь?

И восторг гаснет:

– Я не умею бегать.

Если девочка и удивляется, то (прямо как взрослая) делает вид, что она на дню раз пятьсот общается с детьми, которые «не умеют бегать».

– Тогда давай в «Ромашку». С мячиком. Там бегать не надо. Садись на лавочку. Правила игры такие…

А когда мама зовет Машу домой, Соня спрашивает:

– Завтра выйдешь? Я буду ждать! Только приходи обязательно!

На следующий день на лавочке ждет не одна Соня, а целая компания девчушек.

– Это Маша, – представляет Соня. – А это Настя, Арина и Даша. Будем играть в «Туфельку»?

– Нет, давайте в «Тему»! – предлагает востроглазая Даша.

– Там бегать надо, а Маша не сможет, – предостерегает Соня.

– Ну и что? За Машу я сбегаю, если надо, – вызывается Арина, – а Маша просто будет загадывать слова вместе со всеми.

Игра начинается.

Девчонки не расходятся до позднего вечера, и вот уже у каждой в кармане начинает звонить сотовый телефон – родители зовут домой. На прощанье подружки сговариваются встретиться завтра «в тот же час, на том же месте». Непосредственная Настя вдруг порывисто обнимает Машу:

– Пока!

– До завтра! – кричат остальные, когда Маша и мама медленно бредут к своему подъезду.

И маме кажется (конечно, кажется, ведь этого не может быть на самом деле), что когда они с Машей заходят в подъезд, на улице, у опустевшей лавки остается высокая фигура кудрявого парня с гитарой на ремне, перекинутом через плечо. Он улыбается и машет вслед. А потом медленно растворяется в воздухе.

Серж Орех

ПОЗВОНИ МНЕ, ПОЗВОНИ!

– Да зачем оно тебе надо, соседка? – пыталась я отбиться от просьбы Татьяны, моей соседки и недавней подруги. Мы познакомились месяца три назад, заселяясь в соседние квартиры. Осень и зима выдались чрезвычайно промозглыми, слякотными, ветреными – в общем, премерзкими, для прогулок не подходящими. Дом был полупустым, а на нашем этаже из шести квартир заселенными оказались только наши. В этот субботний вечер была моя очередь устраивать малый прием – чаепитие на кухне и сигаретки на лоджии.

– Понимаешь, у меня так все сложилось – прямо загляденье. Вот и хочу показать ему, как мне без него хорошо.

– Месть женская? – улыбаюсь я.

– Ага, – в тон мне отвечает Татьяна.

История последнего года жизни подруги у меня еще в декабре вырисовалась из ее мелких оговорок, вздохов и недомолвок. Красиво познакомились, красиво встречались – с головокруженьем. Жили в разных городах – Татьяна в Москве, а Олег здесь. Встречались часто, изводя кучу денег на перелеты. А потом как-то внезапно поругались, и мужик пропал с радаров.

К концу новогодних праздников, когда я вернулась от мамы, мы с Татьяной очень тепло посидели у нее, настолько тепло, что утром еле удалось с постели подняться. Соседка была сразу настроена поболтать, наболело у нее. В общем, подробностями дело обросло, как говорится.

Стандартная ситуация – оба решили друг про друга, что партнер охладел, плюс что-то помешало очередной встрече. Потом вроде бы он должен был к ней вылетать, но сцепились из-за ерунды за пару дней до самолета, наговорили чёрти чего друг другу и спать легли. Точнее, Татьяна легла, а молодой человек ее всю ночь писал записки через телефонный мессенджер.

Она утром хотела свести размолвку к нулю, доброго утра пожелала, предложила не продолжать ссору, а Олег ничего не ответил, даже не прочитал ее писем. Татьяна к обеду гордость презрела, сама позвонила несколько раз, но безответно – трубку не берут, письма не читают, ответы, естественно, не пишут.

Сегодня она опять была настроена поговорить о своей сердечной ране.

– Я даже стала думать, может быть случилось что-то, заболел или что-нибудь еще. В морги звонила, в БСМП – ничего подобного, да и здоровый мужик-то, обратно в армию собирался призываться, полностью годным признали. Вроде бы и забывать уже стала, а иной раз как защемит сердце… Смотрю по полчаса на аватарку его и плачу.

– Так ты отомстить хочешь или обратно завлечь?

– Ой, не знаю. Может быть и обратно, смотря как будет при встрече. Найди мне, пожалуйста, куда мужчина пропал. Так же тоже не бывает. Видишь, тут написано: «Последний раз был в сети в 03:26 восьмого июня»?

– Хорошо, я позвоню коллегам, но сразу не найдут, конечно. Сейчас многие живут не там, где прописаны, – сама беру ручку и лист бумаги. – Диктуй: «фио-сио», родился-крестился.

Паспортные данные ее молодого человека вводят меня в легкий ступор, который явно читается на моем лице.

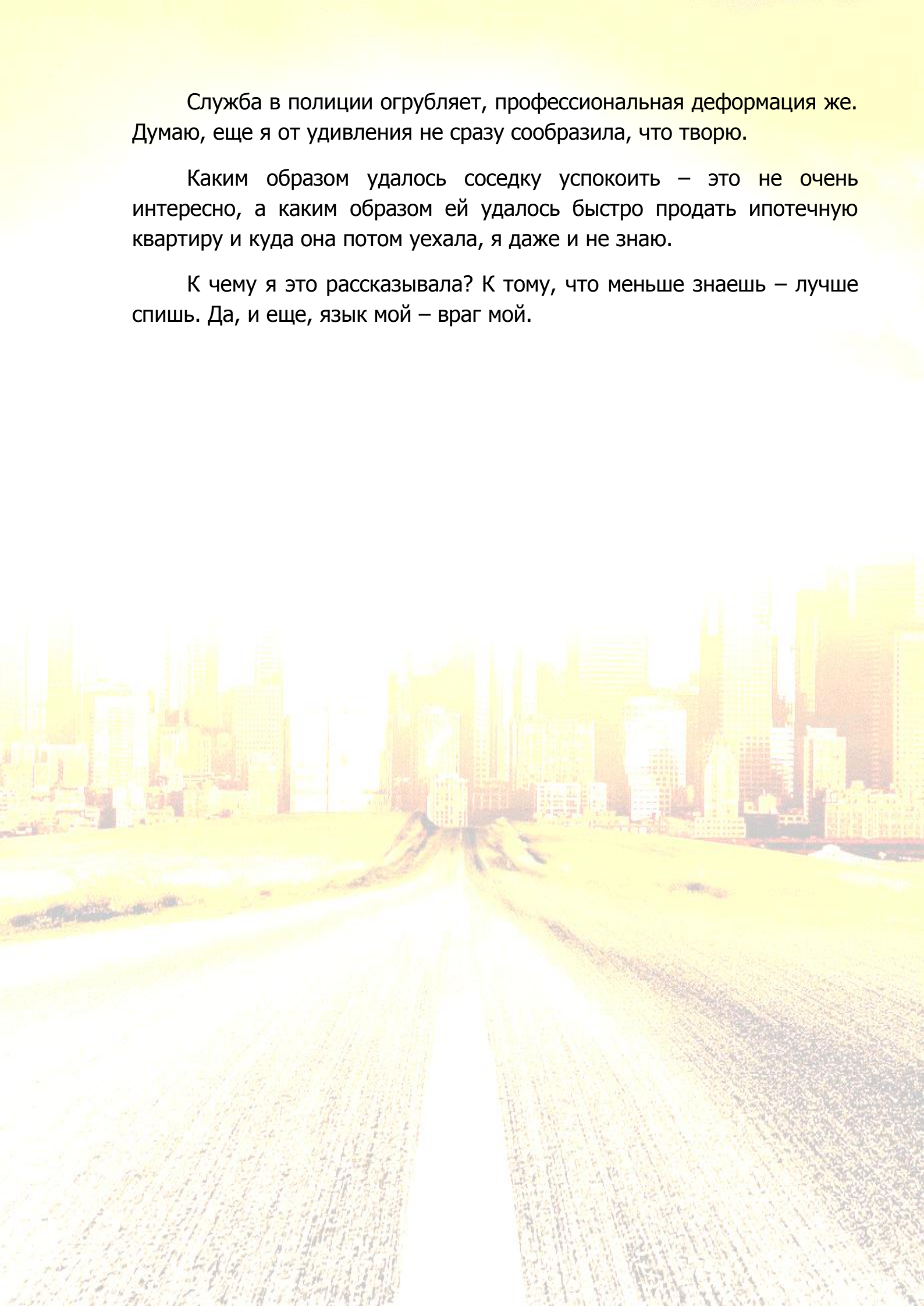
– Что? Ты что? – с тревогой смотрит на меня Татьяна.

– Ничего. Он умер и долго лежал в квартире, пока из-за запаха не нашли. Кажется, сердечный приступ. Статья в газете была, в «Вечернем N-ске». Я так понимаю, у твоего Олега был журналист знакомый, который сначала пытался пропиарить ситуацию с его незаконным увольнением, а когда узнал, что тот умер накануне восстановления доброго имени, званий и регалий, – про это тоже статью написал. Название такое интересное было… «С того света не призовешь» или наподобие… Танюша, ты чего?!

Служба в полиции огрубляет, профессиональная деформация же. Думаю, еще я от удивления не сразу сообразила, что творю.

Каким образом удалось соседку успокоить – это не очень интересно, а каким образом ей удалось быстро продать ипотечную квартиру и куда она потом уехала, я даже и не знаю.

К чему я это рассказывала? К тому, что меньше знаешь – лучше спишь. Да, и еще, язык мой – враг мой.

Светлана Корзун

Я БУДУ ЖИТЬ ДОЛГО

Жила она кое-как, но получалось хорошо.

Вот удивительно: другие жилы рвут, карабкаются, руки-ноги в кровь обдирают, а результат нулевой.

А она...

В четырнадцать Инна неожиданно для всех, включая низкорослых родителей, «сдлиняла» до размеров модели. Да так пропорционально, что седьмой «А» первого сентября ахнул. Ахнул и разделился на два лагеря: лагерь восхищённых мальчиков и лагерь окрысившихся девочек.

В восемнадцать Инна удачно вышла замуж. И опять всё произошло без каких-либо усилий – будь то затяжные хождения за ручку или длительные переговоры с родителями на предмет благословения. Он был молод, красив, успешен в бизнесе, но главный его талант заключался в умении жить с удовольствием.

Влюблённые и счастливые, Инна и Семён вместе прокутили несколько счастливых лет. Впрочем, надо сказать, что прокутили без особого ущерба бюджету и здоровью. Вокруг них – точнее, вокруг их достатка – сплотилась весёлая компания «навеки преданных» друзей. В этом совсем не узком кругу Инна с Семёном и зажигали каждые пятницу-субботу, цепляя, как правило, ещё и воскресенье. И конечно, дважды в год, как и полагалось удачливому бизнесмену, Семён возил Инну на моря – с шиком и удовольствием прогуливать «излишки».

– Инка, я тут что подумал, – однажды за завтраком начал разговор Семён. – А если ты родишь, то останешься такой же красоткой? Или станешь страшная, как Ириха у Вовика?

– Чего это вдруг?

Инна остановилась на полпути к кофе-машине и на мгновение задумалась.

– И с какой стати мне становиться страшной?! Да я буду ещё красивее! – залихватски ответила она, по привычке делая ударение на первое «е».

– КрасивЕе! – передразнил её Семён. – Дурочка ты у меня, Инка! Но красивая…

Семён закатил глаза и нежно притянул жену.

– Такая красивая, что с ума сойти можно! Все мужики завидуют. И пусть! Хочу, чтобы всегда так было! И чтобы до слюней! Как у взрослых!

Семён нежно поцеловал жену и заглянул ей в глаза.

– Я хотел тебя попросить… То есть, хотел сказать… Давно уже…

– Ты чего? – Инна отстранилась. – Нашкодил? Ты мне изменил? Прибью!

– Дурочка! Я только тебя люблю! Инка, ты только не смейся и говори сразу нет. Я… Ин, я сына хочу. Смешно, да?

Семён сказал это и смущённо отвёл взгляд, словно хотел чего-то неподобающего сильному мужчине.

– А потом и дочку, – добавил он, смущаясь ещё больше. – Только именно в таком порядке! – шутливо нахмурил брови Семён, пытаясь хоть как-то побороть смущение. – Что скажешь? Родим?

Вот так – планово, не особо отвлекаясь от полноценной жизни молодой красивой женщины, Инна родила сына. А ещё через два года и дочь.

Указания мужа она выполнила полностью – и очерёдность детей соблюла, и внешне ничуть не подурнела – даже напротив: как и обещала, похорошела ещё больше.

Словом, жизнь её складывалась, как пазл для дошколёнка у пятиклассника.

Глядя на Инну, я откровенно завидовала. Впрочем, как и все её подруги. Ни тебе обременительного поиска истинного жизненного пути, ни изматывающего стремления к высокой цели, ни утопических идей о

всеобщем благоденствии. Живёт себе счастливо – и в ус не дует (если можно про женщину так сказать).

Сейчас мне чуть стыдно за ту, хоть и не чёрную, но зависть: надеюсь, в том, что случилось с Инной позже, нет моей вины.

В какой-то момент жизни у Семёна появились параллельные женщины: сначала одна, потом другая, потом несколько одновременно. Я, случайно узнав, обиделась было за подругу, но тут неожиданно выяснилось, что у Инны тоже есть в загашнике, как она выразилась, Семёнозаменитель. Время от времени подруга рассказывала мне о воздыхателе, но как-то мимоходом. Даже в рассказах Инна не тратилась на него ни чувствами, ни временем.

Шли годы. Семёнозаменители приходили и уходили, гостя в Инкиной инкрустированной золотом спальне на правах провинциальных командировочных, пущенных нелегально, – то есть без прав. Со слов подруги, протекали измены «по умолчанию» до неприличия обыденно. Впрочем, похоже, Семёна «параллельные» тоже особо не трогали, а потому разрушениями и апокалипсисом семейному счастью не грозили. Инна мне как-то даже рассказывала о похождениях Семёна – мир не без добрых людей, донесли. Но она очень не расстраивалась по этому поводу:

– Куда он от меня денется?! Семён же без меня больше недели прожить не может – с ума начинает сходить. Да и мне так удобнее. У него интрижка, у меня романчик, он в форме, я хоть куда – все при своих интересах. Кому от этого плохо?!

Плохо оказалось всем.

Семён и сам не понял, как в его жизнь пришла другая – такая же красивая, только моложе и желаннее.

– Ничего, – сказала Инна, позвонив мне однажды поздним вечером.

Она говорила спокойно, была рассудительна, но по тому, как долго она меня убеждала, что всё у них будет хорошо, я поняла – не меня, себя уговаривает.

– Семён же без меня и недели не может – начинает с ума сходить...

Всё стало окончательно ясно, когда бывшая параллельная, а с этого момента единственная, родила Семёну дочь. Он собрал вещи и ушёл.

Инна заболела. Всё, что в ней было истинно женского, что так прежде любил и даже боготворил Семён, возмутилось, взбунтовалось, набухло злокачественной опухолью и... бухнулось вырезанной ненужностью в таз.

– Ничего, – сказала мне Инна, когда я пришла в разорённый осиротевший дом. – Справлюсь.

Внешне, ничего здесь не изменилось – все вещи стояли на своих местах, но горе выглядывало из-за каждой спинки кресел, из-за каждого шкафа, даже из-за ножек стульев.

– Ничего. Поживёт без меня, помается и вернётся.

Инна поправила косынку на блестящей – без единого волоска – правильно-овальной голове.

– А я пущу, – улыбнулась она нежно, видимо уже представляя, как открывает двери по-щенячьи заискивающему Семёну. – Прощу и возьму назад. Даже ничего не скажу – не упрекну ни разу. Он ведь без меня и недели прожить не может, начинает с ума сходить.

Потянулись страшные дни пути в никуда. Повзрослевший сын оловянным стойким солдатиком дежурил у кровати изрезанной вдоль и поперёк Инны и вытягивал... вытягивал её из темноты, в которую она периодически всё глубже проваливалась.

– Мне сейчас даже умереть нельзя, – как-то жаловалась мне Инна, когда ей стало чуть легче, и появлялись силы, чтобы позвонить. – Аннушка маленькая ещё... я имею в виду... для одиночества.

Инна трудно и аккуратно подбирала слова, чтобы они не были очень страшными.

– Надо её хоть немного ещё подрастить. Семёну некогда – у него, говорят, новый бизнес... да и ребёнок... Нет. Мне сейчас никак нельзя умирать. Аннушка слишком мала.

Молчаливая любовь сына, помноженная на неюношеское упорство; мольбы облучённой умирающей Инны к Господу о судьбе недорощенной Аннушки – что в последний момент перетасовало карты в несчастливой колоде с единственным козырем, ведомо одному Всевышнему. Но однажды утром что-то оттолкнулось от точки невозврата и маятником качнулось в сторону жизни.

– Я выхожу на работу.

Сначала мне показалось, что у меня галлюцинации, и голос Инны в трубке звучит прямо с того света.

Последние месяцы подлый страх услышать «мамы больше нет» не позволял мне позвонить сыну Инны. Полгода назад врачи столичной клиники сказали ей: «Не ездите. Мы вас не хотим обманывать. Надежда, конечно, есть всегда, но... Не ездите».

– Ты меня слышишь?! Я выхожу няней к малышу. У него мама совсем молоденькая – ей ещё погулять хочется. Вот отец Тёмушки мне и предложил няней поработать. А я рада. Мне же ещё Аннушку доучить надо, а одежда да обувь столько сейчас стоят...

– Инна, ты как себя чувствуешь?!

– Всяко. Но... ты же знаешь, мне Аннушку не на кого оставить. А пока я жива – сделаю всё, чтобы она ущербной себя в школе не чувствовала. Вот завтра на работу выйду – начну на обновки ей зарабатывать. Не всё же на лекарства тратить!

Инна засмеялась. По-настоящему. Я отчётливо слышала на том конце провода смех и боялась верить своим ушам, но ещё больше боялась не верить.

– Какая ты молодец, – сказала я, судорожно подбирая слова, чтобы сказать что-то очень правильное и уместное в такой ситуации.

– Я стараюсь. Жаль только, что у Семёна дела не очень. Говорят, с бизнесом у него что-то не заладилось. И ещё сказали, что пьёт. Жалко. Он ведь талантливый. И умный. Очень умный.

Как это часто случается, жизнь, диктуя бешеный ритм, вычеркнула из моего списка дел встречи с друзьями. Хорошо, хоть милостиво оставила пункт «звонок другу».

– Инна, привет! Как дела?

– Нормально. А у тебя?

А потом страну захлестнул кризис. Или не он виноват… Но времена настали такие, что большинство из нас, чтобы создать хотя бы видимость благополучия, бились в хлопотах-судорогах.

Инна звонила всё реже. Я каждый раз радовалась, заслышав её голос: жива.

И вот однажды меня разбудил ночной звонок:

– Ты про этот кошмар уже слышала? Она отравилась!

Инна, видимо, пребывала в шоке, потому что до этого момента позже десяти никогда меня не набирала, даже когда ушёл Семён.

– Кто она? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Мать Тёмушки! Мальчика, которого я нянчу! Она отравилась! Написала записку и выпила таблетки! Сегодня похоронили.

– Инна, ты где? Тебе нужна помощь?

– Нет. Я дома. С Тёмушкой. Он, хоть и живёт у меня третий месяц, но, видно, почувствовал что-то: капризничает третий день. И сегодня спать никак не ложится. Бедный Тёмушка. Бедный мой мальчик.

– Инна, я не понимаю… А почему он у тебя живёт?

– Не нужен никому.

Подруга замолчала.

– Ты где? Инна, я тебя не слышу.

– А я ничего и не говорю. Я думаю. Что мы с Семёном натворили! Всё казалось, что это ещё не жизнь, что всё ещё впереди. Я ведь даже толком не поняла, как дети выросли. А теперь смотрю на Тёмушку…

В трубке стало тихо. Я не услышала – скорее догадалась, что Инна плачет. Чтобы отвлечь её от невесёлых воспоминаний, я не очень кстати спросила:

– А отец? У Тёмы ведь есть отец!

– У него бизнес какой-то сложный. Ему не до сына. Бедный Тёмушка, – Инна опять всхлипнула. – Мама по клубам порхала... прости, Господи, её душу грешную... Всё чего-то в жизни ей не хватало. Отец весь в работе…

Инна помолчала.

– Они сначала Тёмушку на день да на два оставляли, потом стали только на выходные забирать, а последнее время... Знаешь, он меня мамой зовёт.

Инна заплакала навзрыд, но я не осмелилась её остановить.

– Господи, прости нас, – сказала она еле слышно, когда чуть успокоилась. – Прости и не допусти, чтобы дети за наши грехи расплачивались! И Семёна прости, Господи.

На следующий день я забежала проведать Инну. Бледненький большеглазый Тёма не слезал у неё с рук.

– Его мало любили, – сказала Инна, когда ей всё же удалось отцепить Тёму от шеи и положить в детскую кроватку. – Вот он и болеет часто. И от сверстников в развитии чуть отстаёт. А теперь ещё и это...

Время летит незаметно. Чужие дети отличаются от своих тем, что вырастают быстро и легко.

Инна мне позвонила накануне первого сентября:

– Завтра Тёмушка в первый класс идёт! Представляешь?! Мы уже до школы дожили! Приходи к нам в обед попраздновать, а?!

Инна заговорила тише, явно прикрывая трубку:

– Я думала, Тёмин отец придёт, а он позвонил и сказал, что не сможет. Деньги на подарок с шофёром передал. Он не плохой... только с фирмой у него последнее время какие-то проблемы. И с жёнами ему никак не везёт. Так ты придёшь? – опять звонко защебетала Инна. – Тёмушка такой красивый в новом костюме!

Голос Инны звучал так счастливо, что я не задумываясь и даже не заглянув в график, выпалила:

– Конечно, приду! Обязательно! Кстати, как твоё здоровье? Мы так давно не виделись.

– Здоровье?! Да хорошо! Вся в хлопотах. Тёмушку весь год к логопеду водила – в эту школу не берут с дефектами речи, потому как школа супер-пупер! Зато мы теперь рыкаем, как тигры! Тёмушка... – глухо прокричала Инна, вероятно, отвернувшись от трубки. – Тёмушка, иди сюда, порычи тёте в трубку, как тебя научили. Не хочешь? А что? Стесняешься? У тебя же хорошо получается....

Мы ещё долго болтали по телефону о завтрашнем ответственном дне, а потом Инна неожиданно, без перехода спросила:

– А помнишь, я просила у Бога, чтобы он дал мне время Аннушку подрастить?! Теперь Аннушка взрослая: завтра увидишь – не узнаешь. Надо же, как жизнь обернулась... А то, что Бог мне ещё и Тёмочку даст...

В трубке что-то зарычало.

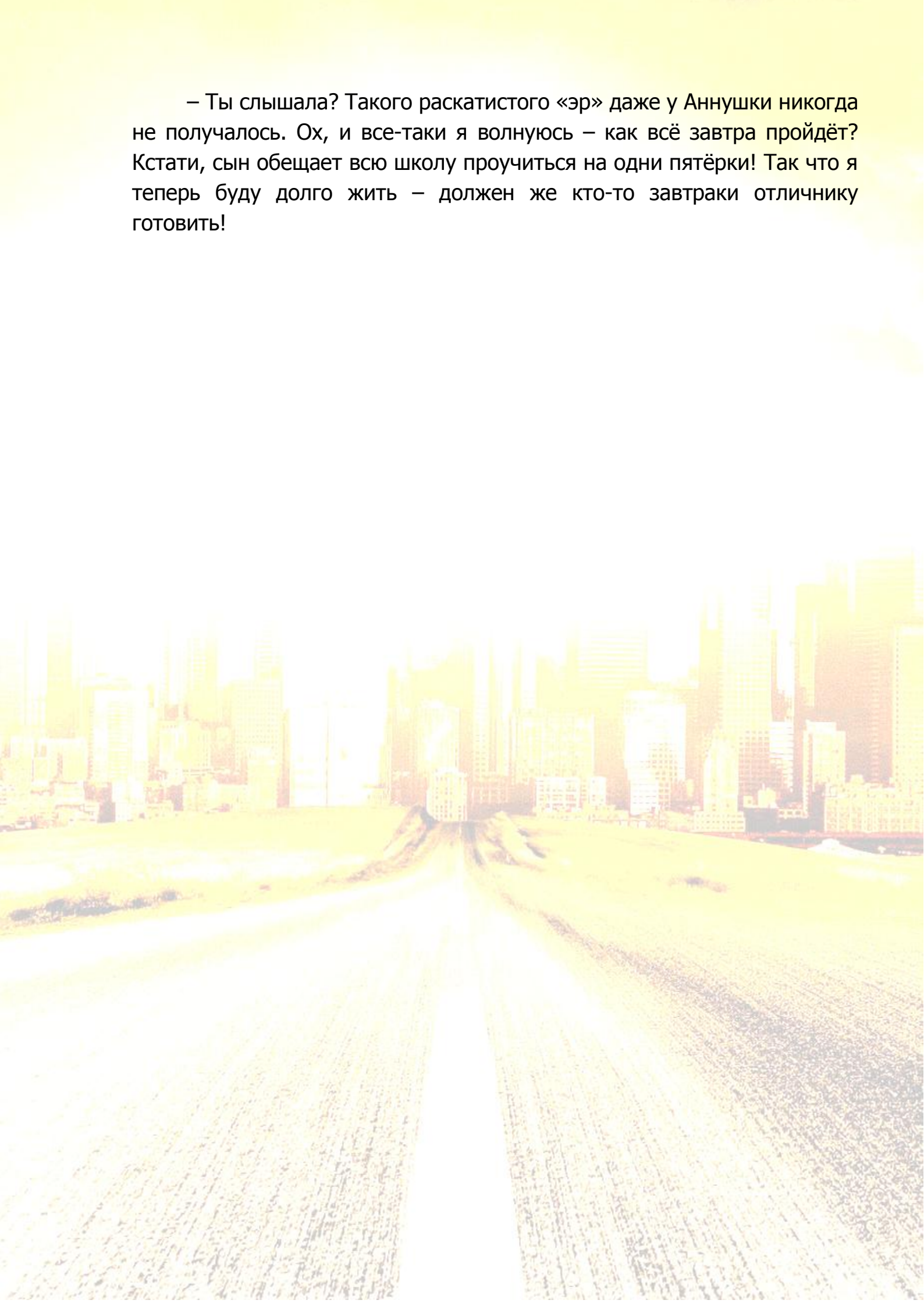
– Во! Ты слышала? Нет, ты слышала? Умница, Тёмушка! Целый год учились!

Инна что-то затараторила рычащему Тёмушке, он оставил в покое раскатистое «эр», ответил Инне, и они оба звонко засмеялись.

– Тёмчик, бегом на кухню, – услышала я в трубке приглушённый голос Инны. – А то чай совсем остынет.

«Целый год походов к логопеду! А я дочь даже к стоматологу не могу вовремя отвести, – устыдилась я. – Завтра же запишу её к врачу. Нет, послезавтра – завтра не могу».

– Ты слышала? Такого раскатистого «эр» даже у Аннушки никогда не получалось. Ох, и все-таки я волнуюсь – как всё завтра пройдёт? Кстати, сын обещает всю школу проучиться на одни пятёрки! Так что я теперь буду долго жить – должен же кто-то завтраки отличнику готовить!

Олег Епишин

КАК ЭТО БЫЛО. СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Лето 2014

1. Сегодня в перерыве вышел из поликлиники забрать в ателье свои фотографии. Рядом, у здания городского управления милиции, вдруг начали стрелять. Несколько автоматных очередей, потом пошли одиночные выстрелы. Центр города, рядом конечная остановка трамвая, полно народу. Кто-то в недоумении остановился, оглядывается, прислушивается, кто-то уже понял, что происходит и ищет место, где бы укрыться. Забегаю в ближайший подъезд жилого дома. Там уже стоят несколько мужчин. Подбежавший молодой парень в испачканной зеленью футболке, рассказывает, что у здания милиции идет настоящий бой. Он попал на линию огня, пришлось уползать по газону. Едва стихает пальба, бегу со всех ног назад в поликлинику. В коридор уже заносят раненых. На полу пятна крови. Люди в военной форме без каких-либо знаков различия просят остаться только хирургов, остальным немедленно покинуть здание. Хватаем свои вещи и пулей вылетаем на улицу. На выходе наталкиваемся на корреспондентов. В касках и бронежилетах с надписью PRESS на спине, они как будто специально поджидали нас с установленными на штативах камерами. Слышу иностранную речь. Вроде бы говорят на французском, но прислушиваться некогда. Нас снимают, и моя коллега – молодая дама, только что испуганно метавшаяся по лестнице, кокетливо поправляет шарфик на шее – «а вдруг соседи увидят в новостях»!

2. Около полудня пришла старшая медсестра и предупредила, что поступило распоряжение от военных к двум часам освободить помещение поликлиники.

Быстро завершаем работу и собираем вещи. Вездесущая и всезнающая Шурочка – наша техничка, уже в курсе, по какому поводу эвакуация. Во Дворце бракосочетаний, что через дорогу от нас на сегодня назначена свадьба какого-то знатного полевого командира.

Собратья по оружию обеспечивают ему охрану по периметру. Наше здание попадает в «зачищаемую» зону. Вечером в теленовостях показывают счастливого жениха и его не менее счастливую невесту.

3. Вчера случайно встретил на улице своих коллег с того самого Петровского района, наиболее пострадавшего от обстрелов. Их лечебное учреждение пару раз зацепило, пробита крыша, вылетели окна, повреждено освещение.

«Как у вас с зарплатой, – спрашиваю, – выплачивают?

У них, как и у нас, тоже зарплаты нет третий месяц. Люди ворчат, но куда деваться, работают бесплатно. Желают хотя бы слова одобрения услышать в свой адрес, а им вместо этого – выговора за опоздание на работу. А как вовремя доберешься, если транспорт ходит нерегулярно?

4.

Сегодня впервые «накрыло» и нас. Одиночный снаряд залетел и разорвался прямо на территории больницы. Было это ближе к вечеру, во дворе пусто, и поэтому никто не пострадал. Осколками посекло стены, на стороне взрыва на всех трех этажах вылетели стекла, а на земле образовалась воронка метра три в диаметре. Это мы уже потом детально рассмотрели, а сперва, как бабахнуло, то все и млад и стар, обгоняя друг друга, резво побежали в подвал. Там у нас раздевалка оборудована. Сидим, больше часа прошло. Что делать – никто не знает. Связи с нашим городским начальством нет. Наконец, кто-то дозвонился по мобильному до горздрава. Вопрос заместителя начальника: «а что там у вас опять приключилось?» вызывает у коллег громкий безудержный смех. А может, это истерика у людей началась?

Получаем разрешение отправляться домой «кто как может». И на том спасибо. Улицы города пусты, ни одной машины. Шагаем по шпалам пешком. Стрельбы больше не слышно, и то хорошо. Подбадриваем друг друга шутками на тему: «а что у вас там случилось?» Ничего особенного, просто у нас война. На полдороге слышим за спиной перестук колес. Старенький, до слез родной нам желтый трамвайчик дребезжит по рельсам. Теперь доберемся!

5.

Сижу с женой под старой грушей на крылечке нашего дома. Мы остались одни, сын с невесткой и детьми неделю назад выехал к друзьям в Мариуполь. Школа, где жена проработала три десятка лет, закрыта. Накануне здание было повреждено реактивными снарядами «градов», и всех сотрудников отправили в бесплатные отпуска. У меня на работе ситуация другая – работают те, кто в состоянии добраться до своего рабочего места.

Вечереет. Изредка где-то вдали слышатся одиночные залпы. Интенсивные обстрелы, как правило, начинаются с наступлением темноты, часов в десять-одиннадцать. Пока готовимся. Заносим в подвал запас воды, проверяем освещение. В углу у стены лежит штыковая лопата и лом. Это на случай завала. Откапывать нас будет некому. Надеяться надо только на себя. Вокруг ни души. Улицы нашего поселка как-то незаметно совсем опустели. Соседи постепенно разъехались. Кто-то поехал к родственникам, кто-то – к знакомым. Кто-то в Россию, кто-то в Белоруссию, а кто-то, кто мог себе это позволить, давно «свинтили» за рубеж и в тихом месте где-нибудь в Баден-Бадене или Бечичи пережидают ситуацию, обсуждая за чашкой кофе причины, породившие Майдан.

С наступлением темноты становится совсем жутко. Вокруг мертвая тишина, не слышно ни птиц, ни людских голосов. Не светятся окна домов и даже оставшиеся без хозяев собаки перестают выть от голода. Они раньше всех чувствуют приближение часа «Х» и прячутся, куда подальше в укрытия.

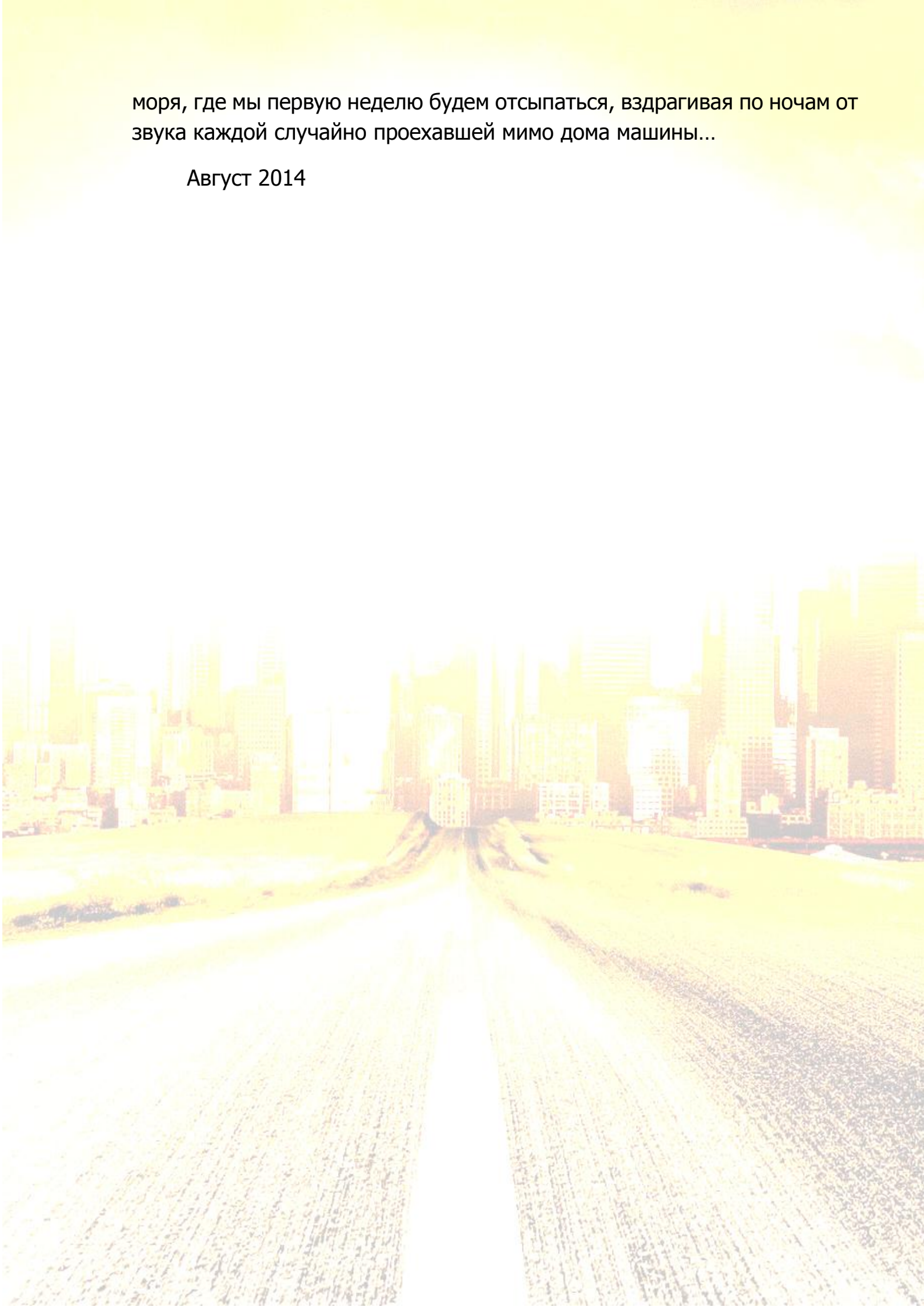
Тускло светит из-за туч месяц. Высокая кудрявая груша отбрасывает мрачную тень на стену дома. Шелест листьев похож на тяжелое дыхание притаившегося зверя.

Прислушиваюсь к отдаленному нарастающему гулу. Кажется, сейчас начнется!

Пройдет еще три дня и четыре ночи. Сын пришлет за нами машину и, «через рощи шумные и поля зеленые», окольными путями, минуя зоны обстрелов, нас вывезут в тихий поселок на побережье Азовского

моря, где мы первую неделю будем отсыпаться, вздрагивая по ночам от звука каждой случайно проехавшей мимо дома машины…

Август 2014

Даниил Морин

ЛАВКА ЖИЗНИ

"На дряхлеющей лавке, присев, закурил
Скрыв ладонью тщедушный огонь зажигалки.
Одинокий фонарь, чуть мигая, манил
Но потуги его, в лунном свете, так жалки…"
Дарий

Она появилась однажды. Однажды вместе с остальными лавочками.

Случилось это много раньше завершения переоснащения сквера. Их просто привезли, сгрузили и оставили.

Скучившись, лавочки простояли довольно долго. Изящными деревянными планками они походили на нотный стан в ожидании того, когда на них появится значимая по своей неповторимости нота в виде человека, но покуда довольствовались воробьиной непоседливостью. До времени, чириканье было единственной музыкой, начертанной на них птичьим помётом.

Постепенно, по одной, но чаще парами лавочки стали расходиться, пока не осталась одна единственная. Ей как будто и не искали применения, она оказалась лишней. И чтобы не возиться с вывозом, место нашли совершенно неказистое.

Соплеменницы по всем правилам паркового дизайна расположились вдоль тенистых дорожек, в уединённых тупичках или же вокруг детских и спортивных площадок. Она же, будто вырванная из обыденности скамеечного бытия, по неизвестной причине была приземлена на отшибе, строго напротив конструкций для сушки белья, стоящих давным-давно без дела, и спинкой – аккурат к окнам кухни моей квартиры. С тех пор всякий, даже мельком брошенный мною

взгляд, цеплялся за этот незатейливый силуэт. Сначала бездумно, мимолётом, вскользь, а позже – осознанно, с интересом.

Своим наблюдением за лавкой и её посетителями, я пыталась постичь парадоксальность фантастической притягательности. Я размышляла, не понимая, почему отсутствие приватности и живописности, совершеннейшая очевидность невыгодного положения лавки, не отпугивали, а напротив, – как будто соблазняли? Почему не было случая, когда бы лавочка пустовала? Что являлось причиной её привлекательности для постоянных посиделок?.. В чём её тайна?

Постепенно наблюдение за лавкой стало привычкой. Были попытки выявить закономерность по категориям посетителей. Как оказалось, весьма глупая затея, не принесшая результата. Публика всегда разношёрстная, как по возрастному показателю, так и по интересам. И бабульки, и мамульки, и алкаши, и чиграши. Здесь я видела и одиночек, и тандемы, и шумные компашки. Не удалось заметить ничего, что бы натолкнуло на объяснение популярности этой лавочки.

Решилась осмотреться на месте. Дождалась, когда очередной паломник отклеит свой зад и освободит пространство, приблизилась, покрутилась, осмотрелась. Была надежда, что, подойдя к лавке, получу хотя бы зацепку для дальнейших размышлений или почувствую что-то особо притягательное. Подумалось: вдруг здесь уникальное место Силы? Надежда быстро капитулировала перед внутренним скепсисом. Не удосужившись присесть, я побрела домой, оставив лавку пустовать. По пути не удержалась, обернулась.

Но воистину свято пусто не бывает, или как там?.. Старичок уже предъявил свои права на временное пользование лавкой.

И тут меня осенило. Временность.

Видимо, в этом и была единственная причина – временность. Должно быть, всякий, кто оказывается здесь, принимает лишь временность своего существования, не задумываясь о выгоде положения, выгоде вообще, и не мороча себе голову, как я, просто пользуется тем, что может предложить эта лавка, – временностью. И,

конечно же, не ожидая ничего сверхъестественного, покидает это место, уступая его другому. Следующему.

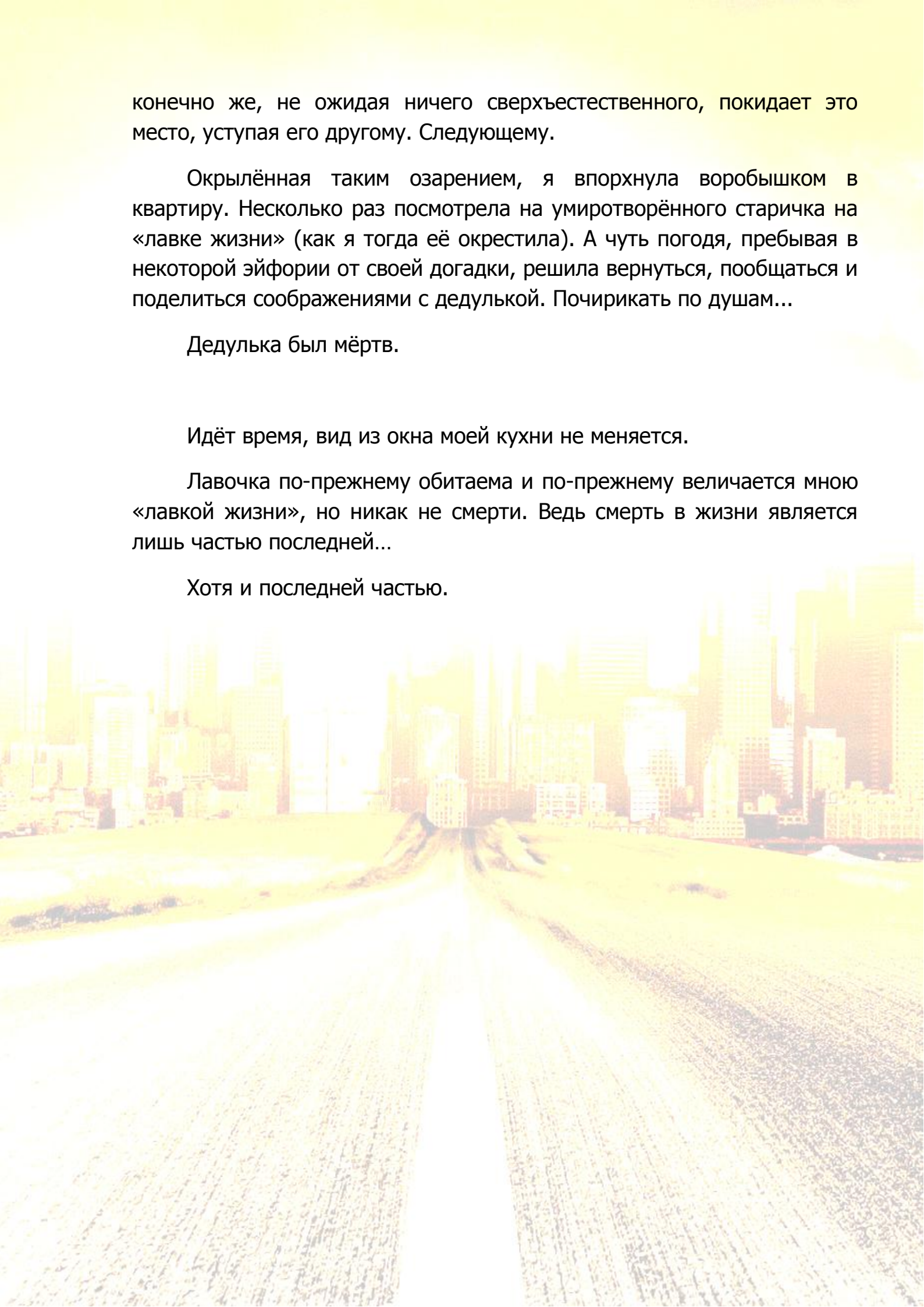
Окрылённая таким озарением, я впорхнула воробышком в квартиру. Несколько раз посмотрела на умиротворённого старичка на «лавке жизни» (как я тогда её окрестила). А чуть погодя, пребывая в некоторой эйфории от своей догадки, решила вернуться, пообщаться и поделиться соображениями с дедулькой. Почирикать по душам...

Дедулька был мёртв.

Идёт время, вид из окна моей кухни не меняется.

Лавочка по-прежнему обитаема и по-прежнему величается мною «лавкой жизни», но никак не смерти. Ведь смерть в жизни является лишь частью последней…

Хотя и последней частью.

HUMOR

Николай Озеров

ВЕЧНАЯ СЛАВА ЛУИ!

Ранним, но уже не прохладным летним утром к обшарпанной «хрущевке» подлетела видавшая виды «шестерка». Со словами: «Спасибо, братуха! Выручил!» – из автомобиля выскочил десантник-«дембель» во всем своем гордом великолепии – аксельбанты, золотые лычки, шевроны, ослепительно начищенные ботинки… Даже белые парадные офицерские перчатки за офицерским же желтым ремнем, и те – в наличии. Волнение и жара придают блеска и лицу.

В руках ключи. В несколько шагов – у подъезда, в несколько прыжков – на третьем этаже. Распахнута входная дверь.

– Лиза! Привет! Это я! – радостные и громкие крики с порога.

В квартире – мерзость запустения. Пыль. Затхлый воздух.

– Лиза? Привет? Где ты, Лиза? – децибелы падают, речь замедляется. Ноги в ботинках уже не грохочут, а шаркают по полу.

Кухня. В холодильнике – плесень на помидорах и сыре. Кастрюля с приподнятой новой формой жизни крышкой. Пакет молока «Ультраконс».

С треском отворачивается крышка. Мощной прохладной струей молоко вкусно вливается в рот.

Слышатся жадные глотки и голос за кадром: «Ультраконс» – не Лиза. «Ультраконс» дождется!

Алена Печерская

ВЗРЫВ МОЗГА (ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА)

Молодая привлекательная брюнетка сидела за столиком кафе, разглядывая меню.

– Можно присесть? – послышался мужской голос.

Девушка томно перевела глаза цвета первых зеленых побегов винограда на мужчину, который уже сел на стул напротив.

– Нельзя. Но раз уж сел, тогда можно, – улыбнулась Лиза. Антон открыл свое меню и начал изучать.

– Что ты будешь?

– Ничего! – она надула губки.

– Что случилось?

– Ничего! – Лиза сложила руки на груди и отвернулась.

– Если ничего, то почему обиделась?

– Я же говорю, ничего!

– Это из-за того, что я опоздал?

– Нет!

– Из-за того, что вчера вечером не позвонил?

Антон уже начал переживать и нервничать, что же он сделал не так, когда Лиза наконец ответила:

– Ты не заметил мою новую прическу!

– У тебя очень красивая прическа. Ты выглядишь восхитительно.

– Спасибо, – заулыбалась Лиза, а потом добавила: – Ты даже не извинился.

– Извини, моя хорошая. Я совсем замотался на работе и не заметил. Извини.

– Иди ты со своими извинениями,– она сердито бросила меню на стол.

Антон решил промолчать. Подошел официант и принял заказы. Через несколько минут Лиза, как ни в чем не бывало, начала рассказывать своему парню, как она с подругой ездила за платьем:

– В общем, мы искали платье, которое мне понравилось. Я видела его в фильме. Искали-искали, а оно не подходит мне, а которое подходит, мне не понравилось. Представляешь? И, тогда я купила себе туфли и сумочку, – она довольно улыбнулась. – Кстати, я тебя простила.

– За что? – поднял брови Антон.

– За то, что вчера, когда мы собирались в кино, ты купил мне большой попкорн, только потому, что я сама попросила, а если бы не попросила – ты купил бы маленький.

– Мм, – потянул Антон, сжимая кулаки под столом. – Можно я отойду на пару минут?

Лиза кивнула, и Антон быстрым шагом направился в уборную.

Он зашел в комнату и начал биться головой о стену. Когда парень вышел, на него странно смотрели.

– Моя девушка, как ядерная бомба. От нее у меня взрыв мозга, – пояснил Антон, стоящим в очереди мужчинам, а те с пониманием кивнули.

Олег Епишин

NOSTALGIA

В гостиной на столе из черного африканского дерева работы итальянских мастеров была расстелена газета. На ней лежал крупный соленый огурец и ломоть черного хлеба. Мягкий свет люстры богемского стекла падал на грубо вскрытую ножом банку килек в томате. Комнату наполнял запах хозяйственного мыла – это на кухне выварились заранее замоченные полотенца.

Мужчина подошел к столу, налил сам себе в граненый стакан водки. Выпил одним глотком, понюхал хлеб и заплакал...

Сегодня канадский миллионер, бывший автослесарь из Винницы Паша Самородкин в своей квартире в Торонто тосковал по Родине.

Ирена Сытник

ПОЧТИ АНЕКДОТ

Вокруг простиралась тьма, полная тревоги, неопределённости и звёзд. Холодные острые огоньки кололи глаза, пронизывали стужей тело, леденили сердце и наполняли ужасом душу. Что это?! Где он?! Как тут оказался?!

Он взглянул вниз и увидел бесконечную непроницаемую тьму и звёзды... Он поднял голову вверх – та же картина!

Господи, Всемогущий и Всемилостивый! Неужели он умер и вознёсся на небо?! Тогда, где золотые Врата Рая или огненный смрадный зев Ада? Неужели смерть – это стылая бесконечность и бездушный звёздный свет?!

Сердце бешено заколотилось, подстёгнутое адреналином охватившего душу ужаса; волосы на голове зашевелились, по щекам побежали обильные горячие слёзы, рот приоткрылся, выпуская тягучую струйку липкой слюны и протяжный звериный тоскливый вой...

***

Женщина, осторожно обходившая огромную лужу, разлившуюся посреди площади после небрежной работы коммунальщиков и прошедших недавно затяжных дождей, невольно вздрогнула и всмотрелась в темноту. Там, посреди обширной водной глади, стоял на четвереньках какой–то пьяница, тупо глядя на отражавшую звёздное небо воду, и рыдал, подвывая, словно бездомный пёс в голодную ночь...

Стихи

Татьяна Аверина

ГУСЕНИЦА И ДУХ ЛЕСА

Она жила на нижнем ярусе лесном
Под листьями, что сверху вниз летели.
Привычным и удобным для неё был дом.
Их много там. Они всё время ели.

А кто они? Лохматых гусениц народ,
Средь них Она себя считала главной:
Жевал без устали трудолюбивый рот,
В упитанности не было ей равных.

Не прекращая грызть очередной листок,
Подругам героиня объявила:

– Мне Дух лесной… хрум-хрум…
хотел открыть… чмок-чмок…
Какой ещё я обладаю силой.

– Но где же ты… чвак-чвак…
тот Дух лесной найдёшь?

Ей задали вопрос, жевать не прекращая.

– Он сам меня найдёт… хрум-хрум… эх, молодёжь…
Ведь я же гусеница не простая!
Давным-давно жую… хрум-хрум… порядки чту,
Обычаи поддерживаю строго!
Не надо мне… хрум-хрум… ползти на высоту,
Чтоб там самой искать лесного бога.

И вот Она одна. Наевшись, уползли

Подружки спать.
– Эй, Дух лесной, и где ты?

Чуть слышен этот писк с поверхности земли,
Но дух пришёл.

– Я здесь! – звучит ответом.

– Тебя не вижу так. Сюда, ко мне нагнись,
Нельзя мне прекращать… чвак-чвак… процесса!

– А может ты наверх? Хоть раз приподнимись,
Раздвинь из листьев и травы завесу.

– Я дома, ты мой гость, и должен угождать.
Хотя, твоё лицо… чвак-чвак… зачем мне?
Намеревался ты о силе рассказать,
Какое у меня предназначенье?

С улыбкой лёгкой наклонился Дух лесной:
Лист грызла героиня с увлеченьем
И не смотрела вверх, ведь кругозор такой
Дарован гусеницам всем с рожденья.

Они должны искать, что можно быстро сгрызть,
Смотреть под ноги, а не вверх куда-то.

– Открою я секрет – подняться сможешь ввысь
И там порхать с восхода до заката,
Играя в солнечных лучах…

– Да ты чудак,
Под солнцем у меня засохнет тело!
И я всегда… хрум-хрум… предпочитаю мрак.

– Но станешь ты другой, и в этом дело!
Ты будешь, как цветок под солнцем расцветать,

Изменится вся жизнь и все порядки.
Не ползать по земле, а в воздухе порхать,
Не листья грызть с травой, нектар пить сладкий!

– Летающая я? Какая ерунда,
Хрум-хрум… нас не бывает окрылённых!

– Ты выйди из травы и загляни сюда,
Здесь сотни вас, уже перерождённых!

– Желаешь, чтобы я куда-то поползла,
Хрум-хрум… чтоб просто посмотреть на что-то?
Мне недосуг всегда, дела… хрум-хрум… дела.
Жевать, как я, сложнейшая работа.

– Но как иначе доказать мои слова?
Тебе самой увидеть надо это!

– Не надо, мне нужна трава лишь и листва,
И меньше… чвак-чвак… солнечного света.
Но всё же расскажи, что сделать, чтоб летать
И стать, как ты сказал… чвак-чвак… красивой?

– Сначала – перестать без устали жевать
И тело всё опутать паутиной.
Потом – закостенеть и долго так висеть,
Себя внутри меняя понемногу,
Забыть, как ползать и в мечтах своих лететь,
А крылья сами вырастут итогом.

– Какой кошмар! Не есть… хрум-хрум… закостенеть!
Я не согласна на такие пытки.
Ты Дух лесной и должен всё суметь,
Приделай крылья с первой мне попытки!

– Не в силах я… Биологический процесс…

– Я так и знала, чвак, что ты… обманщик!
Мне хорошо и так живётся, без чудес.
Ступай, я вижу вкусный одуванчик!
Летающие гусеницы!.. Что за бред!
Я не даю на то своё согласье!

А Дух лесной с печалью ей смотрел вослед,
И бабочки кружились в лёгком вальсе.
Там были те, кто героиню нашу знал,
Но смог рискнуть, счастливым став при этом.

Рассказ мой завершён. Хорош, иль плох финал?
Решайте. Я не ведаю ответа.

СИЗАРИ

По пути с работы
прохожу я мимо
Городского парка,
где в тени аллей
Часто наблюдаю:
пожилой мужчина
Кормит хлебной крошкой
сизых голубей.
Что-то напевает…
Может, нездоров он?
Возраст престарелый,
дал рассудок сбой?
На лице улыбка,
будто околдован,
Говорит он с птицей…
или сам с собой?
Раз меня окликнул:

– Есть одна минутка?

Ты со мною рядом
Сядь-ка на чуток.
…Называл когда-то
я жену «голубкой»,
А она в ответ мне –
«сизый голубок».
Схоронил супругу…
год разлуке нашей,
А сюда приходишь –
вроде рядом с ней.
Видишь эту пару?
Так и мы с Любашей
Ворковали часто
у избы своей…

Стало сразу стыдно,
что неверно думал –
У мужчины горе.

– Не печалься, дед!

– Я и не печалюсь…
то ж она – фортуна!
Скоро с Любой встречусь,
уж готовлюсь вслед.
Лишь они здесь держат…
Стали мне родными,
Тоже Божьи твари,
слышишь, как гурлят?
Вижу – парень добрый!
Присмотри за ними!
Будет нам покойней…
Если сможешь, брат.

Успокоил деда:

– Никогда не брошу

Сизарей крылатых!
Слово я сдержал:
Каждый день в кармане
приношу им ношу –
Семечки и крошки.
…Деду обещал.

ПРИТЧА О ЛУНЕ

По мотивам современной притчи

Мужчина отдыхал от суеты,
Смотрел с улыбкой в сумрачную высь.

– Скажи, чему здесь радуешься ты?
Для всех сейчас безрадостная жизнь…

Спросил его прохожий, рядом встав.

– Я здесь любуюсь полною луной.

– Чем-чем?

Тон удивления в словах.

– Луной! Она сейчас над головой.
Взгляни наверх! Огромный жёлтый круг!

– Огромный круг! Я должен рассказать!..

Ушёл. Чудак… а может недосуг…
Диагнозы не будем раздавать.

Мужчина только вслед взглянул ему
И снова в небо устремил свой взор:
Покоя не давал его уму

Мерцающий, таинственный простор.
Но не прошло, наверно, полчаса –
В кольцо его взяла толпа людей,
А тишину вспугнули голоса:

– Учитель, про луну скажи скорей!
Посланник твой немного рассказал,
Что круглая и жёлтая она.
Какой размер? Какой материал?
Ещё нам информация нужна.
– Какого лешего! Взгляните вверх,
Чуть-чуть пошевелите головой,
Увидите всё сами без помех.
Вы шутите наверно надо мной?

Но вся толпа ему смотрела в рот,
Она была покорностью полна.
Один, диктуя вслух, писал в блокнот:
«Взглянуть наверх – откроется луна…»

– Ты что там пишешь?

– Кто же, как не я
Ученье для потомков сохранит?

– Ученье? Не смеши, прошу, меня!
С ума сошёл ты, верно?.. Без обид –
Ты ПРОСТО голову приподними!

Но собеседник вновь схватил блокнот:
«Не сложно – ПРОСТО голову поднять
И ПРОСТО посмотреть на небосвод…»
Но дальше не успел он написать:
Мелькнул перед глазами жёлтый круг…
(Мужчина резко в челюсть дал ему).

– Что это было?

В голосе испуг.

– Луна!

– О, боже! Видел я луну!

Толпа с восторгом новость приняла,
Был луновидец мигом окружён.

«Увидел он луну! Хвала ему, хвала!»

Звучали выкрики со всех сторон.
А луновидец потирал скулу.
Махнув рукой, пошёл мужчина прочь,
По-прежнему любуясь на луну,
На тихую, безветренную ночь…

С тех пор минуло двадцать сотен лет,
А «Лунное писание» в ходу,
Читаем, чтоб луны узнать секрет,
Но нет учителя, нам на беду,
Он мог когда-то вдарить по зубам,
Чтоб в поле зрения вошла луна…

Но кое-кто внушает нынче нам,
Что, вроде бы, луна и так видна.

КРЫЛЬЯ

По мотивам современной притчи

Белокрылый ангел в кисее метели
Был почти невидим для простых людей,
Да к тому же, люди в небо не глядели,
В катакомбах зданий прятались скорей.

От подруги детства не было известий,
Что-то приключилось, надо навестить.
Рядом с нею вырос в чистом поднебесье,
Их связала крепко верной дружбы нить.

Словно процарапан в снежной круговерти
Этой нити росчерк… Вот её окно!
Силуэт знакомый тенью на мольберте,
Безысходной грустью веет полотно.

На крыльце подъезда в плащ заправил крылья.
Грязные ступени, запах нечистот.
Чтоб шагнуть вовнутрь, сделал он усилье,
Под ноги метнулся чёрно-белый кот.

Вот её квартира, номер восемнадцать,
У соседей справа тявкает щенок.
Он себя заставил: «Надо улыбаться!»
С трепетным волненьем надавив звонок.

Звук противный, резкий. И шаги, чуть слышно.
– Кто?
– Открой, подруга, это я, твой друг!
Извини, что раньше вырваться не вышло,
Как обычно – в небе не хватает рук!

Приоткрыла щёлку.
– Я тебя не знаю!
Но, глаза увидев, в их попала плен.
– Проходи на кухню, угощу я чаем,
За столом расскажешь, кто ты и зачем…

И пошла, ссутулив узенькие плечи.
Он, слегка растерян, устремился вслед.
На спине под тканью след рубцов замечен –
Две бугристых стрелки. Белых крыльев нет.

Кто наделал это? Ангелы не злятся,
Наш герой, наверно, злился в первый раз.
С их последней встречи лет прошло… двенадцать!
Ведь не так уж много… Что же с ней сейчас?

Голос, взгляд, движенья скованны, инертны.
Где азарт и лёгкость? Где стремленье ввысь?
У его подруги вид уставшей жертвы.

– Ты меня не помнишь? Ну же, приглядись!

– Нет, уже сказала – вряд ли мы знакомы.
Скоро муж вернётся, пей и уходи,
Он гостей не любит… отдыхает дома.

Кулачки прижала к худенькой груди,
Будто защищаясь. Где её улыбка?
Почему потухли искорки в глазах?
Омуты в ресницах колыхались зыбко,
В них не искры – тени, не веселье – страх.

Подойти, прижаться, поделиться силой,
Как давно, когда-то… Но, увы, нельзя.
Не узнала даже, и уйти просила,
И, похоже, в гости прилетел он зря.

Позвонили в двери. Встрепенулась птицей.

– Муж! Тебя молю я – просто уходи!
…Это так – прохожий, попросил напиться,
Он совсем ребёнок, милый, погляди!

– Я пока умоюсь, через две минуты
Наведи порядок, ужин разогрей.
Ты отлично знаешь – не люблю я смуты. –

Голосом суровым муж ответил ей.

– Я уйду, но прежде… (слёзы, так некстати…)
Знать хочу: зачем ей крылья оторвал?

– Так они мешали мне с женой в кровати,
Чтобы знать такое, ты, парнишка, мал!

– Ты её не любишь, ты её погибель!
Крикнул ангел громко, убегая вон,
Устремляясь в небо, прочь из этой зыби.

«Почему погибель?» – слышалось вдогон.

В белых хлопьях снега ангел незаметен.
Людям не до неба, смотрят вниз они.
И ответ, чуть слышный, не доносит ветер:
«Крылья – не помеха искренней любви!»

Ирина Булахова

ГРОЗА

Солнце бледным желтком расплескалось
И уже не слепило глаза.
Где-то там в небесах зарождалась,
Косяком заходила гроза.

Ветер, путая длинные гривы,
Тучи по небу гнал табуном.
Басовитым густым переливом
Разворчался разбуженный гром.

Громыхнуло могучим раскатом
(Видно сильно разгневался Бог!)
И рассыпалось дробным стаккато
(Ну, точь-в-точь в погремушке горох.)

Подхватил барабан, и тамтамы
Поддержали настойчивый ритм.
Звонкой медью звенели литавры –
Музыкальный внося колорит.

Грозно копьями молний сверкая,
Долго спорило небо с грозой.
Гром устало ворчал, затихая...
Ливень хлынул сплошной полосой.

ЛЕВКОЙ

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось...
И.Альвек

Утомленное солнце устало клонилось к закату.
Обдавало прохладой, стихал изнуряющий зной.
И повеяло вдруг позабытым давно ароматом –
Это пахнет левкой. Упоительно пахнет левкой!

И припомнилось вмиг, как бродили аллеей когда-то,
Как смотрел ты в глаза, любовался моей красотой...
(Утомленное солнце устало клонилось к закату)
Как сорвал для меня ярко-алый душистый левкой.

Кто тогда был неправ? Не найти нам теперь виноватых.
Разбросала нас жизнь – я с другим, и ты тоже с другой...
Но когда утомленно склоняется солнце к закату –
Вспоминаю тебя и тот алый душистый левкой.

ПОРА ВДОХНОВЕНИЯ

Утренний сад вдохновение
Мне посылает в тиши.
Музыку слышат осеннюю
Чуткие струны души.

Вот паутинка колышется –
Ткал её знатный мастак!
Осенью пишется, дышится –
Даже поётся не так.

Грустно нахохлились зяблики
В мокрых поникших кустах.
Листьев резные кораблики
Плавают в луж зеркалах.

Два бесприютных каштанчика
Грею в горячих руках.
Тянет ко мне листья-пальчики
Клен в желто-красных тонах.

Выплесну все сокровенное
С самого донца души.
Осень – пора вдохновения!
Ты уходить не спеши.

ПРОЩАНИЕ

Месяца медный круг
Кто-то повесил на гвоздь...
Кто для тебя я – друг?
А может незваный гость?

Сердца неровный стук...
"Да что ж ты стучишь не в такт!"
Ночь приглушила звук.
"За что ты со мною так?"

Призрачный силуэт.
Всхлипнула тихо вода...
Ты мне сказала: – "Нет!"
Хотелось услышать: – "Да!"

Восток заалел. Рассвет.
Ничком упаду в траву.
Тебя уже рядом нет.
Я сильный. Переживу!

Ирена Сытник

А НОЧЬ – НА ТО ОНА И НОЧЬ

А ночь – на то она и ночь –
Соитие земли и неба.

Усталость быта превозмочь
И вырваться из тела склепа,
Стрелой пронзив полог небес –
Под звёздами, над облаками –
Лететь, лететь, лететь к тебе,
Неисполнимыми мечтами...
На то и ночь... Она одна
Объединить с тобою может.

Когда ни берега, ни дна,
И лишь желание до дрожи.
Когда возносит в вышину,
А то затягивает в бездну...

Дай, на тебя хоть раз взгляну –
И снова к жизни я воскресну.

РАЗГОВОР С ДОЖДЁМ

За окном тихо дождь шелестит,
Ручейки, словно слёзы, по стёклам.
Он рыдает, как бедный наймит,
Над которым висит меч дамоклов.

Что ты, дождь, нагоняешь тоску?
Что скулишь за окном жалкой псиной?
Я и так скучно жизнь волоку,
Так и ты пеленаешь кручиной.

Ну-ка, вдарь по земле батогом
Струй упругих, хрустальных, звенящих!
Пусть прокатится тучами гром,
Молний вспышки сверкают почаще!

В душу пусть закрадётся мандраж,
Сердце вздрогнет и гулко забьётся.
Мир уснувший грозой взбудоражь,
Напои из живого колодца.

Жить хочу, а не дни проживать!
Не тянуть жизни лямку уныло...
Так пролей, дождь, свою благодать,
Чтоб водою уныние смыло!

СВАДЕБНАЯ КЛЯТВА

Я за тобой пойду в огонь и воду
Пуд соли разделю напополам,
Все проживу отпущенные годы,
И никогда тебя я не предам.

Мы будем вместе в радости и горе,
Двоим любые беды по плечу.
И пусть бушует жизненное море -
Любовью все увечья залечу.

Я поддержу, когда в пути споткнёшься,
Прощу грехи, невольный адюльтер.
Бывает всё на длинной жизни стёжке:
Судьба нас ставит в тот ещё партер.*

И даже если быт любовь нам застит,
Почтеньем мы рутину победим.
Нам не страшны ни беды, ни напасти,
Когда друг друга мы не предадим!

Инесса Мартын

ДАО ПО-РУССКИ

Дороги выбирают нас –
не мы их, как учили в школе.
Путь к дому, в храм иль на Парнас,
Зависит ли от нашей воли?

Да сами люди – те дороги.
Пройти их значит жизнь прожить.
Одни что зимы: стройны, строги,
Другие – как весной любить.

А мне достались сразу все:
Тропинки, тракты, рельсы, реки,
И ветер скоростных шоссе,
И синь-озёр Карельских веки.

Бывало, угадаю в них
Того, кто всех дороже станет:
Учитель, Друг, Сестра, Жених –
Но вновь за встречей расставанье.

Скрещенье истинных путей
Не отменяет параллельность.
Идти дорогами людей –
Навеки сохранить им верность.

И по моей душе живой
Легли дороги – семьюстами.
Нет, не прощаюсь ни с одной.
А шрамы назову стихами.

ВЫСОКИЕ КАБЛУКИ

Когда-то я любила туфельки на шпильке,
И что ни вечер, пара новая на мне.
И сколько же сердец мужских влюбленных, пылких
На каблуки я нанизала по весне!

Замочки, бантики и ремешки из стразов…
А если лакированный носок?
А если в сеточку колготки? Тут уж сразу
К ногам моим готов упасть казачий полк.

А свадебные лодочки белее снега?
Я так на них навстречу счастию неслась!
Прошли та беззаботность юная и нега.
Нога моя распухла, раздалась.

Теперь ношу надежную платформу
Или удобнейшие сабо, что стучат
Мне вслед: «Ты потеряла форму
И далеко тебе до тех девчат,

Что, как и ты когда-то, мчатся на свиданья,
Надев превысоченнейший каблук».
Но по такому поводу страданья
Не тем чета, когда давно я услыхала вдруг:

«Да, ты сегодня выглядишь отменно,
И туфельки что надо на тебе.
Но, понимаешь, есть другая. И, наверно,
Она теперь – не ты в моей судьбе».

Как захромали ноги вдруг от этой фразы!
Как подломился, ненавистным став, каблук!
И разлетелись в стороны все стразы,
Как слезы, что из глаз скатились вдруг!

И я босою нищенкой себя осознавая,
Домой плелася, по булыжникам скользя.
Поджав все пальцы ног, того не зная,
Что покорить одними шпильками нельзя.

Теперь чем больше годы – ниже каблуки.
Но о прошедшем вовсе не жалею.
Храню любимые все туфли. Ведь они как дневники
Той юности, что я насквозь прошла аллею.

Есть у меня сейчас любовь супруга,
Которому я нравлюсь и в лаптях.

А есть еще дочурка, мне подруга.
И часто в ресторане иль в гостях

Я слышу: «Как изящна Ваша дочка
И так на Вас похожа красотой».
И отвечаю им с улыбкой: «В точку
Вы комплимент направили приятный свой».

Нет, мне не жаль ушедших шарма или обаянья.
Все в деточках моих они теперь.
А дочери скажу: «Ты на свиданье?
Как будешь уходить, закрой плотнее дверь.

Ну, покажись! Да ты принцесса просто!
А туфли! Каблучища не сломай,
Когда спешить ты будешь на красивых шпильках острых
Не в мой ушедший – в свой грядущий май».

ВОЛШЕБНИКАМ НУЖНО ПОРОЙ ОТДЫХАТЬ

Волшебникам нужно порой отдыхать.
У магов обязаны быть передышки.
Им тоже однажды упасть бы в кровать
и свет приглушить, полистать вяло книжку –

не ту, где таинственных рун письмена
судьбу объяснят не свою, а чужую,
а просто журналы: парфюм, имена,
реклама. О большем мечтать не рискую!

Ах, зелье целебное трудно варить
всю жизнь для других, если хочется – чаю.
И фее приестся для вас ворожить,
коль просьбы одни на пороге встречают:

– Верни мне обличие Принца, как встарь!
– Я Золушка. Туфельки к балу готовы?
– Желаю возжечь светоносный Фонарь.
– Мне аленький цветик, а сёстрам – обновы!

Для магов работа нелёгкая в кайф,
но личная жизнь и у них ведь бывает.
Болеют, влюбляются, слышат: «Прощай».
И снова прощают, прощают, прощают…

Не жалко чудес для других им – возьми!
Но только запомни: они же не вечны.
И стать им порой так охота людьми,
а мантии чтоб не давили на плечи.

Стянуть с головы сине-звёздный колпак,
рассыпать волос непослушную гриву.
Забыть волшебство, погрузиться во мрак
приморской ночи, ожидая отлива.

Чуток пожалейте, когда он устал,
и самого сильного, лучшего мага.
Пускай же отложит свой верный кристалл,
от сказки до счастья ему лишь полшага.

САД КАМНЕЙ

Всему своё время, и время всякой вещи под небом:... время разбрасывать камни, и время собирать камни.
Из Еклессиаста

Было время – я камни бросала
И считала круги на воде.
Было время – на шею цепляла
И бросалась с обрыва в беде.

Было время – я камни жевала
Вместо хлеба, без соли и щей.
Было время – я их собирала
И считала в порядке вещей,

То, что камни – они не алмазы,
Их в сережки на уши не вдеть!
Было время – желала я разом
То, что оптом нельзя восхотеть.

Но теперь-то все камни вернутся,
Что посеяла я на пути,
И в брильянты они обернутся.
О, судьба, я прошу, помоги!

***

С моря друг возвратился. В подарок –
галька. Мир на ладони моей!
Блеск алмаза – он менее ярок.
Начинаю слагать сад камней.

Ирина Каденская

ЭМИГРАНТКА

В каком-то городе, где осень и печаль
Сжимает сердце холодно и грубо -
Пальто, перчатки, черная вуаль
И тонкие искусанные губы.

И русый локон, выбившийся вниз
Из прядей, что зачесаны так гладко.
В каком-то городе к Вам обратятся: мисс,
мадам, миледи или...эмигрантка.

И звать Вас будут Кэт или Катрин.
И сидя гувернанткой у камина
С чужим ребенком, глупым и дурным,
Вы вспомните, что были Катериной

В той жизни, что прошла, как будто сон,
И больше никогда не повторится.
Вы были влюблены, он был влюблён,
И падали снежинки на ресницы...

...И падали под страшный возглас "Пли!"
Тела, тела... вокруг шумели ели,
И запах крови и сырой земли.
Любимый Ваш в двадцатом был расстрелян.

Кому-то - девять грамм, кому-то - крест,
А по ночам всё также снится милый...
Его в овраге том похоронили,
Вас - через двадцать лет на Пер-Лашез.

А ОТ МЕНЯ И ДО ТЕБЯ...

А от меня и до тебя –
Слова, как бусины, на нити...
Мой ангел с именем Хранитель,
И белая, в снегу, земля.

Свечи мерцающий огонь...
Иллюзия, что всё – как прежде.
Осколками своей надежды
Я режу до крови ладонь.

Ведь от тебя и до меня –
Слова, забытые вначале –
Те, что мы так и не сказали...
И тонкий лед небытия.

ПРИНЦЕССА С ГЛАЗАМИ ЛАНИ

"Как много в миру печали..."
Какой-то мудрец изрек.
Летают над морем чайки,
И лижет волна песок...

Пронзительно крикнет птица,
Защиплет туман глаза.
Принцесса любила принца.
И верила в чудеса.

Ждала его в мрачной башне
С высоким резным окном.
И день проходил вчерашний,
Чтоб завтрашним стать потом.

Принцесса с глазами лани,
И жемчугом в волосах.
И солнце играло в гранях
Витражных. И на часах,

Что меряли год за годом,
За веком там таял век...
В день ясный и в непогоду,
Когда шел над башней снег.

И день, как смола тягучий,
Полынью горчил опять.
А в общем, обычный случай,
Однажды устала ждать...

И тихо пройдя к балкону,
Она, не найдя ответ,
За чайками вдруг, вдогонку,
Взлетела в закатный свет...

И лишь на кусочке ткани
Из слов прочитали вязь
Принцессы с глазами лани:
"Прости, я не дождалась"

ОН УХОДИЛ НА ФРОНТ

Он уходил на фронт и с ней
Прощался в хаосе вокзала.
И молча девочка стояла,
Которой не было родней.

В горошек платье, поясок,
Приколотая к кофте брошка.
И думал он: "Еще б немножко
Побыть с ней вместе. Хоть часок".

Протяжно крикнул паровоз,
Качнувшись, тронулись вагоны.
И омут глаз ее зеленых
Дрожал от набежавших слез.

А сердце разрывала грусть,
Предчувствие большого лиха.
Но он, обняв, шепнул ей тихо:
"Не плачь, дуреха, я вернусь".

Мелькала насыпь, за окном
Тянулись голубые ели...
И как пронзительно хотелось,
Чтоб это оказалось сном.

Но дальше был не сон, а ад –
Траншеи и заградотряды,
Гул разрывавшихся снарядов
И стоны раненых солдат.

"Я лишь одной тобой живу..."
она в письме его читала.
...он не почувствовал удара,
Когда упал лицом в траву,

Что вдруг закрыла горизонт,
В ней таяли и дым, и звуки...
И нежною была, как руки
Любимой девочки его.

Тина

ПАРА СТРОК

Город сонный, слегка простуженный,
Потонул в полуночной мгле.
Тусклый свет от луны-жемчужины
Мягко стелется по земле.

За прозрачными занавесками –
Силуэты продрогших лип,
Объясняется ветер жестами:
От простуды совсем охрип.

Разыгрался, шалит, как маленький,
В ледяное стучит стекло.
Только я не боюсь ни капельки –
Мне от строчек твоих тепло.

Я окутана этой нежностью,
Палантином ажурных фраз.
С лёгким привкусом неизбежности
Кофе в чашке моей сейчас.

Мысли сами ложатся рифмами,
Остаётся лишь пара строк.
Может, будут чуть-чуть наивными,
Но ведь ты не бываешь строг.

Светлой музе за вдохновение
Наперёд оплачу счета.
Лишь продлилось бы наваждение,
Лишь бы ты продолжал читать...

АПРЕЛЬСКОЕ БРЕДОВОЕ

Сонный апрель. Не звенит и не греет.
В мыслях и чувствах сплошной кавардак.
Счастье своё пристегну к батарее,
Ключ от замка зашвырну на чердак.

Вынесу с мусором боль и разлуку,
В форточку выгоню дым от обид,
Ревность спалю под горячую руку,
Буду смотреть, как прикольно горит.

Неба хочу, чтоб светлее и выше,
Свежих ветров, щебетания птиц,
И аромат зацветающей вишни,
И полыхающих алых зарниц...

Чайник кипит, в третий раз подогретый,
Больно плечом задеваю косяк.
Ну же, весна! Настоящая, где ты?
Мне без тебя не проснуться никак.

ПОЧТИ НЕ СТРАШНО

Эх, братишка... у нас тут пекло, и опять зарядили грозы.
Воздух сплошь из песка и пепла, лагерь сонный, как под наркозом.
Передышка вторые сутки, тишина просочилась в вены,
Ожиданием давит жутким, ненавистное тянет время.

Чтобы попросту не свихнуться, пофигистом стал, бесшабашным,
Словно кровь заменили ртутью. И не страшно... почти не страшно...
Лишь ночами, бывает, ною, – тихо, чтобы никто не слышал.
Вспоминаю в саду левкои, голубей на окрестных крышах.

А сегодня припомнил, братик, тот далёкий июльский вечер:
Мать – красивая, в летнем платье, ты забрался к отцу на плечи,
Мы бредём полосой прибоя, и в закатном усталом солнце
Счастье – тёплое и простое – словно волны о берег, бьётся.

И как будто не с нами было – кадр из фильма, картина маслом.
А реальность – в окопе стылом и закате кроваво-красном.
Вот вернусь, и поедем к морю. Верь мне, слышишь, ведь я же старше –
Мы сильнее смертей и горя. И не страшно... почти не страшно...

НОЧЬ

Багряным вспыхнула закатом
И тьмой укрыла всё вокруг.
Такая робкая когда-то,
Вошла, как старый добрый друг.

Сейчас тиха и безмятежна,
Но вскоре ласковой рукой
В круговороте страсти нежной
Двоих утопит с головой.

Искрясь рубинами в бокалах,
Дрожа в мерцании свечей,
Срывая с губ припухших алых
Слова, что нету горячей,

Взовьётся – дерзкая, шальная,
Дразня изысканной игрой
До исступления, до края,
Всё увлекая за собой.

И разольётся негой сладкой...
Вдохнув дымок от сигарет,
В окошко выскользнет украдкой,
Пока не занялся рассвет.

Лишь обернётся на мгновенье,
Чтоб в нежном сумраке теней
Запечатлеть своё творенье
На чёрном шёлке простыней.

Сарвар Турдибоев

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ГРУСТЬ

Я люблю тебя, грусть. Ты черстветь не даешь
Сердцу, что приняло за ударом удар.
Ты не терпишь толпы и не любишь галдёж.
Для тебя тишина лучше пенья гитар.

Я люблю тебя, грусть. Шорох листьев сухих,
Заунывных дождей барабанная дробь.
Из непролитых слёз ты слагаешь стихи,
В них не радость уже, но ещё и не скорбь.

Ты красива порой, ты светлее тоски.
И в тебе иногда есть надежды просвет.
Я люблю тебя, грусть. Ты – соавтор строки,
Что согреет, как чай или клетчатый плед.
Я люблю тебя, грусть. Ты подруга моя.
Даже в радостный час, ты притихнешь, но ждёшь.
Чтоб вернуться опять, посреди октября.
Как забытая боль, как неласковый дождь.

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ НЕ БОЯЛАСЬ

Я хочу, чтобы ты не боялась
Этих мелких и милых морщин.
Для меня ты была и осталась,
Юной, нежной, как белый жасмин.

Не смотри в зеркала, беспокоясь
Зеркала все бессовестно врут.
Лишь глаза мои правды не скроют,
Красоте твоей дань воздадут.

Приглядись и увидишь в них снова,
Свет очей, красоту алых губ.
И увидишь, я снова взволнован,
Очарован, и молод, и глуп.

Я же рядом, не думай про старость!
И не бойся ты этих морщин,
Для меня ты была и осталась
Юной, нежной, как белый жасмин.

ОБРЕЗАЯ ЛОЗУ

Обрезая лозу, причиняешь ей боль
От того лишь вкусней виноград.
С болью любишь сильней,
Жить с любовью больней,
Кто же в этом, скажи, виноват?

Не придумали мы – это жизни закон,
Чтоб счастливее стать во сто крат,
Мало вёсны прожить,
Надо всё пережить,
И печаль, и в душе листопад.

Обрезая лозу, причиняешь ей боль
И стекает, сверкая, слеза.
И сквозь боли той груз,
Сочной ягоды вкус
Нам с тобою подарит лоза.

И в бессонную ночь, пишет песни поэт,
То прекрасные, то невпопад.
В этом суть, в этом соль,
Через муки и боль,
Как лозою рождён виноград.

И для песен, пришедших сквозь тихую боль
Предрассветных часов мне не жаль.
На бумагу стечёт
Словно ягоды сок
Горько-сладкая в строчках печаль.

Обрезая лозу, причиняешь ей боль
От того лишь вкусней виноград.
С болью любишь сильней,
Жить с любовью больней,
И никто в этом не виноват.

ЖИЗНЬ КОРОТКА, ЗАЧЕМ ЖЕ В СЕРДЦЕ ЗЛОСТЬ

Жизнь коротка, зачем же в сердце злость?
Ведь этот мир, как постоялый двор.
Здесь каждый день сменяет гостя гость.
То славный муж, то пьяница, то вор.

Ждёт пораженье каждого из нас.
Хоть верный раб, хоть знатный господин.
И я приму тот жребий, не страшась,
Ведь проигравший жизнь не я один.

Но радует меня одна лишь мысль:
В моём селе весной цветёт миндаль.
И лепестки его, как снег, как пыль,
Уносит ветра дуновенье вдаль.

И может быть когда-то, в тёплый день,
Те лепестки покроют холмик там,
Где в памяти родных оставив тень,
Я начал путь к неведомым мирам…

Анна Штурмина

Я СРЫВАЛА БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Я срывала белые цветы
Нежных, от росы чуть влажных лилий,
Вспоминая то, как Вы дарили
Мне букет с приходом темноты.

Помните ли наши вечера
Тёплого безветренного лета,
Поцелуи в отблесках рассвета
И ветвей зелёных веера?

Помните касанье наших рук,
А игру теней на светлых стенах,
Грустные мелодии Шопена,
Красоту, царящую вокруг?
Для меня срывали Вы цветы
Белых, от росы чуть влажных лилий,
И меня так преданно любили
В том краю несбывшейся мечты.

ПИСЬМО ЛЕЖИТ В ОРЕХОВОЙ ШКАТУЛКЕ

Письмо лежит в ореховой шкатулке,
И увядают розы в хрупкой вазе.
"Он не вернется..." — прозвучало гулко.
Какая безысходность в этой фразе!

Вы помните осенний тихий вечер?
Тот поцелуй прощальный у ограды?
И чувство, что не будет новой встречи,
Затмило вдруг очарованье сада;

Любимого последнее касанье
И элегантность белого мундира,
Восторженность несмелого признанья
И ощущенье призрачности мира;

Потом отъезд, тревожные метели.
Все будет хорошо. Вы просто верьте.
Продлилось счастье только три недели.
И, как удар, – известие о смерти...

СМОТРИТЕ, ПЕРВЫЙ СНЕГ УКУТАЛ КРЫШИ

Смотрите, первый снег укутал крыши...
Любуюсь им и думаю о том,
Что в прошлой жизни дом мой был в Париже,
А снег вот так же падал за окном...

И думается мне, что я любила
Мечтать бессонной ночью у огня,
По-моему, я даже не забыла
Привычки той, живущей до меня.

Я знаю, что была слегка беспечна,
Любила флирт и горький шоколад,
Надеялась, что счастье бесконечно,
Еще не встретив боли и утрат...

Возможно, что была придворной дамой,
Жила в покоях старого дворца,
И точно так же, как сейчас, – упрямой,
Вот только жаль, не вспомнить мне лица...

Я принадлежность прошлого, эпохи,
Давно ушедшей в мир небытия.
Живу среди обычной суматохи,
Привычная, сегодняшняя, я.

Лишь снится ангел, светлый и скорбящий,
Раскрывший надо мною два крыла...
Чтоб стать счастливой в жизни настоящей,
Две сотни лет назад я умерла...

ПОМНИ ОБО МНЕ ЧЕРЕЗ ГОДА

Помни обо мне через года.
Я вернусь к тебе и сквозь столетья.
Пусть разрушит время города -
Душам уготовано бессмертье.

В памяти храни мои слова,
Губы и глаза, прошу я, помни.
Я приду к тебе, когда молва
О любви покинет мир огромный.

Я найду тебя в любом краю,
Отыщу в жару иль снегопады
И скажу, что всё ещё люблю,
И тогда мы снова будем рядом.

Но однажды вновь вернётся смерть,
Принесёт с собою боль разлуки.
Мне не страшно будет умереть,
Сквозь века в твои вернувшись руки...

Наталья Ермилова

НУ, ЧТО ТЫ, ОСЕНЬ, СНОВА ЗАГРУСТИЛА

Ну, что ты, Осень, снова загрустила?
А знаешь, я возьму пример с тебя –
Но плакать не получится вполсилы,
От наших слез вся вымокнет земля.

Вчера еще была ты золотая,
И рыжая, как мой любимый кот,
И что случилось за ночь, дорогая,
Дождь льет вторые сутки напролет.

Ты украшала клены и рябины,
Березы шелестели на ветру,
Должна для слез быть веская причина…
Ты расскажи, попробуй, я пойму...

Ну, что ты, Осень, снова загрустила?
Я тоже из последних сил держусь –
Ведь плакать не получится вполсилы,
Боюсь тогда, что с горя я напьюсь.

Давай сегодня вместе выпьем чая,
И, может быть, две капли коньяка,
Конечно, я сегодня угощаю...
Но только ты дождем не плачь пока.

ПОДСКАЖИ, КУДА МНЕ ИДТИ

Подскажи, куда мне идти,
Дай совет в немой тишине,
Нет конца и края пути –
Иногда очень страшно мне.

Маяки поставь вдоль дорог,
Нарисуй на карте мой путь,
Чтоб избавившись от тревог,
Поняла этой жизни суть.

Помоги узнать, кто мне друг,
И лицо врагов покажи,
И подай спасательный круг,
Если буду тонуть во лжи.

Дай мне руку, когда темно,
И вокруг не видно ни зги,
Чтобы страх прошел стороной,
Ночью звёзды в небе зажги.

Подскажи, туда ли иду,
Дай ответ в немой тишине.
От меня отведи беду –
Я ведь очень верю тебе...

НЕ ХОТЕЛ

Наверное, и сам ты не хотел,
Чтоб по тебе так женщины страдали,
Хватает на работе важных дел,
И разорваться можешь ты едва ли...

Но обе ждут. Что делать, что сказать?
Какой из них звонить, а с кем расстаться?
Одна из них – любимой дочки мать,
А без другой – нет силы просыпаться...

Как жить теперь, и сам не знаешь ты,
Всю ночь сидишь – рисуешь треугольник,
Так тяжело забыть свои мечты –
Ты оказался совести невольник.

А в двух домах тебя ночами ждут,
Не гасят свет, разогревают ужин,
Стараются создать тебе уют,
И говорят, что ты им очень нужен.

Ты виноват. Пред ними. Пред собой.
Вина твоя доказана слезами.
А сердце раздружилось с головой,
И боль его сжимает, как тисками.

Хватает на работе важных дел.
А в голове – набатом: или – или...
Наверное, и сам ты не хотел,
Чтоб так тебя отчаянно любили...

ЛЕКАРСТВО

Самое лучшее лекарство –
Это просто уехать к морю,
Ходить на лодке под парусом,
И понять, что такое воля,

И касаться рукою неба,
Собирая звезды в ладони,
Придумать то, чего не было,
Стереть номера в телефоне...

Позабыть суету ненужную,
И вечно спешащих прохожих,
Наслаждаться ночами южными,
И поверить, что всё возможно.

И впитывать солнце всей кожей,
Чтоб вернуться – бросить монету,
И есть, сколько хочешь пирожных,
Не верить в плохие приметы.

Потеряться на миг в пространстве,
Надышаться воздухом с солью...
Самое лучшее лекарство –
Просто взять и уехать к морю.

Олег Панов

ПОВОДОК

Делай, что хочешь – свобода с ухмылкою манит.
Вольный, как ветер… пока поводок не натянет.
Бойко на привязи рядом у колышка скачешь.
Ты – уникальность, поверь, не бывает иначе.

Дом, тренажёрка – пародия среднего класса –
ужин стандартный – флажок и "Свободная касса".

Сотни коней растоптали теорию Тесла…
Жопу свою водружаешь в уютное кресло.
Кожу руля гладишь нежно, как руку невесты.
Ловко играя педалью, срываешься с места...

Мчишь с ветерком на работу, чтоб сутки ебашить –
Банк написал смс – твой кредит не погашен.

Жертвы маркетинга, касса, витрин закоулки.
Вот для сортира бумага – смывается втулка.
Сиськи с рекламных плакатов модели таращат,
Новое, свежее, больше, дороже и чаще!

Зомби восстали от сна под будильника стоны –
мозг затуманен рекламой седьмого айфона.

Гаджеты в лапках застывших людей–сурикатов,
Профили, смайлы, репосты, любви суррогаты.
Срочно онлайн фотографию в новенькой майке.
Твиттер, Контакт, Инстаграм – собиратели "лайков".

Грани смартфона натерли уставшую кожу –
вызов не может быть принят, пожалуйста, позже.

Офис бурлит суетой делового планктона.
Каждому – эхо валютно-монетного звона,
мягкий диван, да отрыжка прямого эфира,
кластеры многоэтажек, коробки-квартиры…

В пятницу вечером ждет наилучший психолог –
Виски со льдом, одиночество и кока-кола.

Мантры, лампады, соборы, мечеть с синагогой.
Как заебёт колесо – вспоминаем о Боге.
Ближе к финалу зубрим, пожирая глазами
Библию в тысячный раз – ждет последний экзамен.

Только смеются апостолы, глядя на паперть –
вход для блаженных и нищих торжественно заперт.

ДАО ДЕМОНА

И я снова пойду за тобой по пятам...

***
Ты пришел ниоткуда, и думалось: будешь тут.
И мне думалось: можно хоть вечность с тобою быть.
Оказалось, что даже глаза мне порою врут.
Оказалось: умелые рученьки у беды.

Ты пришел ниоткуда, уйдешь в никуда. А мне?
Мне казалось, я буду тебя целовать всю жизнь.
А теперь мне осталось лежать, как зола, и тлеть,
и глотать ледяные комочки проклятой лжи.

Не умру я затем, чтобы снова тебя найти
и взглянуть в твои темные, цвета греха, глаза.
Я хочу рассказать, что встречалось мне на пути,
как из нервов моих, заплетаясь, вилась лоза,

как из жил я ковала прочнейшие цепи вмиг,
как на цепи я эти сажала своих чертей,
как звала я тебя, как глушила слезами крик,
как без сил подползала к последней своей черте.

Я, забыв про усталость, отправлюсь тебя искать,
чтоб взглянуть в твои темные, цвета греха, глаза.
По клинку ледника я пойду, по огню песка.
Я приду, чтобы просто "ну здравствуй" тебе сказать.

Я хотела б поведать о боли, что есть во мне.
Но я знаю: таким новостям ты не будешь рад.
Я тебя отыщу, чтобы просто сказать "привет" –
и ты снова уйдешь по артериям автострад...

© Луиза Иммервар

И я снова уйду по артериям автострад,
Чтоб полос разделительных белый считать пунктир.
Я оставил тебе персональный, колючий ад,
Затирая пространство и время до чёрных дыр.

Я оставил тебе новый смысл – меня искать.
И под левыми ребрами жгущую пустоту.
И по праву сильнейшего – сжалиться/дробь/распять
Для тебя я придумал несбыточную мечту.

Так иди же за ней не жалея себя (и всех),
разрывая на клочья подошвы усталых стоп.
Может, я и жесток, но возьму на себя твой грех,
Если ты раскидаешь мешающих с горных троп.

Пустота не кончается – слабые вниз летят.
Кто идёт по пути исступленно – бывает груб.
Если душу твою отравляет мой едкий яд –
(не бывает у демонов сладко-ванильных губ,

если нравилось, как прикасались мои клыки,
что клинков ледяных и прозрачных стократ острей)
То, взрывая от боли седеющие виски,
жги канаты и цепи, спуская своих чертей.

Пусть они, вдохновляя тебя на жестокий путь,
на руках пронесут через пламенные пески,
И когда первобытная ярость заполнит грудь –
ты отыщешь меня. Ты коснешься моей руки.

Я скажу тебе: «Здравствуй. Тебе несказанно рад».
Поцелуем огня растоплю ледяную ложь.
Растворюсь незаметно в артериях автострад.

P.S.
И ты снова дорогами боли за мной пойдешь.
© Олег Панов

МОРСКОЙ ВОЛК

Обнажая трюмы, мертвые корабли,
Как китов скелеты, замерли на мели,
Между переборок – тонны сырой земли,
Не волну, а воздух их рассекают к**и**ли.

И глубоки ямы вр**е**менных их могил,
Навсегда Тритон от них за моря уплыл,
На упавших мачтах – ржавчина, скользкий ил.
Покрывает палубы слой вековечной пыли…

Капитан отчаян – больше не может плыть.
Не горит звездой его путевая нить,
Без воды соленой водорослями гнить,
Будут на душе его очерствевшей раны.

А в глазах – кипит бушующий океан,
Якоря и порты, бухты далеких стран.
А от рома он неделю мертвецки пьян.
Только никому нет дела до капитана.

Экипаж потерян – гордо ушел ко дну,
Наполняют их тела под водой страну.
Капитан не может вспомнить и ту, одну,
Что в порту прибрежном с ним ночевала рядом.

Он один – солёный, вытертый волк морской.
И не может на берегу обрести покой,
Судовой журнал лежит под его рукой,
А в кармане компас, карта с пиратским кладом…

На плечах широких – камнем лежит тоска.
Его сердце морю отдано, до куска.
А у ног в песке видна от кормы доска,
На которой только слово одно – «Надежда».

Козырьком легла на брови его рука,
Но не видит взгляд вечернего маяка.
Видно, вышло время старого моряка.
Без него не будет море таким, как прежде…

А среди ветров, и галсов, да волн седых,
Что, не зная силы, берегу бьют под дых.
Спрятан тайный остров – дело для молодых.
Тот, который капитан называет домом.

Каждый камень в том краю был ему знаком.
А теперь скелет указывает тайком –
Где заносит время крупным морским песком,
Мертвеца сундук, и фляжку с ямайским ромом.

ЛЮБОВЬ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Сердце бьется о клетку ребер, звенящих от ритма твоей походки.
Когда ты, пролетая, ласкаешь шпильками пола тугие доски.
Миллионами вольт на синапсах, яростно, плавит мою проводку...
Мой диагноз неутешителен. Это – любовь головного мозга.

Нет у слов значений. Мой разум – в коме, он не понимает сути.
Кто имеет уши – останется глух, если можно любить и верить.
От твоей красоты застилало радужку зеркалом жидким ртути.
Когда мы заплетались в единый узел из нервов, вен и артерий….

А за завтраком, в белом плену рубахи, взятой тобою без спроса.
Ты читала меня, как открытую книгу – с кофе и круассаном.
Улыбалась, как Мона Лиза. Могла бы мне просто задать вопросы.
Но молчала... А я прогонял, с улыбкою, мысли о главном самом.

Отчего ты со мной? Не пойму. На мне уже некуда ставить пробу.
Ты нужна мне, как воздух! Но есть ли вера, что я тебе тоже нужен?
И какой договор подписать мне должно слезами, и алой кровью,
Что ты вправе забрать без зазрения совести тело моё, и душу?

Когда ты уходила, мой мир замирал в тоске. И не мог проснуться.
Лишь из блистера время в ладонь, таблетками. Чтобы глотать,
горстями.
В ожидании встречи. Ведь был миллион причин, чтобы не вернуться.
Но всегда находился хрустальный мост между нашими пропастями…

Вновь стучат каблучки по поверхности пола. Лишь о тебе мечтая,
У меня расправляются крылья. Белые. В воздухе за плечами.
Безнадежно охрипшим от криков голосом, вслух тебе прочитаю,
Все поэмы, что я, под твоими чарами, в муках писал ночами.

Игорь Кремнев

ТЫ УЙДЁШЬ

Ты уйдёшь, не оставив намёка на наше
сумасшедшее счастье познанья друг друга.
Я останусь в своём одиночестве страшном,
в дверь не слыша до боли знакомого стука,
не внимая твоей бессознательной речи,
объясняющей мне столь абсурдные мысли,
и любить, ненавидя тебя, буду крепче,
пробуждаясь в поту от нахлынувших истин.

МОНОЛОГ ВРАЧА. Часть 1

Ваш лик, милейший,
Мне внушает опасенье:
На нём читаются
Пороки молодости бурной.
Сейчас, быть может,
Вы приходите в унынье,
Познав историю своей болезни, –
Вот Вам награда за несдержанность!
Лишь трепетать Вы можете сейчас.
Не более того.
Прошу, – не расслабляйтесь!
И если разума остатки
Вы совсем еще не растеряли,
То вывод извлечёте из беседы нашей.

Я верю твёрдо в Ваше возрожденье.
И для меня сомнений нету в том, что

Вы себя преодолеть способны.
Не зря же столь высоких достижений Вы добились,
А это значит, – есть у Вас упорство.
И талант, отчасти.
И взгляд у Вас ещё вполне оптимистичный.

Вся эффективность нашего леченья
Сокрыта в Ваших качествах душевных.
Я знаю, что не шли по трупам Вы,
Взбираясь по служебной лестнице.
И совсем не потому, что не было их на ступеньках,
А потому лишь, что через себя Вы не могли переступить.
Мой Вам совет: причастие пройдите.
Нет, не в соборе православном, не в костёле даже.
С самим собою предстоит остаться Вам.
Наедине.
Я также знаю, что Вы были атеистом.
Ну, что ж, вот Вам и выбор предстоит.

В конце беседы нашей я хотел,
Чтоб Вы усвоили одну простую вещь:
Не препараты лечат и не йога,
Не мануалы-мудрецы из Цейлона,
Но только лишь слова.
Ведь в базисе всей терапии –
Слова врача, идущие от сердца,
А в профилактике болезней лежит
Уменье вовремя их довести до страждущих.
Ну, вот, Вы, наконец-то, улыбнулись…

МОНОЛОГ ВРАЧА. Часть 2

«Ты зачастил ко мне
С каким странным постоянством,
Часы приёмные не замечая как бы.
Ужели плохо так тебе на самом деле?

Что смотришь долу?
Мне молчанья твоего безумного не хватит
Даже на анамнез.

Хочу предупредить,
Что внятность слов
уместней будет в сочетанье с краткостью.
Разжалобить меня и не пытайся даже, –
Поди, не первый день знакомы.
Который раз выходишь ты на низкий старт?
Со счёта сбился?

Ты ждёшь совета от меня
Очередного,
Сам при этом понимая,
что терапия в данном случае бессильна.
И взгляд твой отрешённый
Меня не удивляет.
Ты жизнь пытаешься начать
По-новому с утра
И в первый день недели непременно.
А надо было бы с позавчера».

МОНОЛОГ ВРАЧА. Часть 3

«Признаюсь честно: думал я,
Что ты забыл уже ко мне дорогу.
Стабильность, видимо, не улыбнулась?
Иль новых ты врагов успел нажить?
Ну, что ж, расслабься на кушетке, –
Приляг и помолчи немного;
Прикрой глаза, стараясь ни о чём не думать,
И выслушай внимательно меня.

Твоя недельная щетина,
Могла бы выглядеть, как моде странной дань,

Но у тебя она с «мешками» под глазами,
А это, брат, изрядно портит имидж.
«Боржоми» вряд ли здесь поможет,
А физраствор с глюкозою – тем паче.

Я попрошу понять простую вещь:
Мы в битвах жизненных, порою
Не бережём ни печени, ни нервов,
И, рассуждая прагматично,
Не ведаем, что ночи мрак
Сильней всего бывает пред рассветом.

Надежда Кетрарь

ПОД СЕНЬЮ СКАЗОЧНОГО ЛЕСА

Хочешь Ты увидеть таинство природы,
Что никто не видел, чудо из чудес?
Если «да», то ночью, в ясную погоду,
Отправляйся тихо в сонный древний лес.

Там в его глубинах, прямо на опушке,
Скрытое от глаза, озерцо блестит.
Где под лунным светом плещутся лягушки,
Дуб, видавший вечность, рядышком стоит.

Плавают русалки в теплых чистых водах.
Их волшебных песен слышится напев.
В салочки играют, а сама Природа
Ото всех укрыла дивных этих дев.

Спрятался на дубе леший с бородою.
Серый волк надрывно воет в стороне.
Леший жарко спорит с белкой под листвою.
Спор их непонятен. Может, о луне.

Водяной в тиши с кикиморой болтает.
Под кустом ракиты притаился зверь.
Много разных тайн под сенью лес скрывает.
Думаешь, неправда? А пойди, проверь.

КАМЛАЛ ШАМАН

Камлал шаман под светом звезд беспечных,
Посеребренных отблеском снегов.
Под звуки бубна космос бесконечный
Внимал мольбу ему понятных слов.

Плясал шаман по колдовскому кругу.
Взметнулся ярким пламенем костер,
Волшебным светом озарив округу,
Под воющих волков нескладный хор.

Кричал шаман, взывая к древним духам.
Казалось, что в него вселился бес.
И пепел от костра ложился пухом
На замерший в молчанье зимний лес.

Стонал шаман, прося у духов мира,
Заканчивая тайный ритуал.
(Природа с ним об этом же молила).
С рассветом он без чувств на снег упал.

СТАРАЯ БЕРЕЗА

Под окошком старая береза
Без листвы который год стоит.
Не бегут в апреле ее слезы,
Листьями давно не шелестит.
Бересты наряд местами рваный
Не украсит изможденный вид
И дупло, зияющее раной,
Мрачный облик не преобразит.
Ворон древний, временем помятый,
Вновь присядет на ее ветвях,
Сытой сладкой негою объятый,
Вспомнит юность в старческих мечтах.
Он березы той седой ровесник,
В пышной кроне находил покой.
Помнит хороводов летних песни
И беседы под густой листвой.
Помнит изумрудное величье
И грачей весенних шумный крик.
Все ушло. Остались гнезда птичьи.
Столько лет, а будто только миг.
Жаль мне это дерево седое,
Вид его не радует уж взгляд,
Как во сне, быть может не живое,
Только ветви голые шумят.

ГАСТРОСТИХ

Ах, аппетитно как шкварчит на сковородке сальце.
Амбре божественным наполнена квартира.
Колбаски кус, укутанный в батона одеяльце,
Заждался маслица с большим кусочком сыра.
Пора. Картошки кругляши летят на сковородку.

Шипят, пыхтят и требуют немножко соли.
Слились в единое. А малосольная селедка
Ждет шубу новую. Мой будет кот доволен.
Под ложкой захрустит почти готовая картошка.
Томятся в предвкушении ножи и вилки.
«Когда?» Слюной исходит муж заждавшийся – Сережка.
«Сейчас?» Открыл домашнего винца бутылку.
И вот, Сережка на хлебец икорочки намажет.
Открылась крышка. Вот она, картошка с салом.
Рецепторы в истоме, запах нежный будоражит.
Вмиг комната заполнилась вкуснейшим паром.

Быть может, что-то есть вкусней на свете,
Но все ж милее мне продукты эти.

Мир
в
объективе
Натальи
Зяблицкой

Фото Натальи Зяблицкой

Зимнее утро

Тихий омут

Полумрак

Одуванчик

Седое утро

Тихая грусть